

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА**

Том 17 № 1 (2020)

Тема выпуска:

**Личность в контексте диалога культур.
К юбилею Татьяны Гавриловны Стефаненко**

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-1

<http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>

Научный журнал

Издается с 2003 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61178 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	7
СОВРЕМЕННАЯ ЭТНОПСИХОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	
Khukhlaev O. E., Gritsenko V. V., Pavlova O. S., Tkachenko N. V., Usuban S. A., Shorokhova V. A. Comprehensive Model of Intercultural Competence: Theoretical Substantiation	13
Голынич Е. О. Этнос трудноразрешимого межэтнического конфликта: исследовательские подходы и перспективы изучения	29
Vasilyeva E. D., Lebedeva N. M. Sino-Russian Intercultural Communication Research: Literature Review	51
НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	
Ardila A. Cross-Cultural Neuropsychology: History and Prospects	64
ПРИКЛАДНЫЕ ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
Мельникова Н. М. Межкультурная компетентность психологов: проблемы и перспективы изучения и формирования	79
Чеботарева Е. Ю., Кониная М. А., Руденко А. С. Этническая идентичность русских женщин в межэтнических браках и ее связь с привязанностью к супругу и сепарацией от родителей	101
Константинов В. В., Бабаева М. В. Трансформация этнической идентичности мигрантов-армян, вовлеченных и не вовлеченных в деятельность национально-культурной автономии	128
Егорова А. И. Психолингвистический анализ ассоциаций концептов «мужчина» и «женщина» у тюркоязычных народов Сибири	143
ТАТЬЯНА ГАВРИЛОВНА СТЕФАНЕНКО – УЧЕНЫЙ, УЧИТЕЛЬ И ЧЕЛОВЕК: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ	
Новикова И. А., Маслова О. В. Вклад Т. Г. Стефаненко в развитие этнопсихологии в РУДН: вдохновляющее лидерство	159
Гриценко В. В. Татьяна Гавриловна Стефаненко – пример профессионализма, образованности, скромности	168
Лунева О. В. Тренинг межкультурного взаимодействия: памяти Татьяны Гавриловны Стефаненко посвящается	174
Тащёва А. И. Светлому Человеку – светлая память	183
Купавская А. С. Учитель и научная мама: памяти Татьяны Гавриловны Стефаненко	189
НАУЧНАЯ ХРОНИКА	
Ширков Ю. Э., Азимзаде А. А., Гасанова У. У., Новрузова Л. З. Влияние Т. Г. Стефаненко на становление Азербайджанской школы этнопсихологических исследований	196
Takooshian H. Psychological Science at the United Nations: Historical Trends	209
РЕЦЕНЗИИ	
Ellis D. J. Appreciating CB Therapy Across Cultures: Book Review of: Iwamasa, G. Y., & Hays, P. A. (Eds.). (2019). Culturally Responsive Cognitive Behavior Therapy. 2 nd Edition. Washington DC: American Psychological Association. 348 p. ...	214

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Курilenko Виктория Борисовна, доктор педагогических наук, заведующая кафедрой русского языка Медицинского института РУДН (Москва, Россия)

Почетный редактор

Григоренко Елена Леонидовна, доктор психологических наук, Ph.D., выдающийся профессор департамента психологии Хьюстонского университета, профессор-исследователь департамента педиатрии, молекулярной генетики и генетики человека Бейлорского медицинского колледжа (Хьюстон, США); профессор Центра детских исследований Йельского университета, старший научный сотрудник лаборатории Хаскинс (Йель, США)

Ответственный секретарь

Новикова Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой социальной и дифференциальной психологии РУДН, член-корреспондент МАНПО (Москва, Россия)

Члены редакционной коллегии

Барбот Баптисте, Ph.D., профессор психологии Пэйс Университета (Нью-Йорк, США)

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета (Москва, Россия)

Джарвин Линда, Ph.D., профессор психологии Парижского колледжа искусств (Париж, Франция)

Кючуков Христо, доктор педагогических наук, Ph.D., профессор Университета Силезии в Катовице (Катовице, Польша)

Нью Вилльям, Ph.D., профессор, профессор и глава департамента образования и исследований молодежи Колледжа Белойта (Белойт, США)

Оздорска-Мазур Ева, Ph.D. in Education, профессор, профессор факультета этнологии и образовательных наук Университета Силезии в Катовице (Катовице, Польша)

Раицкая Лилия Климентовна, доктор педагогических наук, кандидат экономических наук, советник ректора МГИМО МИД России, профессор кафедры педагогики и психологии МГИМО МИД России (Москва, Россия)

Рич Грант, Ph.D., профессор психологии, психотерапевт (Джуно, Аляска, США)

Стоишич Лазар, Ph.D., профессор Колледжа академических исследований «Досидеж» (Белград, Сербия)

Такушьян Гарольд, Ph.D., профессор психологии и руководитель программы по организационной психологии Университета Фордхэм (Нью-Йорк, США)

Тарноу Юджин, Ph.D., научный сотрудник «Авалон Бизнес Систем» (Фэйр Лоун, Нью-Джерси, США)

Хархури Анатолий Владимирович, Ph.D., профессор психологии Американского университета Шарджи (Шарджа, Объединенные Арабские Эмираты)

Шейнов Виктор Павлович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогического мастерства Республиканского института высшей школы (Минск, Беларусь)

Редактор Ю.А. Заикина

Компьютерная верстка Ю.А. Заикиной

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала «Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 778-38-07 (доб. 12-67); e-mail: psyj@rudn.ru

Подписано в печать 23.03.2020. Выход в свет 30.03.2020. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 19,25. Тираж 500 экз. Заказ № 18. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов»

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

VOLUME 17 NUMBER 1 (2020)

Theme of Issue :

**PERSONALITY IN THE CONTEXT OF DIALOGUE OF CULTURES.
FOR TATIANA G. STEFANENKO'S ANNIVERSARY**

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-1

<http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>

Founded in 2003

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

CONTENTS

EDITORIAL	7
MODERN ETHNOPSYCHOLOGY IN THE CONTEXT OF DIALOGUE OF CULTURES	
Khukhlaev O.E., Gritsenko V.V., Pavlova O.S., Tkachenko N.V., Usubian S.A., Shorokhova V.A. Comprehensive Model of Intercultural Competence: Theoretical Substantiation	13
Golynchik E.O. The Ethos of Intractable Interethnic Conflict: Research Approaches and Prospects	29
Vasilyeva E.D., Lebedeva N.M. Sino-Russian Intercultural Communication Research: Literature Review	51
NEW TRENDS IN CROSS-CULTURAL RESEARCH	
Ardila A. Cross-Cultural Neuropsychology: History and Prospects	64
APPLIED ETHNOPSYCHOLOGICAL RESEARCH	
Melnikova N.M. Intercultural Competence of Psychologists: Problems and Prospects of Study and Development	79
Chebotareva E.Yu., Konina M.A., Rudenko A.S. Ethnic Identity of Russian Women in Interethnic Marriages and its Relationship with Their Attachment to Spouses and Separation from Parents	101
Konstantinov V.V., Babaeva M.V. Transformation of Ethnic Identity of Armenian Migrants Involved and Non-Involved in the Activities of Their National Cultural Autonomy	128
Egorova A.I. Psycholinguistic Analysis of the Associations of the Concepts "Man" and "Woman" Typical of the Siberian Turkic Peoples	143
TATIANA G. STEFANENKO – SCIENTIST, TEACHER AND PERSON: TOUCHES TO THE PORTRAIT	
Novikova I.A., Maslova O.V. Tatiana G. Stefanenko's Contribution to the Development of Ethnopsychology at RUDN University: Inspiring Leadership	159
Gritsenko V.V. Tatiana G. Stefanenko – an Example of Professionalism, Education, Modesty	168
Luneva O.V. Cross-Cultural Communication Training: Dedicated to the Memory of Tatiana G. Stefanenko	174
Tashcheva A.I. In Loving Memory of Unique Person	183
Kupavskaya A.S. The Teacher and Scientific Mum: Dedicated to the Memory of Tatiana G. Stefanenko	189
SCIENTIFIC CHRONICLE	
Shirkov Y.E., Azimzade A.A., Hasanova U.U., Novruzova L.Z. Tatiana G. Stefanenko's Impact to the Development of Ethnopsychological Research in Azerbaijan	196
Takooshian H. Psychological Science at the United Nations: Historical Trends	209
BOOK REVIEWS	
Ellis D.J. Appreciating CB Therapy Across Cultures: Book Review of: Iwamasa G.Y., & Hays, P.A. (Eds.). (2019). Culturally Responsive Cognitive Behavior Therapy. 2 nd Edition. Washington DC: American Psychological Association. 348 p.	214

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Viktoriya B. Kurilenko, D.Sc. in Education, Head of Department of Russian Language at the Institute of Medicine (Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia)

Honorary Editor

Elena L. Grigorenko, Ph.D. in Psychology, D.Sc. in Psychology, Hugh Roy and Lillie Cranz Cullen Distinguished Professor, Department of Psychology (University of Houston, Houston, USA), Research Certified Adjunct Professor, Departments of Pediatrics and Molecular and Human Genetics (Baylor College of Medicine, Houston, USA), Adjunct Professor of Child Study Center and Senior Scientist of Haskins Laboratories (Yale University, Yale, USA)

Assistant to the Editor-in-Chief

Irina A. Novikova, Ph.D. in Psychology (Candidate of Psychological Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Social and Differential Psychology Chair (Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia)

Members of the Editorial Board

Baptiste Barbot, Ph.D. in Psychology, Assistant Professor of Department of Psychology (Pace University, New York, USA)

Inna B. Bovina, D.Sc. in Psychology (Doctor of Psychological Sciences), Professor of Department of Clinical and Legal Psychology (Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia)

Linda Jarvin, Ph.D. in Psychology, Dean of Paris College of Art (Paris College of Art, Paris, France)

Anatoliy V. Kharkhurin, Ph.D. in Psychology, Professor of Psychology (American University of Sharjah, Sharjah, UAE)

Hristo Kyuchukov, Ph.D. in Education, Professor of Intercultural Education (Silesian University in Katowice, Poland)

William S. New, Ph.D. in Education and Psychology, Professor and Chair, Department of Education and Youth Studies (Beloit College, Beloit, USA)

Ewa Ogrodzka-Mazur, Ph.D. in Education, Prof. hab., Professor of Institute of Education, Faculty of Ethnology and Educational Science (University of Silesia in Katowice, Poland)

Lilia K. Raitskaya, D.Sc. in Education, Ph.D. in Economics, Rector's Adviser and Professor of Department of Pedagogy and Psychology (Moscow State Institute of International Relations at the Ministry for Foreign Relations of the Russian Federation (MGIMO University), Moscow, Russia)

Grant J. Rich, Ph.D. in Psychology, Fellow, American Psychological Association (Juneau, Alaska, USA)

Harold Takooshian, Ph.D. in Psychology, Professor of Psychology & Urban Studies at Fordham University, Director of the Fordham Program in Organizational Leadership, Past-President and Representative to APA Council (Fordham University, New York, USA)

Eugen Tarnow, Ph.D. in Physics, researcher (Avalon Business Systems, Inc., Fair Lawn, NJ, USA)

Viktor P. Sheinov, D.Sc. in Sociology (Doctor of Sociological Sciences), Professor, Professor of the Psychology and Pedagogical Mastery Chair (Republican Institute of Higher Education, Minsk, Belarus)

Lazar Stosic, Ph.D. in Computer Science, Professor (College of Academic Studies "Dositej", Belgrade, Serbia)

Copy Editor *Iu.A. Zaikina*

Layout Designer *Iu.A. Zaikina*

Address of the editorial board:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of Psychology and Pedagogics:

10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 778-38-07 (ext. 12-67); e-mail: psyj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

О ЖУРНАЛЕ

Ежеквартальный научно-практический рецензируемый журнал по проблемам психологии, педагогики и образования «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика» издается Российским университетом дружбы народов с 2003 г. Редколлегия журнала строго придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): [http:// publicationethics.org](http://publicationethics.org)

Цель журнала – публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых по актуальным проблемам современной психологии и педагогики в виде научных статей, научных обзоров, исторических справок, посвященных деятелям российской и зарубежной науки, научно-информационных сообщений.

Журнал адресован научным работникам, исследователям, преподавателям в сфере психологии и педагогики, практическим психологам, педагогам и учителям, а также аспирантам и студентам, обучающимся по психолого-педагогическим и смежным специальностям.

Статьи публикуются на русском и английском языках.

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика» включен в обновленный Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата наук и доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки);

13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки);

13.00.08 – Теория и методика профессионального образования (педагогические науки);

19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки);

19.00.02 – Психофизиология (психологические науки);

19.00.03 – Психология труда, инженерная психология, эргономика (психологические науки);

19.00.04 – Медицинская психология (психологические науки);

19.00.05 – Социальная психология (психологические науки);

19.00.07 – Педагогическая психология (психологические науки);

19.00.13 – Психология развития, акмеология (психологические науки).

С 2017 г. журнал включен для индексации в базу данных PsycINFO (Американская психологическая ассоциация): <http://www.apa.org/pubs/databases/psycinfo/coverage.aspx>, а также индексируется в РИНЦ, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions.

Функционирует электронный сайт журнала на Портале научных журналов РУДН: <http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>, который содержит полные сведения о журнале, редакционной политике и этике, требованиях к подготовке и публикации статей, полнотекстовые выпуски журнала с 2008 г. и другую информацию.

В базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на платформе Научной электронной библиотеки (НЭБ) представлены полнотекстовые версии статей с 2003 г.: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=25721>

По всем вопросам, связанным с публикацией статей в журнале, можно связаться с редакцией по электронному адресу: psyj@rudn.ru

ABOUT OUR JOURNAL

“**RUDN Journal of Psychology and Pedagogics**” is a quarterly scientific peer-reviewed journal on the current problems of psychology, pedagogy and education. The journal has been issued since 2003. Until December 2016 the Journal was titled “**Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogics**”.

The founder and publisher of the Journal is Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University). Editorial Board strictly adheres to the international standards of publication ethics of the COPE: <http://publicationethics.org>

The purpose of the Journal is publishing the results of the fundamental and applied scientific research of the Russian and international scientists on the current trends of psychology and education in the form of the scientific articles, scientific survey materials, scientific reports, reviews, historical background information devoted to the prominent figures of the Russian and international science. The articles are published in Russian and English.

Journal is addressed to scientists, researchers, teachers in the field of psychology and pedagogy, practical psychologists, educators and teachers, as well as graduate students.

The Journal is addressed to scientists, researchers, teachers in the field of psychology and pedagogy, practical psychologists, educators and teachers, as well as graduate and undergraduate students.

Since 2017 the Journal has been officially accepted for coverage in PsycINFO (American Psychological Association): <http://www.apa.org/pubs/databases/psycinfo/coverage.aspx>.

The Journal is also indexed in Russian Science Citation Index, DOAJ, Google Scholar, Ulrich’s Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions.

The main thematic rubrics of the Journal are:

- Theoretical, Methodological and Polemic Problems of Modern Psychology and Pedagogy;
- Current Problems of Personality Psychology;
- Contemporary Social Psychological Research;
- Cross-Cultural and Ethnopsychological Research;
- Current Trends of Modern Health Psychology and Psychophysiology;
- Theoretical and Methodological Problems of Modern Education;
- Psychological and Pedagogical Research of Higher and Secondary Education;
- Cross-National Scientific Cooperation;
- International Conferences on Psychology and Education.

Rubrics are constantly updated and reflect the current trends in the development of modern psychology and education.

The Journal website operates on the Portal of RUDN University scientific journals: <http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>. The website contains full information about the Journal, editorial policy and ethics, requirements for the preparation and publication of the articles, etc., as well as full-text issues of the Journal since 2008.

The database of the Russian Science Citation Index on the platform of the Scientific Electronic Library provides full-text versions of the Journal articles published since 2003: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=25721>

For all matters relating to the publication of articles in the Journal you can contact with the Editorial board by e-mail: psyj@rudn.ru

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Специальный выпуск *«Личность в контексте диалога культур. К юбилею Татьяны Гавриловны Стефаненко»* журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика» посвящен выдающемуся российскому ученому Татьяне Гавриловне Стефаненко, одному из основателей отечественной этнопсихологии и кросс-культурных исследований.

Идея спецвыпуска родилась в июле 2019 года на XVI Европейском психологическом конгрессе. На встречах во время конгресса ученики, последователи, коллеги Т.Г. Стефаненко (которой в ноябре 2019 года исполнилось бы 70 лет), работающие в ведущих университетах России и мира, отмечали неопределимый вклад Татьяны Гавриловны в развитие этнопсихологии. Проблематика кросс-культурных исследований личности, этнопсихологии, этнопедагогике, межкультурной педагогики, лингводидактики всегда была одной из приоритетных в нашем журнале, поэтому идея подготовки специального выпуска, посвященного известному российскому этнопсихологу, полностью соответствовала концепции журнала.

На наш анонс, размещенный на страницах и сайте журнала, в социальных сетях, в рассылках, откликнулись те, кто знал и любил Татьяну Гавриловну: учился у нее, работал вместе с ней, сотрудничал в ходе многочисленных проектов, встречался на конференциях. Все эти отклики были наполнены теплом и благодарностью Татьяне Гавриловне за ее вклад в российскую этнопсихологию, за ее учебники, лекции, статьи, за ее участие в жизни коллег и учеников. Мы получили более 30 статей из разных стран мира. В итоговый вариант выпуска вошли 16 публикаций, которые отражают разные грани «феномена Татьяны Стефаненко» как ученого-исследователя, практического этнопсихолога, преподавателя, организатора и руководителя, как удивительного Человека, оставившего неизгладимый след не только в науке, но и в жизни всех тех, кому посчастливилось с ней встретиться.

В рубрику *«Современная этнопсихология в контексте диалога культур»* вошли статьи, посвященные проблемам, которыми Татьяна Гавриловна занималась как ученый-этнопсихолог и как специалист по межкультурному взаимодействию. Коллеги, представляющие кафедру этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования Московского государственного психолого-педагогического университета, с большинством из которых Татьяна Гавриловна тесно сотрудничала, – О.Е. Хухлаев, В.В. Гриценко, О.С. Павлова, Н.В. Ткаченко, Ш.А. Усубян, В.А. Шорохова – в статье *Comprehensive Intercultural Competence Model: Theoretical Substantiation («Комплексная модель межкультурной компетентности: теоретическое обоснование»)* предлагают вариант новой комплексной модели межкультурной (этнокультурной) компетентности, разработанной на стыке зарубежных

и отечественных концепций, одна из которых ранее была предложена Татьяной Гавриловной. Е.О. Голынчик, ее коллега по кафедре социальной психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, в статье *«Этос трудноразрешимого межэтнического конфликта: исследовательские подходы и перспективы изучения»* продолжает традицию изучения феноменологии трудноразрешимых межгрупповых конфликтов, которая в отечественной психологии была заложена Т.Г. Стефаненко. Статья Н.М. Лебедевой (которая, как и Татьяна Гавриловна, стояла у истоков этнопсихологических и кросс-культурных исследований в нашей стране) и Е.Д. Васильевой (Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики») *Sino-Russian Intercultural Communication Research: Literature Review («Опыт изучения российско-китайской межкультурной коммуникации: обзор исследований»)* посвящена обзору исследований российско-китайской межкультурной коммуникации. Эта проблематика всегда была близка Татьяне Гавриловне и как исследователю, и как человеку, так как в детстве она шесть лет жила в Китае, где работал ее отец.

В рубрике *«Новые тенденции кросс-культурных исследований»* представлена статья А. Ардилы *Cross-Cultural Neuropsychology: History and Prospects («Кросс-культурная нейропсихология: история и перспективы»)*. Автор статьи, ученик А.Р. Лурии, в течение многих лет продолжает традиции культурно-исторического подхода, с которым познакомился во время обучения на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. А. Ардила является основателем одного из новых направлений кросс-культурных исследований – кросс-культурной нейропсихологии, о становлении и развитии которой и идет речь в этой статье.

Следующая рубрика выпуска посвящена различным направлениям *«Прикладных этнопсихологических исследований»*. Н.М. Мельникова (Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова) продолжает тему межкультурной компетентности, о которой речь идет в первой статье выпуска. В статье *«Межкультурная компетентность психологов: проблемы и перспективы изучения и формирования»* автор на основе собственного опыта психологической работы в мультикультурной среде Республики Саха (Якутия) рассматривает специфику подготовки психологов к межкультурному консультированию, анализирует важные аспекты проявления и формирования межкультурной компетентности психологов при проведении этнопсихологических полевых исследований, изучает этические проблемы психологической деятельности, связанные с межкультурной компетентностью/некомпетентностью специалистов. В статье Е.Ю. Чеботаревой, М.А. Кониной, А.С. Руденко *«Этническая идентичность русских женщин в межэтнических браках и ее связь с привязанностью к супругу и сепарацией от родителей»* представлены результаты эмпирического исследования проблемы этнической идентичности (одной из центральных в научном творчестве Т.Г. Стефаненко) в контексте межкультурных браков, число которых постоянно растет как в России, так и во всем мире. Коллеги из Пензенского государственного университета В.В. Константинов и М.В. Бабаева в статье *«Трансформация этнической идентичности мигрантов-армян, вовлеченных и не вовлеченных в деятельность национально-культурной автономии»*

также рассматривают результаты исследования этнической идентичности, но уже в контексте другой актуальной проблемы – роста миграционных процессов в современном обществе. В статье А.И. Егоровой (Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова) «*Психолингвистический анализ ассоциаций концептов “мужчина” и “женщина” у тюркоязычных народов Сибири*» представлены результаты междисциплинарного исследования, выполненного на стыке этнопсихологии и психолингвистики по результатам экспедиции в национальные регионы России (Республики Алтай, Тыва, Хакасия, Саха (Якутия)), что перекликается с традициями исследований в русле епис-подхода, о котором много писала Т.Г. Стефаненко в своем известном учебнике «Этнопсихология».

Статьи, вошедшие в рубрику «*Татьяна Гавриловна Стефаненко – ученый, учитель и человек: штрихи к портрету*», раскрывают некоторые черты личности, особенности взаимоотношений с коллегами и факты биографии Татьяны Гавриловны, которые не известны широкой аудитории: например, подробности ее сотрудничества с самым многонациональным вузом России – Российским университетом дружбы народов (статья И.А. Новиковой и О.В. Масловой); вовлеченности в проект разработки и апробации тренинга межкультурного взаимодействия (статья О.В. Луневой); вклада в работу диссертационного совета Южного Федерального университета (статья А.И. Ташевой) и традиционных этнопсихологических конференций в Смоленске (статья В.В. Гриценко); включенности не только в научную, но и в личную жизнь своих учеников (статья А.С. Купавской). Все статьи этой рубрики пронизаны особым личным отношением к Татьяне Гавриловне, которым авторы сочли возможным поделиться с читателями, чтобы отдать дань признательности и благодарности замечательному человеку, с которым они встретились на жизненном пути.

Рубрика «*Научная хроника*» включает два репортажа. В одном из них рассказывается о вкладе Т.Г. Стефаненко в развитие этнопсихологических исследований в Бакинском государственном университете (Ю.Э. Ширков, А.А. Азимзаде, У.У. Гасанова, Л.З. Новрузова), другой посвящен более широкой теме, отражающей еще один аспект диалога культур – исторической ретроспективе работы психологов и психологических сообществ в Организации Объединенных Наций (Г. Такушьян).

Завершает спецвыпуск рецензия на книгу о принимающей когнитивно-бихевиоральной терапии в разных культурах (Iwamasa, G.Y., & Hays, P.A. (Eds.). (2019). *Culturally Responsive Cognitive Behavior Therapy*. Washington DC: American Psychological Association), написанная Д.Д. Эллис, одним из классиков рационально-эмотивной поведенческой терапии. Думается, что эта книга не прошла бы мимо внимания Т.Г. Стефаненко, которая всегда была в курсе новых изданий по кросс-культурной тематике. Мы также надеемся, что книга найдет своих читателей в России.

В заключение отметим, что некоторые статьи, поступившие в редколлегию во время подготовки спецвыпуска, не были в него включены по разным причинам, в первую очередь из-за ограничения объема издания. Редколлегия постарается опубликовать большую часть этих статей в последующих выпусках в наших традиционных рубриках, посвященных изучению личности в контексте диалога культур.

EDITORIAL

This special issue *Personality in the Context of Dialogue of Cultures. For Tatiana G. Stefanenko's Anniversary* of the *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics* is dedicated to the anniversary of the outstanding Russian scientist, Tatiana G. Stefanenko (1949–2018), one of the founders of modern Russian ethnopsychology and cross-cultural research.

The idea of creating a special issue was born in July 2019 at the 16th European Congress of Psychology. At meetings during the congress, students, followers and colleagues of T.G. Stefanenko, working in leading universities in Russia and the world, noted her invaluable contribution to the development of ethnopsychology. The issues of cross-cultural studies of personality, ethnopsychology, ethnopedagogy, cross-cultural psychology and pedagogy, and linguodidactics are central to *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*; therefore, the idea of preparing a special issue dedicated to the famous Russian ethnopsychologist fully corresponded to the concept of our journal.

Our announcement published in the journal and its website, social networks and in newsletters was caught on by those who knew and loved Tatiana Stefanenko, who studied and worked with her on numerous projects or at conferences. All their responses were filled with warmth and gratitude to Tatiana Stefanenko for her contribution to Russian ethnopsychology, for her textbooks, lectures and articles as well as for her participation in the life of her colleagues and students. We received more than 30 papers from different countries. The final version of the issue includes 16 publications that reflect different facets of the Tatiana Stefanenko's phenomenon as a scientific researcher, practical ethnopsychologist, teacher, organiser and leader, as an amazing person who left an indelible mark not only in science but also in the lives of all those who were lucky to know her.

The section *Modern Ethnopsychology in the Context of Dialogue of Cultures* includes articles concerned with the problems that Tatiana Stefanenko dealt with as an ethnopsychologist and a specialist in intercultural interaction. The specialists of the Cross-cultural Psychology and Multicultural Education Department at Moscow State University of Psychology & Education, with most of whom Tatiana Gavrilovna closely collaborated, – Oleg E. Khukhlaev, Valentina V. Gritsenko, Olga S. Pavlova, Natalia V. Tkachenko, Shushanik A. Usubyan, Valeria A. Shorokhova – in their article *Comprehensive Intercultural Competence Model: Theoretical Substantiation* propose a version of a new comprehensive model of intercultural (ethnocultural) competence developed at the intersection of Russian and foreign concepts, one of which had been previously proposed by Tatiana Stefanenko. Elena O. Golynchik, her colleague in the Department of Social Psychology at Lomonosov Moscow State University, in the article *The Ethos of Intractable Interethnic Conflicts: Research Approaches and Perspectives* continues the study

of the phenomenology of intractable intergroup conflicts that T.G. Stefanenko began in Russian psychology. The article *Sino-Russian Intercultural Communication Research: Literature Review* by Nadezhda M. Lebedeva (who, like Tatiana Stefanenko, stood at the origins of modern ethnopsychological and cross-cultural studies in our country) and Ekaterina D. Vasilyeva (Centre for Sociocultural Research, National Research University Higher School of Economics) presents a review of research on Russian-Chinese intercultural communication. Tatiana Stefanenko had always taken a keen interest in these issues both as a researcher and a person, because, since she spent six years in childhood in China, where her father worked.

The section *New Trends in Cross-Cultural Research* contains the article *Cross-Cultural Neuropsychology: History and Prospects* by Alfredo Ardila. The author, a follower of Alexander R. Luria, for many years has continued the tradition of the cultural-historical approach, with which he familiarised himself during his studies at the Faculty of Psychology at Lomonosov Moscow State University. A. Ardila is the founder of one of the new areas of cross-cultural research, i.e. cross-cultural neuropsychology, the formation and development of which is discussed in this article.

The next section of the issue is devoted to various areas of *Applied Ethnopsychological Research*. Nadezhda M. Melnikova (M.K. Ammosov North-Eastern Federal University) continues the topic of intercultural competence, which is discussed in the first article of the issue. In the article *Intercultural Competence of Psychologists: Problems and Prospects of Study and Development*, the author, based on her own experience of psychological work in the multicultural environment of the Republic of Sakha (Yakutia) considers the specifics of preparing psychologists for cross-cultural counselling, analyses important aspects in how psychologists develop and manifest intercultural competence during ethnopsychological field studies and explores the ethical issues of psychological activity related to intercultural competence/incompetence of specialists. Elena Yu. Chebotareva, Mira A. Konina and Alla S. Rudenko in their article *Ethnic Identity of Russian Women in Interethnic Marriages and Its Relationship with their Attachment to Husbands and their Separation from Parents* present the results of an empirical study of ethnic identity (one of the central problems in the scientific work of Tatiana Stefanenko) in the context of intercultural marriages, the number of which is constantly growing both in Russia and around the world. Our colleagues from Penza State University, Vsevolod V. Konstantinov and Marina V. Babaeva, in their article *Transformation of Ethnic Identity of Armenian Migrants Involved and Non-involved in the Activities of Their National Cultural Autonomy* also consider the results of the study of ethnic identity, but in the context of another pressing problem, i.e. the growth of migration processes in modern society. Aida I. Egorova (M.K. Ammosov North-Eastern Federal University) in her article *Psycholinguistic Analysis of the Associations of the Concepts 'Man' and 'Woman' Typical of the Siberian Turkic Peoples* presents the results of an interdisciplinary study carried out at the intersection of ethnopsychology and psycholinguistics based on the results of the expedition to national regions of Russia (Altai, Tyva, Khakassia, Sakha (Yakutia) Republics), which chimes with the traditions of emic-research thoroughly described by Tatiana Stefanenko in her famous textbook on Ethnopsychology.

The articles included in the section *Tatiana G. Stefanenko: Scientist, Teacher and Person. Touches to the Portrait* reveal some personality traits, relationships with colleagues and facts of Tatiana Stefanenko's biography that are not known to a wide audience, for example, details of her collaboration with the most multinational University of Russia, i.e. RUDN University (Irina A. Novikova and Olga V. Maslova); involvement in the development and testing of training for intercultural interaction (Olga V. Luneva); contribution to the work of the dissertation council of the Southern Federal University (Anna I. Tashcheva) and traditional ethnopsychological conferences in Smolensk (Valentina V. Gritsenko); participation not only in scientific activities but also in the personal life of her students (Aleksandra S. Kupavskaya). All the articles in this section are permeated with a special personal attitude to Tatiana Stefanenko, which the authors found it possible to share with readers in order to pay tribute to the wonderful person whom they were lucky to know.

The section *Scientific Chronicle* includes two reports. One of them tells about Tatiana Stefanenko's contribution to the development of ethnopsychological research at Baku State University (Yuri E. Shirkov, Aydan A. Azimzade, Ulkar U. Hasanova, Leyla Z. Novruzova), the other one is focused on a broader topic reflecting another aspect of intercultural dialogue, i.e. a historical retrospective of the work of individual psychologists and psychological organizations in the United Nations (Harold Takooshian).

The special issue is completed with a review of a book on cognitive-behavioural therapy across cultures (Iwamasa, G.Y., & Hays, P.A. (Eds.). (2019). *Culturally Responsive Cognitive Behavior Therapy*. Washington DC: American Psychological Association), written by Debbie J. Ellis, one of the classicists of rational-emotive behavioural therapy. We are sure that this book would not have gone unnoticed by Tatiana Stefanenko who had always been aware of new publications on cross-cultural topics. We also hope that the book will find its readers in Russia.

In conclusion, we want to note that some articles submitted to the editorial board during the preparation of this special issue were not included in it for various reasons, primarily because of the limited volume of the publication. Nevertheless, the editorial board will try to publish most of these articles in subsequent issues in our traditional sections on the study of personality in the context of intercultural dialogue.

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-1-13-28
UDC 159.9:316.6

Theoretical article

Comprehensive Model of Intercultural Competence: Theoretical Substantiation

Oleg E. Khukhlaev, Valentina V. Gritsenko, Olga S. Pavlova,
Natalya V. Tkachenko, Shushanik A. Usubian, Valeria A. Shorokhova

Moscow State University of Psychology & Education
29 Sretenka St., Moscow, 127051, Russian Federation

Abstract. The paper presents theoretical substantiation and development of the authors' comprehensive model of intercultural competence (ICC), based on the analysis and generalization of empirical models of intercultural interaction existing in Western and Russian science. The model is based on 9 constructs: intercultural stability/sustainability, intercultural flexibility, intercultural openness, intercultural interest, absence of ethnocentrism, cultural sensitivity, intercultural empathy, management of intercultural relations, and tolerance to intercultural uncertainty. Those constructs are combined into three groups of characteristics: 1) intercultural traits; 2) attitudes and mentality features; 3) intercultural skills. Basic mechanisms by which the distinguished constructs of intercultural competence contribute to intercultural efficiency are substantiated – this is maintenance of an optimal level of sensitivity to uncertainty and an optimal level of anxiety in the process of intercultural communication. The role of each component of intercultural competence is shown. Constructs “Cultural Sensitivity”, “Intercultural Empathy”, “Management of Intercultural Relations”, “Tolerance to Intercultural Uncertainty”, and “Intercultural Flexibility” make a significant contribution to maintaining the optimal level of sensitivity to uncertainty and thereby contribute to increasing effectiveness of intercultural interaction. Such components of intercultural competence as “Intercultural Empathy”, “Intercultural Interest”, “Lack of Ethnocentrism”, “Intercultural Openness”, “Tolerance to Intercultural Uncertainty”, maintain the optimal level of anxiety, which contributes to the effectiveness of intercultural communication. It is emphasized that none of the components of the ICC is a universal predictor of the success of intercultural interaction, this effect being achieved only through an integrative combination with other ICC constructs.

Key words: intercultural competence, intercultural communication, model of intercultural competence, constructs of intercultural competence, intercultural traits, intercultural attitudes, intercultural skills, intercultural ability, intercultural interaction, intercultural effectiveness

Introduction and problem definition

In modern conditions of increasing interethnic and intercultural tension throughout the world, the study of the problem of the effectiveness of intercultural interaction is gaining more importance, which is reflected in numerous studies of

© Khukhlaev O.E., Gritsenko V.V., Pavlova Olga S., Tkachenko N.V., Usubian S.A., Shorokhova V.A., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

intercultural competence (Arasaratnam, 2015; Leung et al., 2014; Ramirez, 2016; Zhang & Zhou, 2019).

Intercultural competence is traditionally understood as the ability of an individual to function effectively when communicating with representatives of different cultures and in different cultural environments (Whaley, Davis, 2007). Researchers (Leung et al., 2014) note that today there are more than 30 models of intercultural competence and more than 300 constructs related to this problem.

Russian science presents models of intercultural competence, which are for the most part classified as enumerating (structural) or procedural (dynamic) (Gridunova, 2015; Terekhova, Bolshakova, 2011, 2017; Chernyak, 2015). For example, among structural models there exists a model of intercultural communicative competence, the psychological core of which is a combination of such personal characteristics as ethnic and interpersonal tolerance, trust and sensitivity (Pochebut, 2013; Logashenko, 2015) or a model with a three-component structure: affective-motivational, cognitive-behavioral and “avoidance of differences” components (Chibisova, Ivanova, 2016). Structural models also include those that consider intercultural competence as a kind of integrity, not just a totality of its components, as a complexly organized, hierarchical structure (including affective, cognitive and procedural elements) that forms a completely new quality (Sadokhin, 2016). Also of interest is the three-component model of intercultural or ethnocultural competence by T.G. Stefanenko and A.S. Kupavskaya, which includes cognitive, behavioral and motivational factors, which has become the basis for intercultural learning. This model allows, firstly, to set goals and describe the results of intercultural learning in terms of skills, secondly, to establish standardized training programs to increase ethnic and cultural competence and, thirdly, to move towards measuring the effectiveness of various intercultural learning models (Stefanenko, Kupavskaya, 2010).

An example of using dynamic approach to understanding ICC in Russian psychology can be models of forming intercultural competence in mono- and multicultural groups (Kornilova, 2012), through training (Kupavskaya, 2008), as well as a model developed by researchers of the Peoples' Friendship University of Russia, who defined types (or profiles) of intercultural competence depending on the ratio of the level of development of intercultural sensitivity and individual and personal factors of the Big Five (Gridunova, 2018; Novikova et al., 2017).

Thus, Russian models are a combination of independent or interconnected and forming an integrity, structural and dynamic components of intercultural competence. However, they do not provide an analysis of the mechanisms allowing ICC to be considered a multicomponent, but integral phenomenon that contributes to the effectiveness of intercultural communication.

However, for the model of intercultural competence as an applied theory, it is critically important to be measurable, only in this case it can be correlated with practice. We believe that despite a wide range of tools for assessing intercultural competence, few of them meet the criteria of environmental validity, i.e. have evidence of both the existence and the measurability of their components in different environments (Matsumoto, Hwang, 2013). According to the results of the assessment and generalization of these tools, we have identified 14 instrumen-

tal models of intercultural competence, empirically confirmed and widespread in foreign studies. A generalization of these approaches formed the basis for creating a comprehensive model of intercultural competence.

The analysis by V. Gritsenko et al. showed that they all differ in the direction and degree of conceptualization (Gritsenko et al., 2020). So, a number of empirical models and methodological tools developed on their basis can be called enumerating, because they present a simple listing of various characteristics of intercultural competence. These include, for example, the Intercultural Adjustment Potential Scale (ICAPS) (Matsumoto et al., 2001), the Multicultural Personality Questionnaire (MPQ) (Van der Zee, Van Oudenhoven, 2000, 2001), the Intercultural Competence Questionnaire (ICQ) (Matveev, Nelson, 2004), and the Multicomponent approach of CCC – МАССС (Bartel-Radic, Giannelloni, 2017).

There are also models and techniques based on them, whose structure includes affective, cognitive and behavioral components. For example, the Intercultural Communication Competence Instrument (ICCI) (Arasaratnam, 2009).

Finally, there are a number of models, conditionally called “procedural”, where intercultural competence is determined not only by means of individual competences, but also taking into account the variety of their connections with other key competences. These models are reflected in questionnaires aimed at measuring intercultural development (Intercultural Development Inventory – IDI) (Hammer, Bennett, 2003), Cross-cultural Psychological Capital (PSYCAP) (Dollwet, Reichard, 2014).

When comparing the models considered in this article, despite a different theoretical basis, their significant similarities are most often visible. Some constructs are completely synonymous, others overlap in many ways in terms of meaning. In this regard, it becomes topical to compare these models and build a comprehensive model of intercultural competence, which, on the one hand, is a generalization of all previously empirically identified constructs, and on the other, is a search for the main mechanisms by which intercultural competence will increase the effectiveness of intercultural interaction.

A similar problem was solved by M. Barrett (Barrett, 2016, 2018), who based on the previous work of D. Deardorff (Deardorff, 2006), summarized 48 models of intercultural competence to build a conceptually integrative approach. This study was carried out in the framework of creating a conceptual model of competences that students need to learn to become familiar with the culture of democracy and be able to coexist peacefully with representatives of different cultures in a democratic society (Barrett, 2016). The project was aimed at the educational environment, and intercultural competence was one of the components of a wider framework for the formation of democratic culture. As a result, the project did not address issues of intercultural competence related to solving instrumental tasks: adapting expats, increasing the efficiency of intercultural business, etc. None of the models that proved to be effective in measuring intercultural effectiveness have been considered in this project. Thus, the study of M. Barrett (Barrett, 2016), despite the similarity of tasks, was carried out on completely different material. Similarities and differences in results will be discussed at the end of this article.

Principles of building a Comprehensive Model of Intercultural Competence

Analysis included only models that empirically proved to be effective in intercultural interaction in terms of constructs included in them. A detailed description of these models, the rationale for their choice and their evidence base are presented in our review (Gritsenko et al., 2020). Thus, the analysis is based on generalizing empirical experience, which compensates for its initial theoretical and methodological eclecticism. As the main general scientific methods of theoretical research, we used analysis and synthesis, as well as induction. However, the results of the study are incomplete induction (Novikov, Novikov, 2010), i.e. they do not allow us to assert with 100% certainty that only such an approach to the integration of models of intercultural competence can claim to be reliable.

We singled out all the constructs that the authors of these models included in their approaches and carried out their content comparison. At the first stage, we crossed out competences that are universal, i.e. not related to the specific situation of intercultural communication. The next step was to remove completely duplicate constructs. Often this duplication was reflected in complete identity of the title and content. For example, “Tolerance to Uncertainty” was found in three models: Global Competences (Bird, 2010), Intercultural Readiness Check (Van der Zee, Brinkmann, 2004) and Intercultural Communicative Competence (Matveev, Nelson, 2004). As a result, 52 constructs were singled out.

Next, we combined and gave one name to similar and/or complementary constructs. In some cases, even when the names were different, a high degree of similarity of content was found. Thus, “Cosmopolitanism” from the Global Competences Model (Bird, 2010) is defined as “interest in various countries and cultures”. The “Information Search” scale from the integrative test for measuring intercultural competence (Schnabel, 2015) reflects “targeted collection of information about a foreign country or other culture”. Another option for combining was when the constructs differed from each other, but either partially overlapped, or were complementary. For example, “Intercultural Conflict Management” (Van der Zee K., Brinkmann, 2004) differs from “Diplomacy” (Bird, 2010), but can be assigned to a similar group of competences. Moreover, we focused not only on the name of each construct and its definition, but also its empirical content, which is reflected in the specific points of the questionnaire intended for its study. To name the generalized construct, we preferred to use the term maximally generalizing its content and already included in the names of integrated competences. For example, construct “Intercultural Empathy” was the result of generalization of such competences as “Cultural Empathy”, “Intercultural Empathy” and “Sensitivity in Communication”.

In conclusion, we have distributed all nine resulting constructs into three components of intercultural competence proposed by C. Leung and colleagues (Leung et al., 2014). As a framework for the integration of various constructs, we used this approach as the most authoritative and consistent with most of the approaches encountered to classify intercultural competence. It contains three components. *Intercultural traits*: stable individual characteristics that determine patterns of human behavior in conditions of intercultural contact. *Intercultural attitudes*: worldview

features associated with intercultural communication and providing adequate motivation for intercultural communication. *Intercultural skills* of a person that directly ensure its effectiveness in specific intercultural interactions. The comprehensive model developed by the authors includes three integrative constructs in the *Intercultural Traits*, four in the *Intercultural Skills* and two in the *Intercultural Attitudes*.

Below is a description of each of the components of a comprehensive model of intercultural competence.

Structure of Comprehensive Model of Intercultural Competence

Intercultural traits

Intercultural traits are, in essence, individual personality traits that contribute to or hinder the success of intercultural interaction.

Such features in many models are qualities related to coping with stress and internal mental stability in a situation of intercultural communication. This is *emotion regulation* (Matsumoto et al., 2001); *emotional stability* (Van der Zee & Van Oudenhoven, 2000; Bartel-Radic, Giannelloni, 2017); *emotional resilience* (Bird et al., 2010), *optimism, non-stress tendency, stress management* (Bird et al., 2010), *cross-cultural resilience*, and *cross-cultural optimism* (Dollwet, Reichard, 2014). These features can be combined into one group under the general name “***intercultural stability***”, which includes such individual personality traits that allow a person to be resistant to stressful situations of intercultural communication. This is a combination of emotional stability, the ability to manage emotional state and a constructive attitude to success and failure.

Another group of personality traits can be called “***intercultural openness***.” Its empirical referents in ICC models have different names: *openness* (Matsumoto et al., 2001); *open-mindedness* (Van der Zee, Van Oudenhoven, 2000; Matveev, Nelson, 2004); *non-judgementalness, inquisitiveness, inclusiveness, interest flexibility* (Bird et al., 2010). Intercultural openness presupposes such individual personality traits that allow unbiased communication with people from another culture: enjoying differences, accepting the interests of others, desire to understand their values, restraining the tendency to immediately evaluate strangers, and the ability to see cultural similarities.

Another group of personality traits, “***intercultural flexibility***” is reflected in the namesake constructions of the ICC models – *flexibility* (Matsumoto, et al., 2001; Van der Zee, Van Oudenhoven, 2000) and *social flexibility* (Bird et al., 2010). This is an individual personality trait that allows a person to adapt to new situations, easily learn new experiences, change the way of thinking and behavior depending on the situation of intercultural communication.

Thus, the “intercultural traits” that facilitate effective cross-cultural communication in the integrated model include three constructs: “intercultural stability”, “intercultural openness” and “intercultural flexibility”.

Intercultural attitudes

Along with intercultural features, an important component of the ICC is intercultural attitudes: worldview features associated with intercultural communication providing adequate motivation for intercultural communication. First of all,

it is *attitudes toward ethnocentrism/ethnorelativism*, which are understood as the tendency of an individual's consciousness to perceive and evaluate life phenomena to a greater or lesser extent through the prism of traditions and values of their ethnic group. This type of attitude is quite fully reflected in the concept of intercultural sensitivity of M. Bennett, as well as in the multicomponent approach to the ICC of A. Bartel-Radic and J. L. Giannelloni in such an empirical reference to the assessment of the ICC as the *absence of ethnocentrism* (Bartel-Radic, Giannelloni, 2017). Intercultural attitudes should also include such individual characteristics, which we will arbitrarily call "*intercultural interest*." This type of attitudes is widely represented in the empirical models of the ICC in the form of the following constructs: *passion for diversity* (Javidan, Teagarden, 2011); *cosmopolitanism*; *interpersonal engagement* (Bird et al., 2010); *affective component of the ICC* (Arasaratnam, 2009); *social initiative* (Van der Zee, Van Oudenhoven, 2000; 2001); *seeking information about other cultures* (Schnabel et al., 2015); *intercultural sensitivity* (Van der Zee, Van Oudenhoven, 2000). The last competence was included in this construct (and not in the corresponding by name) based on the content of measuring instruments: this scale is made up of such statements as "*I like to communicate with people from other cultures.*"

Thus, "Intercultural attitudes", which facilitate effective cross-cultural communication, in the integrated model include two complementary constructs: "Absence of ethnocentrism" and "Intercultural interest".

Intercultural skills

Given the fact that intercultural traits and intercultural attitudes can influence efforts aimed at developing intercultural abilities and skills (Leung et al., 2014), it would be advisable to single out another basic measures of the ICC – intercultural skills reflected in such constructs as intercultural empathy, cultural sensitivity, management of intercultural relations, and tolerance to intercultural uncertainty.

As analysis has shown, *intercultural empathy* is a widely used measure of the ICC in many questionnaires: *cultural empathy* (Van der Zee, Van Oudenhoven, 2000; Matveev, Nelson, 2004); *intercultural empathy* (Javidan, Teagarden, 2011); *empathy* (Bartel-Radic, Giannelloni, 2017); *sensitivity in communication* (Schnabel et al., 2014a; 2015b). Following the authors of these empirical models, by intercultural empathy we will understand the ability to take the position of another person during communication, to identify ourselves with the feelings, thoughts and behavior of people from different cultures.

Cross-cultural empathy intersects *cultural sensitivity*, defined as the ability to recognize different points of view on an event, behavior and take into account norms and values of another culture. We have selected this construct based on the analysis of such empirical referents as *intercultural sensitivity* (Van der Zee, Brinkmann, 2004), *emotional sensitivity* (Bird et al., 2010), and *attentiveness* (Chen, Starosta, 2000).

The last two constructs look theoretically similar, but reflect different realities. Intercultural empathy is associated with feeling a different culture of a person and identifying yourself with this person. Cultural sensitivity is a more "distant" attitude related to the general attitude towards taking into account the factor of cultural differences in communication.

The structure of the ICC should also include verbal and non-verbal abilities for intercultural communication, the ability to cooperate, and effectively manage conflicts, i.e. the so-called mediation abilities, united under the general name of ***managing intercultural relations***. The rationale for this construct is based on the following empirical models: *intercultural communication, conflict management* (Van der Zee, Brinkmann, 2004); *mediation of interests* (Schnabel et al., 2015a; 2015b), *behavioral CQ*, and *diplomacy* (Javidan, Teagarden, 2011).

The analysis of the presented empirical models allowed us to single out another construct, which often acts as an important component of the ICC models – this is ***tolerance to intercultural uncertainty***. Tolerance to uncertainty is seen as the ability to be patient in difficult and unpredictable situations of intercultural interaction. This construct is embodied in the following empirical measures: *cultural uncertainty tolerance* (Matveev, Nelson, 2004); *tolerance of ambiguity* (Van der Zee, Brinkmann, 2004; Bird et al., 2010); *quest for adventure* (Javidan, Teagarden, 2011).

The attribution of the latter construct to abilities is connected with the current tendency to define uncertainty tolerance (UT) as “a person’s ability to accept the conflict and tension that arise in a duality situation, to resist incoherence and inconsistency of information, to accept the unknown, and not to feel uncomfortable with uncertainty” (Hallman, 1967. P. 189). At the same time, it is unequivocal whether UT is a personality trait or not (Hillen et. al., 2017). In this model, we prefer not to talk about personal, generalized UT, but about its specific manifestations in an intercultural context, which is more consistent with specific abilities.

Thus, “Intercultural skills” in the integrated model includes four complementary constructs: “cultural sensitivity”, “intercultural empathy”, “managing intercultural relations” and “tolerance to intercultural uncertainty”.

Comparison of Comprehensive Model of Intercultural Competence and Integrative Model of Intercultural Competence by M. Barrett

The content of the model by M. Barrett, which is an integral part of the model of democratic competences, consists of 14 competences in 4 groups: Values, Behavioral attitudes, Practical skills, Knowledge and its critical re-evaluation. Let us consider them in order of relation to the components of the comprehensive model of intercultural competence proposed by the authors of the article (hereinafter referred to as CMICC).

Values include: respect for human dignity and respect for human rights and promotion of cultural diversity. Obviously, the first value is not specific to the problems of intercultural communication, and the second is fully included in the attitude of absence of ethnocentrism (CMICC).

Behavioral attitudes include: openness to other cultures, beliefs, worldviews and customs; respect for other people, their values and worldview; self-esteem (self-efficacy); sustainability in the face of uncertainty. When comparing with CMICC, it can be seen that its components such as Intercultural Openness, Absence of Ethnocentrism, Tolerance to Intercultural Uncertainty and Intercultural Stability/Sustainability correspond to three behavioral attitudes from the model of M. Barrett. The fourth attitude, Self-esteem, in our opinion, cannot be specific to intercultural

communication. It is difficult to disagree with M. Barrett that “low self-esteem can impede democratic and intercultural behavior” (Barrett, 2016. P. 42), but this cannot be an argument for its inclusion in competences specific to intercultural interaction.

Practical skills highlighted by M. Barrett include: ability for analytical and critical thinking; ability to listen and observe; empathy; flexibility and adaptability; sociability, linguistic abilities, communication skills in different languages. Again, the first skill is not specific to intercultural communication. It did not enter the CMICC model, unlike the second and third ones: Intercultural Empathy and Intercultural Flexibility. Sociability in the part in which it is not connected with independent (in our opinion) linguistic skills has also entered Management of Intercultural Relations.

Knowledge and its critical re-evaluation group includes self-knowing and critical self-esteem, knowledge and critical re-evaluation of linguistic styles in communication; cognition of the world and its critical re-evaluation. Obviously, only critical re-evaluation of linguistic styles is to some extent specific to intercultural contacts.

Thus, the comprehensive model of intercultural competence proposed by the authors of the article is fully consistent with the integrative model of intercultural competence of M. Barrett in part related to the specific competences of intercultural communication. At the same time, in contrast to the model of M. Barrett, it contains such constructs as Intercultural Interest and Cultural Sensitivity. Thus, it can be seen as encompassing a wider range of predictors of intercultural effectiveness. However, it is more specific to situations of intercultural communication and does not include competences that are more universal.

Intercultural competence and ensuring effectiveness of intercultural interaction

Summarizing a wide range of empirically identified constructs that ensure intercultural success, we can proceed to the question of analyzing support mechanisms. Despite numerous studies, the mechanism by which intercultural competence contributes to intercultural effectiveness is still unclear (Leung et al., 2014). Theoretical analysis of this issue, based on a comprehensive model of intercultural competence, may allow us to pose specific questions for further empirical research.

Theories of intercultural communication most often tend to ignore the issue of the mechanism for ensuring its effectiveness. An exception is the anxiety/uncertainty management theory of W. Gudykunst (Gudykunst, 1985; Gudykunst, 1993; Gudykunst, Nishida, 2001).

It is based on the idea that when strangers communicate, their communication is filled with uncertainty (Berger, 1987). Intercultural communication only strengthens this trend. However, when communicating with each other, people from different cultural backgrounds also experience anxiety. Thus, uncertainty and anxiety are paired threats (one is cognitive, the other is emotional) that interfere with effective intercultural communication.

W. Goodicanst did not claim there is a linear relationship between the reduction of anxiety and uncertainty, on the one hand, and the effectiveness of in-

tercultural communication, on the other. According to the theory of anxiety/uncertainty management, there is an upper and lower threshold for anxiety and uncertainty (the so-called “catastrophe points”), within which we can talk about optimal conditions for intercultural communication (Gudykunst, Nishida, 2001. P. 69)

When the upper threshold of anxiety and uncertainty is exceeded, communication is destroyed because we feel insecure in the situation of the unpredictable behavior of the communication partner, anxiety and fear prevent us from concentrating on the communication process, and sometimes lead to evasion of communication (because communication with an unpredictable person is pointless). With a decrease in the lower threshold of anxiety and uncertainty, a person becomes overconfident in his/her interpretations of a stranger, which leads to an increase in the likelihood of intercultural errors and lack of emotional incentives for communication.

Thus, the main mechanisms for ensuring intercultural effectiveness are: a) stimulation of sensitivity to uncertainty, which reduces overconfidence, while b) reduction of excessive uncertainty that destructively affects communication; c) maintaining anxiety at a level stimulating attention to communication, while d) preventing anxiety from crossing the upper “threshold of disaster.”

Each of these mechanisms can be examined through the prism of which component of intercultural competence contributes to it. Thus, we obtain a theoretical model that describes the contribution of components of intercultural competence to the mechanism of ensuring effective intercultural communication.

Sensitivity to uncertainty (a) is most successfully stimulated by such a component of intercultural competence as “Cultural Sensitivity”. The ability to notice and recognize cultural differences, developed to ethno-relativistic levels (Hammer, Bennett, 2003), does not allow a person to “close his/her eyes” even to the insignificant presence of cultural specificity and helps to maintain attention.

The following skills components of intercultural competence will reduce excessive uncertainty (b): this is again Cultural Sensitivity, as well as Intercultural Empathy, Management of Intercultural Relations and Tolerance to Intercultural Uncertainty. These are an individual’s skills that ensure effectiveness in specific intercultural interactions through: ability to notice cultural differences, take them into account in the process of communication, cope with the difficulties that arise and cope with the situation of the impossibility of full mutual understanding “here-and-now”. In general, all of the above mechanisms reduce the uncertainty of intercultural communication and prevent it from crossing the upper “catastrophe threshold.” At the same time, the above-described skills are provided by such a personality trait as “Intercultural Flexibility”, which sets their foundation: high adaptability to uncertainty.

Maintaining anxiety at a level that stimulates attention to intercultural communication (c) is associated with “Intercultural Empathy.” The ability to identify oneself with a person from a different culture increases the awareness of intercultural communication and leads to a certain increase in anxiety, thereby keeping the communication situation from going over the lower “catastrophe threshold.”

Such a personality trait as “Intercultural Stability” prevents anxiety from crossing the “catastrophe threshold” (d). A person who is resistant to stressful situ-

ations of intercultural communication is less likely to be overcome by anxiety. Also, adequate worldview features: “Intercultural Interest” and “Lack of Ethnocentrism” help prevent increased anxiety. The desire to communicate with people from other cultures, as well as a positive attitude towards them, is closely associated with low intergroup anxiety (Stephan, Stephan, 1985; 1992). Absence of ethnocentrism, in turn, is based on “Intercultural Openness,” i.e. personal impartiality. “Tolerance to Intercultural Uncertainty” skill helps decrease intercultural anxiety, The attitude to calmly take ambiguities in intercultural communication leads to the fact that the resulting misunderstanding does not upset the individual too much.

The main conclusion from the analysis of mechanisms for ensuring the effectiveness of intercultural communication through the components of a comprehensive model of intercultural competence is as follows. None of its components can be considered as a universal predictor of intercultural success. Moreover, situations are likely where stimulation of only one factor of intercultural competence can lead to disastrous consequences. For example, concentration on the absence of ethnocentrism can lead to a decrease in anxiety to the degree of transition through the lower threshold of the “catastrophe point” and the subsequent breakdown of intercultural communication.

Conclusions

Based on the analysis of empirical models of intercultural interaction existing in foreign science, the authors’ comprehensive model of intercultural competence is theoretically justified. Its main content is made up of 9 constructs: intercultural stability/sustainability, intercultural flexibility, intercultural openness, intercultural interest, absence of ethnocentrism, cultural sensitivity, intercultural empathy, management of intercultural relations, tolerance to intercultural uncertainty. These constructs are combined into three groups of characteristics: 1) intercultural features; 2) worldview attitudes and features; 3) intercultural skills.

The distinguished constructs of intercultural competence ensure the effectiveness of intercultural communication through mechanisms such as maintaining the optimal level of sensitivity to uncertainty and the level of anxiety in the process of intercultural communication.

“Cultural Sensitivity” as the ability to notice even minimal cultural differences, stimulates sensitivity to uncertainty. At the same time, “Cultural Sensitivity” will help reduce unnecessary uncertainty in the situation of intercultural communication, along with “Intercultural Empathy”, “Management of Intercultural Relations”, “Tolerance to Intercultural Uncertainty” – skills that include taking into account cultural differences, overcoming difficulties, coping with a situation of impossibility of complete mutual understanding “here-and-now”. These skills are determined by such a personality trait as “Intercultural Flexibility”, providing their foundation: high adaptability to uncertainty. In other words, these constructs make a significant contribution to maintaining an optimal level of sensitivity to uncertainty and thereby contribute to the effectiveness of intercultural interaction.

“Intercultural Empathy” as the ability to identify with a person from another culture will help maintain anxiety at a level that stimulates attention to intercultural communication. Prevention of transition of anxiety to the level of fear will be

ensured by the personality trait “Intercultural Stability” – resistance to stressful situations of intercultural communication, as well as worldview features: “Intercultural Interest” and “Absence of Ethnocentrism” as a manifestation of interest and positive attitude towards people from other cultures. In turn, absence of ethnocentrism is based on “Intercultural Openness” i.e. personal impartiality. Thus, the indicated components of intercultural competence will keep the optimal level of anxiety contributing to the effectiveness of intercultural communication.

Despite significant contribution of each construct of the theoretical model of the ICC that we developed to ensuring intercultural effectiveness, success of intercultural interaction is possible only in an integrative combination and in conjunction with other constructs.

Thus, scientific novelty and theoretical significance of the model of intercultural competence that we have developed is that it expands modern ideas about the conditions and mechanisms of increasing the effectiveness of intercultural interaction in various communicative situations. This model allows giving theoretical justification for conducting empirical research in the field of studying problems of intercultural communication.

A promising area for further research is also development of methodological tools based on the authors’ model, aimed at assessing the individual’s ability to interact constructively in various cultural environments. Thus, the comprehensive model of intercultural competence that we have presented can be used to diagnose, predict and solve a wide range of problems in various areas of human life (from character education to running international corporations).

Acknowledgments and Funding. This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 19-013-00892.

References

- Arasaratnam, L.A. (2009). The development of a new instrument of intercultural communication competence. *Journal of Intercultural Communication*, 20, 2–21.
- Arasaratnam, L.A. (2015). Research in Intercultural Communication: Reviewing the Past Decade. *Journal of International and Intercultural Communication*, 8(34), 290–310. <https://doi.org/10.1080/17513057.2015.1087096>
- Barrett, M. (2016). *Competences for Democratic Culture: Living Together as Equals in Culturally Diverse Democratic Societies*. Strasbourg, France: Council of Europe Publishing. Retrieved from <http://www.coe.int/en/web/education/competences-fordemocratic-culture>
- Barrett, M. (2018). How schools can promote the intercultural competence of young people. *European Psychologist*, 23(1), 93–104. <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000308>
- Bartel-Radic, A., & Giannelloni, J.L. (2017). A renewed perspective on the measurement of cross-cultural competence: An approach through personality traits and cross-cultural knowledge. *European Management Journal*, 35(5), 632–644. <https://doi.org/10.1016/j.emj.2017.02.003>
- Berger, C.R. (1987). Communicating under uncertainty. In M.E. Roloff & G.R. Miller (Eds.), *Interpersonal Processes: New Directions in Communication Research* (pp. 39–62). Newbury Park, CA: SAGE.
- Bird, A., Mendenhall, M., Stevens, M.J., & Oddo, G. (2010). Defining the content domain of intercultural competence for global leaders. *Journal of Managerial Psychology*, 25(8), 810–828. <https://doi.org/10.1108/02683941011089107>

- Chen, G.M., & Starosta, W.J. (2000). The development and validation of the intercultural sensitivity scale. *Human Communication*, 3, 1–15.
- Chernyak, N.V. (2015). Classification of models of intercultural competence. *Almanac of Modern Science and Education*, (2), 119–125. (In Russ.)
- Chibisova, M.Yu., & Ivanova, T.M. (2016). Intercultural competence structural model as a basis for the development of an express inventory. In: V.V. Gritsenko (Ed.), *Theoretical Problems of Ethnic and Cross-Cultural Psychology: Conference Proceedings* (pp. 243–246). Smolensk. (In Russ.)
- Deardorff, D.K. (2006). Identification and assessment of intercultural competence as a student outcome of internationalization. *Journal of Studies in International Education*, 10, 241–266. <https://doi.org/10.1177/1028315306287002>
- Dollwet, M., & Reichard, R. (2014). Assessing cross-cultural skills: validation of a new measure of cross-cultural psychological capital. *The International Journal of Human Resource Management*, 25(12), 1669–1696. <https://doi.org/10.1080/09585192.2013.845239>
- Gridunova, M.V. (2015). Domestic and foreign models of intercultural competence. *Educational Psychology in Polycultural Space*, (3), 127–133. (In Russ.)
- Gridunova, M.V. (2018). *Psychological Factors of Intercultural Competence in University and School Students*. Ph.D. in Psychology Thesis. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. (In Russ.)
- Gritsenko, V.V., Pavlova, O.S., Tkachenko, N.V., Usubyan, Sh.A., Khukhlaev, O.E., & Shorohova, V.A. (2020). Analiz zarubezhnyh empiricheskikh modelej mezhkul'turnoj kompetentnosti i metodik dlya ee ocenki. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 9(1), accepted for publication (In Russ.)
- Gudykunst, W.B. (1985). A model of uncertainty reduction in intercultural encounters. *Journal of Language and Social Psychology*, 4, 79–98.
- Gudykunst, W.B. (1993). Toward a theory of effective interpersonal and intergroup communication: An anxiety/uncertainty management (AUM) perspective. In R.L. Wiseman & J. Koester (Eds.), *Intercultural Communication Competence* (pp. 33–71). Newbury Park, CA: Sage.
- Gudykunst, W.B., & Nishida, T. (2001). Anxiety, uncertainty, and perceived effectiveness of communication across relationships and cultures. *International Journal of Intercultural Relations*, 25, 55–71. [https://doi.org/10.1016/S0147-1767\(00\)00042-0](https://doi.org/10.1016/S0147-1767(00)00042-0)
- Hallman, R.J. (1967). The necessary and sufficient conditions of creativity. In J.C. Gowanet, E.P. Torrance & J. Khatena (Eds.), *Creativity: Its Educational Implications* (pp. 19–30). New York: Wiley.
- Hammer, M.R., Bennett, M.J., & Wiseman, R. (2003). The Intercultural Development Inventory: A measure of intercultural sensitivity. *International Journal of Intercultural Relations*, 27(4), 421–443. [https://doi.org/10.1016/S0147-1767\(03\)00032-4](https://doi.org/10.1016/S0147-1767(03)00032-4)
- Hillen, M., Gutheil, C., Strout, T., Smets, E., & Han, P. (2017). Tolerance of uncertainty: Conceptual analysis, integrative model, and implications. *Social Science & Medicine*, 180, 62–75. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2017.03.024>
- Javidan, M., & Teagarden, M. (2011). Conceptualizing and measuring global mindset. *Advances in Global Leadership*, 6, 13–39. [https://doi.org/10.1108/S1535-1203\(2011\)0000006005](https://doi.org/10.1108/S1535-1203(2011)0000006005)
- Kornilova, M.V. (2012). *Dinamika Mezhkul'turnoj Kompetentnosti v Mono- i Polikul'turnykh Gruppakh (na materiale mezhkul'turnogo treninga)*. Ph.D. in Psychology Thesis. Moscow: Moscow: State University of Psychology & Education. (In Russ.)
- Kupavskaya, A.S. (2008). *Razvitie Etnokul'turnoj Kompetentnosti Podrostrka Metodom Social'no-Psikhologicheskogo Treninga*. Ph.D. in Psychology Thesis. Moscow: Moscow State University. (In Russ.)
- Leung, K., Ang, S., & Tan, M.L. (2014). Intercultural Competence. *Annual Review of Organizational Psychology & Organizational Behavior*, 1, 489–519.
- Logashenko, Yu.A. (2015). *Mezhkul'turnaya Sensitivnost' Studentov v Polietnicheskoy Srede*. Ph.D. in Psychology Thesis. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russ.)

- Matsumoto, D., & Hwang, H.C. 2013. Assessing cross-cultural competence: a review of available tests. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 44, 849–873. <https://doi.org/10.1177/0022022113492891>
- Matsumoto, D., LeRoux, J.A., Ratzlaff, C., Tatani, H., Uchida, H., Kim, C., & Shoko, A.S. (2001). Development and validation of a measure of intercultural adjustment potential in Japanese sojourners: The Intercultural Adjustment Potential Scale (ICAPS). *International Journal of Intercultural Relations*, 25(5), 483–510. [https://doi.org/10.1016/S0147-1767\(01\)00019-0](https://doi.org/10.1016/S0147-1767(01)00019-0)
- Matveev, A.V., & Nelson, P.E. (2004). Cross Cultural Communication Competence and Multicultural Team Performance. *International Journal of Cross-Cultural Management*, 4, 253–270. <http://doi.org/10.1177/147059580404475>
- Novikov, A.M., & Novikov, D.A. (2010). *Metodologiya Nauchnogo Issledovaniya*. Moscow: Librokom Publ. (In Russ.)
- Novikova, I.A., Novikov, A.L., Gridunova, M.V, & Zamaldinova, G.N. (2017). Intercultural competence profiles in Russian university students. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 14(3), 326–338. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2017-14-3-326-338>
- Pochebut, L.G. (2013). Intercultural Communicative Competence as a Manifestation of Human Relationships. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 34(4), 5–15. (In Russ.)
- Ramirez, E. (2016). Impact on intercultural competence when studying abroad and the moderating role of personality. *Journal of Teaching in International Business*, 27(2–3), 88–105. <http://doi.org/10.1080/08975930.2016.1208784>
- Sadohin, A.P. (2016). *Vvedenie v Teoriyu Mezhkul'turnoj Kommunikacii*. Moscow: KNORUS Publ. (In Russ.)
- Schnabel, D., Kelava, A., Seifert, L., & Kuhlbrodt, B. (2015b). Konstruktion und Validierung eines multimethodalen berufsbezogenen Tests zur Messung interkultureller Kompetenz [Development and validation of a job-related multimethod test to measure intercultural competence]. *Diagnostica*, 61, 3–21. <http://doi.org/10.1026/0012-1924/a000110>
- Schnabel, D., Kelava, A., Vijver, F., & Seifert, L. (2015a). Examining psychometric properties, measurement invariance, and construct validity of a short version of the Test to Measure Intercultural Competence (TMIC-S) in Germany and Brazil. *International Journal of Intercultural Relations*, 49, 137–155. <http://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2015.08.00>
- Stefanenko, T.G., & Kupavskaya, A.S. (2010). Ethno-cultural Competence as a Component of Competence in Communication. *Psychology in Russia: State of the Art*, 3, 550–564.
- Stephan, W., & Stephan, C. (1985). Intergroup anxiety. *Journal of Social Issues*, 41, 157–166.
- Stephan, W., & Stephan, C. (1992). Reducing intercultural anxiety through intercultural contact. *International Journal of Intercultural Relations*, 16, 89–106.
- Terekhova, T.A., & Bolshakova, O.B. (2011). Intercultural competence concepts of Russian scientists. *Psychology in Economics and Management*, (1), 93–105. (In Russ.)
- Terekhova, T.A., & Bolshakova, O.B. (2017). Empirical Model of Intercultural Communicative Competence of Personality. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Psychology*, 20, 66–76. (In Russ.)
- Van der Zee, K., & Brinkmann, U. (2004). Construct validity evidence for The Intercultural Readiness Check against the Multicultural Personality Questionnaire. *International Journal of Selection and Assessment*, 12(3), 285–290.
- Van der Zee, K.I., & Van Oudenhoven, J.P. (2000). The Multicultural Personality Questionnaire: A multidimensional instrument of multicultural effectiveness. *European Journal of Personality*, 14(4), 291–309. [https://doi.org/10.1002/1099-0984\(200007/08\)14:4<291::AID-PER377>3.0.CO;2-6](https://doi.org/10.1002/1099-0984(200007/08)14:4<291::AID-PER377>3.0.CO;2-6)
- Van der Zee, K.I., & Van Oudenhoven, J.P. (2001). The Multicultural Personality Questionnaire: Reliability and validity of self- and other ratings of multicultural effectiveness. *Journal of Research in Personality*, 35(3), 278–288.

- Whaley, A.L., & Davis, K.E. (2007). Cultural competence and evidence-based practice in mental health services: A complementary perspective. *American Psychologist*, 62, 563–574. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.62.6.563>
- Zhang, X.T., & Zhou, M.M. (2019). Interventions to promote learners' intercultural competence: A meta-analysis. *International Journal of Intercultural Relations*, 71, 31–47. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2019.04.006>

Article history:

Received: 24 December 2019

Revised: 20 January 2020

Accepted: 25 January 2020

For citation:

Khukhlaev, O.E., Gritsenko, V.V., Pavlova, O.S., Tkachenko, N.V., Usubian, S.A., & Shorokhova, V.A. (2020). Comprehensive Model of Intercultural Competence: Theoretical Substantiation. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(1), 13–28. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-13-28>

Bio notes:

Oleg E. Khukhlaev, Ph.D. in Psychology, is Head of the Cross-Cultural Psychology and Multicultural Education Department at Moscow State University of Psychology & Education (Moscow, Russia). WoS ResearcherID: H-4799-2013, ORCID iD: 0000-0002-4620-9534, eLIBRARY SPIN-code: 7510-5633. E-mail: huhlaevoe@mgppu.ru

Valentina V. Gritsenko, Doctor Sc. in Psychology, is Professor of the Cross-Cultural Psychology and Multicultural Education Department at Moscow State University of Psychology & Education (Moscow, Russia). WoS ResearcherID: 7107-2016, Scopus AuthorID: 7101892674, ORCID iD: 0000-0001-3345-6789, eLIBRARY SPIN-code: 5812-0770. E-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Olga S. Pavlova, Ph.D in Pedagogics, Associate Professor of the Cross-Cultural Psychology and Multicultural Education Department at Moscow State University of Psychology & Education (Moscow, Russia). WoS ResearcherID: c-7590-2017, ORCID iD: 0000-0001-9702-1550, eLIBRARY SPIN-code: 4294-5915. E-mail: os_pavlova@mail.ru

Natalia V. Tkachenko, Ph.D in Psychology, Associate Professor of the Cross-Cultural Psychology and Multicultural Education Department at Moscow State University of Psychology & Education (Moscow, Russia). eLIBRARY SPIN-code: 9214-5834. E-mail: tkachenkonv@mgppu.ru

Shushanik A. Usubian, graduate student of the Cross-Cultural Psychology and Multicultural Education Department at Moscow State University of Psychology & Education (Moscow, Russia). eLIBRARY SPIN-code: 6166-0326. E-mail: usubyansha@mgppu.ru

Valeria A. Shorokhova, senior lecture of the Cross-Cultural Psychology and Multicultural Education Department at Moscow State University of Psychology & Education (Moscow, Russia). eLIBRARY SPIN-code: 8835-7816. E-mail: shorohovava@mgppu.ru

Комплексная модель межкультурной компетентности: теоретическое обоснование

О.Е. Хухлаев, В.В. Гриценко, О.С. Павлова, Н.В. Ткаченко,
Ш.А. Усубян, В.А. Шорохова

Московский государственный психолого-педагогический университет
Российская Федерация, 127051, Москва, ул. Сretenка, 29

Аннотация. В статье приводится теоретическое обоснование и разработка авторской комплексной модели межкультурной компетентности, опирающейся на анализ и обобщение существующих в зарубежной и отечественной науке эмпирических моделей межкультурного взаимодействия. Содержание модели составляют 9 конструкторов: межкультурная стабильность/устойчивость, межкультурная гибкость, межкультурная открытость, межкультурный интерес, отсутствие этноцентризма, культурная сензитивность, межкультурная эмпатия, управление межкультурными отношениями, толерантность к межкультурной неопределенности. Данные конструкторы объединены в три группы характеристик: 1) межкультурные черты; 2) установки и особенности мировоззрения; 3) межкультурные навыки. Обоснованы основные механизмы, с помощью которых выделенные конструкторы межкультурной компетентности способствуют межкультурной эффективности, – это поддержание в процессе межкультурного общения оптимального уровня чувствительности к неопределенности и оптимального уровня тревоги. Показана роль каждой составляющей межкультурной компетентности. Конструкторы «Культурная сензитивность», «Межкультурная эмпатия», «Управление межкультурными отношениями», «Толерантность к межкультурной неопределенности», «Межкультурная гибкость» вносят весомый вклад в поддержание оптимального уровня чувствительности к неопределенности и тем самым способствуют повышению эффективности межкультурного взаимодействия. Благодаря таким составляющим межкультурной компетентности, как межкультурная эмпатия, межкультурный интерес, отсутствие этноцентризма, межкультурная открытость, толерантность к межкультурной неопределенности будет поддерживаться оптимальным уровнем тревоги, способствующий эффективности межкультурному общению. Подчеркивается, что ни одна из составляющих межкультурной компетентности не является универсальным предиктором успешности межкультурного взаимодействия, такой эффект достигается только благодаря интегративному сочетанию с другими конструкторами межкультурной компетентности.

Ключевые слова: межкультурная компетентность, межкультурная коммуникация, модель межкультурной компетентности, конструкторы межкультурной компетентности, межкультурные черты, межкультурные установки, межкультурные умения, межкультурные навыки, межкультурное взаимодействие, межкультурная эффективность

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00892.

История статьи:

Поступила в редакцию: 24 декабря 2019 г.

Принята к печати: 25 января 2020 г.

Для цитирования:

Khukhlaev O.E., Gritsenko V.V., Pavlova O.S., Tkachenko N.V., Usubian S.A., Shorokhova V.A. Comprehensive Model of Intercultural Competence: Theoretical Substantiation // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 1. С. 13–28. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-13-28>

Сведения об авторах:

Хухлаев Олег Евгеньевич, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования Московского государственного психолого-педагогического университета (Москва, Россия). WoS ResearcherID: H-4799-2013, ORCID iD: 0000-0002-4620-9534, eLIBRARY SPIN-код: 7510-5633. E-mail: huhlaevoe@mgppu.ru

Гриценко Валентина Васильевна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования Московского государственного психолого-педагогического университета (Москва, Россия). WoS ResearcherID: 7107-2016, Scopus AuthorID: 7101892674, ORCID iD: 0000-0001-3345-6789, eLIBRARY SPIN-код: 5812-0770. E-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Павлова Ольга Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования Московского государственного психолого-педагогического университета (Москва, Россия). WoS ResearcherID c-7590-2017, ORCID iD: 0000-0001-9702-1550, eLIBRARY SPIN-код: 4294-5915. E-mail: os_pavlova@mail.ru

Ткаченко Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования Московского государственного психолого-педагогического университета (Москва, Россия). eLIBRARY SPIN-код: 9214-5834. E-mail: tkachenkonv@mgppu.ru

Усубян Шушаник Араевна, аспирант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования Московского государственного психолого-педагогического университета (Москва, Россия). eLIBRARY SPIN-код: 6166-0326. E-mail: usubyansha@mgppu.ru

Шорохова Валерия Альбертовна, старший преподаватель кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования Московского государственного психолого-педагогического университета (Москва, Россия). eLIBRARY SPIN-код: 8835-7816. E-mail: shorohovava@mgppu.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-1-29-50
УДК 316.653

Обзорная статья

Этос трудноразрешимого межэтнического конфликта: исследовательские подходы и перспективы изучения

Е.О. Голынчик

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9

Аннотация. В статье раскрывается понятие этоса трудноразрешимого конфликта, практически не встречающегося в русскоязычной научной литературе. Под этосом конфликта понимается система социальных верований и мифов, разделяемых большой группой, включенной в затяжной трудноразрешимый конфликт, которая тесно связана с доминирующей в данном обществе историей конфликта, то есть коллективной памятью о нем. Понятие трудноразрешимого межэтнического конфликта было введено в отечественную психологию Т.Г. Стефаненко, которая начала традицию изучения феноменологии трудноразрешимых межгрупповых конфликтов на кафедре социальной психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Настоящая статья является продолжением этой научной традиции и знакомит читателя с современными исследованиями в данной области. В первой части работы приводится определение трудноразрешимого конфликта, анализируется классическая теория этоса конфликта Д. Бар-Талья, характеризуются методы изучения этоса в зарубежной социальной психологии. Раскрывается содержание восьми тем, вокруг которых группируются убеждения, входящие в состав этоса конфликта. Во второй части статьи приводится критика исследований этоса, звучащая в современных работах, и анализируются новые подходы к анализу этого феномена, предлагаемые зарубежными учеными. Представлены три современных направления изучения этоса. Первое связано с попыткой объяснить его устойчивость с привлечением категориального аппарата теории оправдания социальной системы Дж. Джоста. Второе – исходит из предположения о том, что верования членов конфликтующей группы не единообразны, поэтому важно изучать не только доминирующую в обществе точку зрения на конфликт, но и альтернативное видение групп меньшинства или даже групп-аутсайдеров, скорее, противостоящее этосу, потому что нередко именно альтернативный взгляд помогает найти выход из, казалось бы, неразрешимой ситуации. И последнее направление связано с исследованиями на стыке феноменологии этоса конфликта и коллективной памяти.

Ключевые слова: трудноразрешимый межгрупповой конфликт, этос конфликта, Т.Г. Стефаненко, межэтнический конфликт, межгосударственный конфликт, коллективная память, теория оправдания социальной системы

Введение

Татьяна Гавриловна Стефаненко была первым автором, обратившимся к проблематике трудноразрешимых межэтнических конфликтов в отечественной психологии. При этом она отмечала, что в современном мире сложно выделить «чистые» этнические конфликты, так как в реальности подобные столкновения социальных групп носят «социокультурный характер из-за различий в языке, религии, обычаях, особенностях ментальности» (Стефаненко, 2014. С. 289), а кроме того, могут быть как межгосударственными, так и региональными и обычно политизированы. Мы тоже будем придерживаться этой точки зрения, используя термин «межэтнические конфликты».

На страницах своего учебника по этнопсихологии Т.Г. Стефаненко цитирует работы основоположника исследований в области психологии трудноразрешимых конфликтов, израильского ученого Даниэля Бар-Таля (Там же. С. 290). Можно смело сказать, что интерес автора настоящей статьи к теме трудноразрешимых конфликтов возник благодаря многолетнему сотрудничеству с Татьяной Гавриловной на кафедре социальной психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, особенно в рамках двух совместных грантов, одним из которых руководила она сама, второй мы начинали совместно, а заканчиваем уже без ее участия.

Хочется кратко остановиться на небольшой, но важной традиции исследований трудноразрешимых конфликтов на кафедре социальной психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. С момента обострения отношений между Россией и Украиной в 2014 году мы с Татьяной Гавриловной приступили к изучению межгруппового восприятия россиян и украинцев в рамках совместных со студентами исследований. По результатам этих исследований мы пришли к выводу о возможности рассматривать отношения России и Украины как начинающийся трудноразрешимый конфликт. В 2015 году автором данной статьи, вдохновленным Т.Г. Стефаненко, был сделан теоретический обзор зарубежных работ, посвященных тематике трудноразрешимых конфликтов и коллективных эмоциональных переживаний их участников (Голыничик, 2015). Исследования в этой области были продолжены последней аспиранткой Татьяны Гавриловны А.М. Потаниной (Потанина, 2018). Последние публикации Т.Г. Стефаненко были посвящены исследованиям культурной памяти о геноциде и репрессиях, также затрагивающих проблематику трудноразрешимых конфликтов (Донцов, Стефаненко; 2017, Стефаненко и др., 2017а; 2017б). Кроме того, нами проводились и новые совместные со студентами исследования представлений о конфликте между Россией и Украиной, транслируемых СМИ, а также у разных групп наших соотечественников с применением количественных (с О.И. Яблонской¹) и качественных (с Д.П. Елеференко) методов (Голыничик, 2018). В последнем исследовании акцент делался на роли коллективной памяти в конструировании представлений о конфликте, при этом мы опирались на концепцию этоса трудноразрешимого конфликта. На сегодняшний день проблематика этоса конфликта включена в спецкурс

¹ О.И. Яблонская защищала дипломную работу в год кончины Т.Г. Стефаненко, она начинала исследование под руководством Татьяны Гавриловны, а заканчивала под руководством автора статьи.

по психологии межгрупповых отношений, читаемый нами на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова после ухода Т.Г. Стефаненко.

В этой статье нам бы хотелось продолжить теоретический обзор исследований проблематики трудноразрешимых межэтнических конфликтов в зарубежной психологии и, в частности, обратиться к традиции изучения этоса конфликта (*ethos of conflict*). Данный термин практически не используется в отечественной социальной психологии, что, на наш взгляд, является упущением. На страницах статьи мы раскроем понятие этоса конфликта, а также рассмотрим классическую теорию этоса Бар-Талья, обратимся к ее критике и современным направлениям исследований в данной области. Одна из целей этой статьи – ввести понятие этоса в категориальный аппарат отечественной психологии межгрупповых отношений.

Понятие этоса трудноразрешимого конфликта в зарубежной социальной психологии

Выделение трудноразрешимых межгрупповых конфликтов в отдельную категорию принадлежит выдающемуся ученому, исследователю феноменологии межгрупповых конфликтов Д. Бар-Талю² (Bar-Tal, 2007). Понятие было введено в научный обиход в 80-х гг. прошлого века. На протяжении более 30 лет было проведено множество исследований трудноразрешимых межэтнических и межгосударственных конфликтов по всему миру, в Израиле образовалась целая научная школа, занимающаяся изучением данной проблематики на материале Палестино-израильского конфликта. Ученик Бар-Талья Эран Гальперин в настоящий момент является одним из самых ярких представителей этой школы, а также основателем лаборатории изучения коллективных эмоций в трудноразрешимом конфликте в Иерусалиме (Halperin, 2016), он активно развивает идеи своего учителя в научных работах.

Бар-Таль и Гальперин определяют трудноразрешимый конфликт как продолжительное, затяжное противостояние двух групп, включающее разрушительные эпизоды взаимного насилия, требующее огромных ресурсов и затрагивающее чрезвычайно важные цели, ценности и потребности обеих групп, занимающее центральное место в судьбах и исторической памяти как отдельных людей, так и обществ, втянутых в конфликт. Противоречие, лежащее в основе такого конфликта, воспринимается как экзистенциальное, неразрешимое по своей природе, как «игра с нулевой суммой» (Bar-Tal, 2013, Halperin, 2014).

Бар-Таль считает, что участие в трудноразрешимом конфликте не проходит бесследно и сильно меняет психологию противоборствующих групп, в результате вырабатывается механизм адаптации общества к длительному насильственному противостоянию, связанный с изменением картины мира, включением коллективных защитных механизмов и копинг-стратегий, что и

² Понятие трудноразрешимого конфликта используется при изучении разных типов отношений: и семейных, и организационных, и межгрупповых на уровне малых и больших групп (Saleman, 2014). Подход Д. Бар-Талья направлен на исследование трудноразрешимого конфликта именно на уровне больших этнических, религиозных групп и государств.

приводит к формированию этоса конфликта. Термин «этос конфликта» был предложен Бар-Талем в конце 1990-х – начале 2000-х годов для обозначения системы социальных верований, мифов и убеждений, разделяемых большой группой, включенной в трудноразрешимый конфликт. Эти верования тесно связаны с доминирующей в данном обществе историей конфликта, то есть коллективной памятью о нем (Bar-Tal, 2013). С одной стороны, этос объясняет причины возникновения конфликта и необходимость продолжения конфронтации, то есть оправдывает происходящее насилие, служит механизмом воспроизведения трудноразрешимого конфликта из поколения в поколение. Он является социально-психологическим барьером для примирения сторон. А с другой стороны, верования, составляющие этос, помогают членам конфликтующих групп адаптироваться к тяжелейшим условиям затяжного конфликта, войн и насилия. Этос конфликта всегда поддерживает трудноразрешимый конфликт и в этом смысле противопоставляется этосу мира (Bar-Tal, Halperin, 2011).

Важно отметить, что этос конфликта является чрезвычайно устойчивым образованием, составляет важную часть менталитета группы, определяет социальную идентичность ее членов и передается внутри общества, втянутого в трудноразрешимый конфликт, из поколения в поколение. То есть его разделяют члены конфликтующих групп, которые не были непосредственными участниками или свидетелями начала конфликта и всех его событий. Этос конфликта и связанные с ним коллективные эмоциональные переживания, например страха или ненависти по отношению к членам аут-группы, транслируются при помощи коллективной памяти (Bar-Tal, 2007). Эти коллективные эмоциональные ориентации связаны с прошлыми событиями конфликтной истории и могут не иметь отношения к жизненной ситуации конкретного члена группы в настоящем. Они происходят из социальной идентичности, испытываются во имя своей группы, ее пострадавших, униженных и погибших членов и являются одной из главных психологических сил, поддерживающих этос конфликта (Halperin, 2016).

В качестве методологической основы при изучении этоса конфликта нередко выступает теория социальных представлений С. Московиси, подробно описанная в русскоязычной литературе (например, Бовина 2010, Емельянова, 2016) и применяемая в исследованиях коллективной памяти (Емельянова, 2002, 2019). Исследователи этоса конфликта используют как специально разработанную Бар-Талем с коллегами шкалу этоса (Bar-Tal et al., 2012), так и традиционные для изучения социальных представлений количественные и качественные опросные методы, такие как контет-анализ, интервью, фокус-группы, метод свободных ассоциаций, анкетирование (Cohrs et al., 2015).

Бар-Таль выделил восемь тем, в которые объединяются верования и убеждения, входящие в состав этоса трудноразрешимого конфликта (Bar-Tal, 2013):

- 1) обоснование справедливости целей ингруппы, связанных с продолжением противостояния, например военных действий;
- 2) доказательства существования реальной угрозы для ингруппы (для жизни, безопасности ее членов, традиций и культуры);
- 3) поддержание позитивной социальной идентичности членов ингруппы (автостереотипов, состоящих из положительных качеств, позитивного образа группы, например видение ее как сильной, целостной, благородной);

4) позиционирование ингруппы в качестве невинной жертвы (коллективная память о пережитых страданиях, терроре, геноциде, уничтожении культуры и реликвий), усиление чувства жертвенности в настоящем (виктимизация);

5) делигитимизация аутгруппы (например, посредством негативной моральной оценки, указания на нарушение правовых и моральных норм, предубеждений, «наклеивания ярлыков» с негативной коннотацией, таких как «фашисты», «террористы», формирования «образ врага» и дегуманизации);

6) указание на необходимость патриотизма и самопожертвования со стороны членов ингруппы;

7) призыв к национальному единству и единству вероисповедания;

8) обоснование невозможности мирного решения конфликта.

Таким образом, когда подобные убеждения ярко выражены в обществе, ингруппа представляется как миролюбивая жертва, а противник критикуется за жестокость, бесчеловечность, ему приписывается ответственность за продолжающийся конфликт и насилие. Бар-Таль поясняет, что некоторые из восьми тем этоса не уникальны для групп, втянутых в трудноразрешимые конфликты, а могут встречаться и в других формах межгрупповых отношений. Однако он подчеркивает, что именно в такой прочной комбинации эти убеждения представляют собой полномасштабный этос трудноразрешимого конфликта (Bar-Tal et al., 2012).

На первый взгляд, кажется нелогичным, что участники военных действий и затяжного межгосударственного противостояния, испытывающие лишения и страдания из-за насильственного конфликта, могут хотеть продлить и даже увековечить его. Исследования этоса были направлены на поиск объяснения этого противоречия и анализ функций этоса. Было продемонстрировано, что, с одной стороны, подобная система убеждений помогает членам общества справляться с условиями затяжного конфликта, приспособиться к нему, сохранив позитивную социальную идентичность и веру в возможность контроля над ситуацией, выполняя таким образом позитивную функцию (Bar-Tal, 2013). То есть, этос конфликта отражает искренние попытки придать смысл и организовать опыт, который составляет огромную часть жизни общества в контексте трудноразрешимого конфликта, и уменьшить неопределенность в отношении будущего развития событий в зоне конфликта. Однако, с другой стороны, верования, составляющие этос, являются односторонними оценочными суждениями и представляют конфликт в «черно-белом свете», приводят к росту недоверия, враждебности, высокой чувствительности к любым признакам угрозы, меньшей гибкости мышления при осмыслении событий, снижают готовность к компромиссу, подталкивают к такой интерпретации ситуации, которая способствует затягиванию конфликта и его эскалации (Bar-Tal, Halperin, 2011; Halperin, 2014). То есть, в таком случае функции этоса конфликта можно назвать негативными с точки зрения прекращения насилия и примирения сторон.

Далее мы рассмотрим современные направления изучения этоса в зарубежной социальной психологии и некоторые критические замечания к традиционному взгляду на этот феномен. И начнем мы с попытки объяснить устойчивость этоса конфликта через детальный анализ его позитивных функций.

Исследование взаимосвязи между приверженностью этосу конфликта и идеологическими предпочтениями членов конфликтующих групп

Данное направление представлено работами Джона Джоста, автора теории оправдания социальной системы (Jost et al., 2015a). Надо сказать, что изучение склонности членов общества к оправданию социальной системы – отдельное направление исследований в психологии межгрупповых отношений. Под оправданием социальной системы понимается позитивное отношение к существующему в обществе экономическому и политическому порядку, вера в его справедливость и целесообразность вне зависимости от того, каким он является. За склонностью оправдывать социальный статус-кво стоит потребность в сохранении непротиворечивого образа мира, так как представления о политическом и экономическом устройстве общества, политические убеждения и взгляды человека являются частью этого образа. На сегодняшний день ориентация на оправдание социальной системы – общий термин, объединяющий исследования идеологических предпочтений правого толка в западной социальной психологии, включающие изучения таких убеждений, как правый авторитаризм (Altemeyer, 1998), ориентацию на социальное доминирование, меритократию, протестантскую рабочую этику (Гулевич, 2017). Согласно теории оправдания системы, почти каждый человек мотивирован, по крайней мере до некоторой степени, защищать, поддерживать и рационализировать разные аспекты социального статус-кво, особенно нормы и институты, от которых зависит его жизнь, безопасность и благополучие. Степень, в которой человек разделяет правую идеологию, считается его личностной особенностью. Однако, исследования Дж. Джоста, Б. Альтмейера, Дж. Даккита и их коллег показали, что идеологические убеждения, так или иначе оправдывающие социальную систему, не являются абсолютно устойчивой характеристикой взрослого индивида. Они формируются в процессе социализации, однако могут и меняться ситуативно в зависимости от ощущения угрозы, неопределенности, под воздействием событий, актуализирующих страх смерти, таких как террористические акты (Гулевич, 2017. С. 44). Нетрудно заметить, что в контексте трудноразрешимого конфликта такие ситуации возникают регулярно.

Дж. Джост рассматривает этос конфликта и склонность к оправданию существующего социального порядка как взаимодополняющие системы убеждений, которые особенно сильно выражены у большинства членов групп в ситуации затяжного насильственного конфликта. Взаимосвязь идеологических убеждений и аттитюдов по отношению к войне сегодня активно изучается и на российской выборке (Гулевич, Неврюев, 2015; Gulevich et al., 2019). Используя наработки теории оправдания социальной системы, Джост делает попытку более обстоятельно ответить на вопрос о том, как именно подобная система взглядов помогает справляться с трудноразрешимым конфликтом и какие потребности членов конфликтующих групп удовлетворяются с ее помощью. Все это позволяет более глубоко проанализировать природу устойчивости трудноразрешимого конфликта.

Джост развивает идеи Бар-Талья (Bar-Tal, 2007) о трех основных проблемах, к которым должны адаптироваться участники трудноразрешимого конфликта.

1. *Депривация потребностей в безопасности, порядке, уверенности и контроле над собственной жизнью, снижении неопределенности.* Джост называет их эпистемологическими потребностями (epistemic needs). Предшествующие исследования в рамках теории оправдания социальной системы показали, что поддержка социального статус-кво и консервативных политических взглядов наиболее часто встречается у респондентов с ситуативно или хронические сильно выраженными эпистемологическими потребностями (Hennes et al., 2012). Джост утверждает, что инфраструктура трудноразрешимого конфликта меняет идеологические предпочтения большинства членов конфликтующих групп, усиливая ориентацию на традиционные ценности, предпочтение хорошо знакомых социальных условий и жизненных принципов новым идеям и мнениям. Следствием этого является формирование этоса конфликта, недоверие и бескомпромиссный взгляд на конфликт (Jost et al., 2015b).

2. *Высокий уровень стресса и других негативных эмоциональных состояний* (например, участники Палестино-израильского конфликта должны выдерживать довольно серьезные уровни хронического стресса, боли, горя, страха, угрозы, травматических переживаний и неуверенности), *что обостряет потребности в самосохранении, безопасности, спокойствии.* Джост называет эти потребности экзистенциальными (existential needs). Более ранние исследования продемонстрировали, что члены общества с ситуативно или постоянно сильно выраженными экзистенциальными потребностями склонны больше поддерживать лидеров с консервативными взглядами (Altemeyer, 1998; Vonanno, Jost, 2006). Именно действием этого фактора автор объясняет увеличение количества граждан с правыми взглядами и успех правых партий на выборах в Израиле после серии террористических атак в 2000 году. Исследования также показывают, что высокая подверженность страху и тревоге перед террористическим событиями, чувствительность к любым признакам угрозы связаны с более сильной поддержкой социальной политики жестких мер в отношении Палестины (Jost et al., 2015b).

Джост пишет о том, что поддерживающие конфликт убеждения, как и другие оправдывающие систему верования, могут выполнять «паллиативную» функцию, защищая людей от некоторых самых печальных эмоциональных последствий конфликта. Например, Ирис Леви и ее коллеги установили, что люди с выраженным этосом конфликта несли меньший психологический ущерб и сообщали о меньшей депрессии после переживания потери дома в ходе Палестино-израильского конфликта (Lavi et al., 2014).

3. *Символические и материальные вызовы социальной идентичности членов конфликтующих групп со стороны группы противника, приводящие к усилению потребностей в принадлежности к группе, социальной поддержке (от друзей, семьи и единомышленников).* Джост называет их отношенческими потребностями (relational needs), и его исследования продемонстрировали, что индивиды с высокой конформностью и лояльностью своей группе, высокой ценностью общности убеждений, существующих в семье и обществе, более политически консервативны. Этос конфликта также выполняет функцию объединения членов группы и сохранения позитивной социальной идентичности (Jost et al., 2015b).

Таким образом, можно сказать, что поддержка известного и знакомого уклада жизни в условиях трудноразрешимого конфликта помогает снизить коллективную тревогу и чувство угрозы за счет веры в то, что социальная система и ее власть легитимны, устойчивы, доброжелательны к гражданам и помогают людям удовлетворить потребности в уверенности, безопасности и принадлежности к сообществу. Судя по всему, оправдание социальной системы делает этос конфликта более устойчивым, усиливает мнение, что члены чужой группы опасны и могут нанести удар в любой момент и важно быть к этому готовым. Оправдание социальной системы позволяет рационализировать существующий порядок вещей, то есть длящийся насильственный конфликт, сохранить его, а вместе с ним и знакомую, известную и предсказуемую картину мира. Но в то же время, именно благодаря поддержке статус-кво повышается вероятность того, что новые атаки со стороны аутгруппы будут иметь место в реальности (Jost et al., 2015b). Бар-Таль и Гальперин отмечают, что разделение поддерживающих конфликт верований может способствовать формированию избирательной, предвзятой и искажающей картины мира. В результате этого, мирные жесты, инициированные противником, новые предложения по урегулированию, выдвинутые третьими сторонами или оппонентом могут не получить должного внимания и рассмотрения (Bar-Tal, Halperin, 2011).

Этос конфликта и оправдание системы могут иметь коварные последствия в виде увековечивания цикла насилия: когда переживание конфликта вызывает чувство хронической неуверенности, угрозы и социальной изоляции, и эти чувства побуждают людей принимать оправдывающие систему убеждения, которые обеспечивают общественную поддержку политики, порождающей дальнейшее насилие.

От этоса конфликта к дифференцированным представлениям о трудноразрешимом конфликте в группах с разной идеологией

Представители этого направления исследования этоса конфликта Кристофер Хор и его коллеги из Бременского университета Якобса исходят из предположения, что верования членов конфликтующей группы не единообразны, поэтому важно изучать не только доминирующую в обществе точку зрения на конфликт (соответствующую этосу), но и альтернативное видение (например, групп меньшинства или даже групп-аутсайдеров), скорее, противостоящее этосу (Cohrs et al., 2015).

Немецкие авторы критикуют и методологию исследований Израильской школы, использующей шкалу этоса Бар-Талья, сконструированную по типу шкалы Лайкерта (Bar-Tal et al., 2012). Данный опросник, позволяет установить, насколько те или иные члены общества поддерживают или отвергают социальные верования, составляющие этос конфликта. Критики полагают, что шкала, состоящая из коррелирующих между собой утверждений, может показать большее единодушие в понимании конфликта членами общества, чем есть на самом деле. С ее помощью мы не можем установить, является ли этос основанным только на одной доминирующей истории конфликта, которую респонденты принимают или отвергают в разной степени, или за согла-

сием или несогласием с этосом могут стоять разные истории и качественно иные, альтернативные представления, имеющие свои нюансы. Их носителями могут быть разные идеологические подгруппы внутри общества. Если исследование фокусируется только на одном доминирующем представлении о конфликте, и его участники могут только соглашаться или не соглашаться с этим доминирующим представлением, то в результате мы получаем упрощение социальной реальности. В таком случае мы можем не заметить альтернативных, более «тихих голосов», скрывающихся в «хвостах распределения». А именно они могут открывать возможности для примирения. К. Хор и его коллеги призывают исследователей смотреть «за пределы» этоса конфликта, быть внимательными к разнообразию «голосов», представляющих общество. Это позволяет получить более дифференцированную картину (Cohrs et al., 2015). Подобный подход к исследованию представлений о конфликте связан с концепцией контр-нарративов (Bamberg, Andrews, 2004). Такое допущение множественности точек зрения на конфликт способствует лучшему его пониманию, чем один только концепт этоса конфликта. Внимание исследователей к альтернативным позициям по отношению к конфликту и их легитимизация могут создать конкуренцию циркулирующим в общественном дискурсе доминирующим убеждениям и верованиям и способствовать уменьшению дисбаланса власти идей. Особенно полезным могло бы быть выявление точек зрения, отражающих положительные аспекты межгрупповых отношений. Это дополнило бы уже существующие исследования этоса с их неизменным фокусом на негативной стороне конфликта и могло бы положить начало работе над концептуализацией «этоса мира».

В своих работах Хор описывает методологическую стратегию, позволяющую проводить подобные исследования, а также приводит результаты двух уже проведенных с ее помощью исследований (Cohrs et al., 2015). Данная стратегия предполагает выделение в обществах, имеющих отношение к трудноразрешимому конфликту (как непосредственно включенных в него, так и внешних, но знакомых с конфликтом) подгрупп с определенной идеологией (идеологических групп) и сочетает в себе использование качественных и количественных методов. При ее реализации респонденты объединяются исследователем в группы не на основе этнической, религиозной или языковой принадлежности, а на основе общих мнений относительно конфликта, социальных верований и убеждений. На формирование этого мнения может влиять локальный социальный контекст, в котором группы существуют, области знаний и источники информации, к которым их члены имеют доступ, процессы коммуникации и взаимодействия между ними, социальная идентичность, ценности и практики членов этих подгрупп. Например, это могут быть преподаватели гуманитарных дисциплин в вузах, как по одну, так и по другую сторону конфликта.

Первым этапом подобного исследования является выявление максимально большого числа разнообразных, часто противоположных и конкурирующих точек зрения на конфликт среди членов конфликтующих групп. Для этого используется метод интервью и анализ сообщений СМИ. По итогам проделанной работы формируется полный и исчерпывающий список утверждений о конфликте. Их может быть больше 100.

Второй этап – это анализ сходств и различий между убеждениями представителей разных идеологических подгрупп, выделение существующих среди респондентов точек зрения на конфликт. Для ее решения формируется небольшая выборка по принципу стратификации (чтобы в нее попали представители разных подгрупп и слоев общества) и используется методика *Q*-сортировки, предложенная еще в прошлом веке В. Стефенсоном (Stephenson, 1955). Такой подход позволяет зафиксировать индивидуальные точки зрения респондентов, а потом при помощи факторного анализа (не по переменным, а по респондентам) выделить группы участников исследования со схожими убеждениями и проанализировать общие и отличающиеся черты их точек зрения. Процедура исследования организована следующим образом. Сначала респондентов просят прочитать все утверждения и разделить их на три части: те, с которыми участник согласен, те, с которыми не согласен, и те, по которым у него нет четкого мнения. Затем респондентов просят расположить карточки с утверждениями вдоль шкалы в диапазоне от «абсолютно согласен» до «абсолютно не согласен». Им предлагается работать с карточками и перемещать их до тех пор, пока они не убедятся, что сортировка точно отражает их точку зрения. И наконец, участники могут высказать вербальные комментарии с обоснованиями проделанной сортировки. Данные *Q*-сортировки потом подвергаются индивидо-ориентированному факторному анализу, а полученные факторы дополнительно интерпретируются с помощью устных комментариев участников (Cohrs et al., 2015).

С опорой на данную методологическую стратегию Хор и его коллеги провели исследование представлений о Курдском конфликте. Они использовали именно это название вместо «турецко-курдский конфликт», чтобы не придавать слишком большое значение этническим категориям и подчеркнуть, что и с турецкой, и с курдской стороны могут быть схожие точки зрения на конфликт. На первом этапе учеными были выявлены представления, которые можно разделить на три области: причины и проблемы в конфликте (31 утверждение), процессы и динамика конфликта (56), возможные решения конфликта (30). *Q*-сортировка и факторный анализ позволил выделить пять разных точек зрения на конфликт (первые две из перечисленных – довольно похожие протурецкие точки зрения, их можно рассматривать как разновидности «турецкого государственного дискурса», а последние две – прокурдские): 1) правая точка зрения, которая подчеркивает политический характер компании Рабочей партии Курдистана как угрожающей гармонии в отношениях между турками и курдами, ответственность за конфликт возлагается именно на нее, а в качестве страдающей стороны выступают гармоничные отношения (присутствует и у турецких, и у курдских, и у арабских участников); 2) точка зрения, указывающая на роль внешних сил и экономические факторы как на центральные проблемы в конфликте, ответственность за конфликт возлагается на иностранные державы, а в качестве страдающей стороны рассматривается объединенная Турция (присутствует у турецких и арабских респондентов); 3) двойственное отношение к турецкому государству – одобрение ориентации на единство Турции при признании неправомерного поведения турецких должностных лиц, но категорическое несогла-

сие с терроризмом (присутствует у курдских респондентов); 4) вера в важность демократического решения и акцент на нарушении прав человека в конфликте, ответственность за конфликт возлагается на турецкое государство, а пострадавшая сторона – представители всех этнических групп в зоне конфликта (поддерживается турками, курдскими и арабскими респондентами); 5) точка зрения, акцентирующая внимание на продолжительном угнетении курдского народа и необходимости утверждения курдской идентичности и политических прав, ответственность за насильственный конфликт возлагается на турецкую армию, а виктимизируется курдская сторона (поддерживается только курдскими респондентами) (Cohrs et al., 2015).

В рамках одного из наших собственных исследований, проведенного с использованием дискурс-анализа текстов про российско-украинский конфликт мы опирались на опыт К. Хора и его коллег. На первом этапе анализу подвергались сообщения из новостных СМИ, посвященные отдельным эпизодам конфликта, а на втором – тексты интервью с москвичами. Выборку составили 32 респондента с высшим образованием: 16 человек в возрасте 19–25 лет (8 мужчин и 8 женщин) и 16 человек в возрасте 49–55 лет (8 мужчин и 8 женщин). Дискурс-анализ новостных сообщений, проведенный в 2014 году, показал конструирование представлений, очень близких к этосу конфликта. А вот дискурс-анализ ответов на вопросы интервью, проведенного в 2016 году, продемонстрировал более разнородную и неоднозначную картину. В частности, отношения России и Украины не описывались как реальный конфликт большинством респондентов. То есть вооруженные столкновения на юго-востоке Украины, присоединение Крыма к России не отрицались, но все эти события обозначались как «искусственный», «инсценированный», «тщательно подготовленный», «раздутый» конфликт. Фокус внимания смещался с противостояния России и Украины на противопоставление политических элит, «верхушек», властей обеих стран – с одной стороны и обычных граждан – с другой. В качестве представителей аутгруппы определялись лица, наделенные властью, независимо от их национальной принадлежности, и «спонсированные» ими агрессоры, а в качестве ингруппы – рядовые граждане России и Украины. Официальные власти представлялись в текстах в качестве агрессора, а большинство населения России и Украины описывалось как страдающее и испытывающее негативные последствия от искусственно созданного конфликта. При этом представители старшего поколения для объяснения конфликта использовали теории заговора, приписывая ответственность за развертывание конфликта также Западу и США. А респонденты из группы молодежи чаще определяли конфликт на Украине скорее как внутривосточный с участием России, но приписывали ответственность за его развертывание всем сторонам и заинтересованным лицам (Голыничик, 2018).

Подводя итог анализу данного направления изучения этоса, хочется вслед за его авторами подчеркнуть, что существование этоса конфликта не означает, что внутри конфликтующих обществ нет различий в том, как именно конфликт представляется. Скорее наоборот, в основе одного этоса существуют разные альтернативные представления о конфликтной истории.

Роль коллективной памяти в формировании этоса конфликта в обществе

Последнее направление исследований, на котором мы хотим остановиться, имеет большую практическую значимость, связанную с преодолением этоса конфликта и конструированием этоса мира. Как уже говорилось выше, одним из факторов, определяющих устойчивость и воспроизводимость этоса конфликта, является коллективная память о прошлых событиях, насильственных эпизодах в отношениях двух групп. Этос и коллективная память тесно переплетены друг с другом. Авторы данного направления – испанский ученый Дарио Паец и исследователь из Новой Зеландии Джеймс Лиу – анализируют вклад коллективной памяти в формирование и усиление этоса, а также предлагают через изменение и реконструирование воспоминаний трансформировать этос трудноразрешимого конфликта.

Ученые, опираясь на идеи Бар-Талю, разделяют этос конфликта как нарратив о настоящем и коллективную память или нарратив о прошлом (Paez, Liu, 2015). Функцией этоса конфликта является совладание с актуальными событиями и переживаниями. А коллективные воспоминания (чаще всего избирательные и пристрастные нарративы о прошлых событиях) используются для усиления и поддержания убеждений, входящих в этос, и способствуют формированию коллективных эмоциональных переживаний ненависти, страха и гордости (Bar-Tal, 2007). Подобная функция коллективной памяти хорошо известна и описывается в литературе, посвященной изучению социальных представлений об истории (Емельянова, 2019).

Коллективные воспоминания – это широко распространенные в обществе образы и знания о событиях прошлого, которые создаются, передаются и сохраняются группой как посредством межличностной коммуникации, так и в ходе коммуникации, опосредованной социальными институтами. Социальные представления о прошлом помогают сохранять чувство преемственности, позитивный образ собственной группы и поддерживать ценности и социальные нормы, которые регламентируют поведение и определяют социальную идентичность. Коллективные воспоминания избирательны, чаще запоминаются травмирующие, болезненные, экстремальные, неожиданные события. Именно такие воспоминания способны укрепить представления о страдании ингруппы, входящие в состав этоса трудноразрешимого конфликта (Донцов, Стефаненко; 2017, Стефаненко и др., 2017а; 2017б). Коллективная память долго хранит и события, представлявшие серьезную угрозу социальной идентичности, ценностям и единству ингруппы. Такие воспоминания позволяют связать актуальные проблемы в отношениях двух групп с прошлыми угрозами (Емельянова, 2019), удлиняют и «уплотняют» историю конфликтных отношений.

Таким образом, в коллективной памяти избирательно сохраняются и закрепляются полезные для текущих групповых нужд воспоминания о войнах. А общества, находящиеся в трудноразрешимом конфликте, разделяют этос, который, согласно Бар-Талю, является настолько мощным образованием, что притягивает к себе все остальные феномены, в том числе коллективную память, формируя такое описание истории, которое будет оправдывать

собственную группу и делигитимизировать аутгруппу. Именно коллективные воспоминания ответственны за формирование коллективной эмоциональной ориентации на страх, вытесняющий надежду (Bar-Tal, 2007). Каждый ритуал, в котором вспоминаются погибшие члены ингруппы и забываются жертвы из числа аутгруппы, как будто подкрепляет страх и ненависть к врагу. Все это порождает нарратив, сфокусированный на коллективной ингрупповой жертвенности, который может оправдывать агрессию в настоящем.

Опираясь на концепцию Бар-Тая, французская исследовательница Валери Росу, изучая взаимную вражду Франции и Германии, начавшуюся в конце XIX века и снизившуюся только после Второй мировой войны (Rosoux, 2001), и ряд других конфликтов (Rosoux, 2004) обнаружила общие черты социальных представлений о прошлых войнах:

1) члены враждующих групп представляют собственную группу как жертву, мученика и эталон нравственности; больше помнят собственных героев, мучеников и эпические сражения; а эпизоды войны, которые вызывают стыд, воспоминания о жертвах из числа мирных жителей и страданиях членов аутгруппы скрываются и забываются;

2) аутгруппа определяется как агрессор, несущий ответственность за прошлые и текущие травматические события;

3) воспоминания о пережитых страданиях используются в призывах к единству и при обосновании необходимости отомстить аутгруппе, они делают возмездие легитимным, оправдывая и рационализируя коллективное насилие.

Росу предполагает, что продолжение военных действий становится как бы законной формой почитания погибших предков. Социальные представления, особенно в нациях победителей, прославляя войну, приводят к формированию позитивных аттитюдов в отношении войны у молодых людей и готовности сражаться в будущих войнах (Paez, Liu, 2015). Такие группы помнят больше военных событий и оценивают их менее негативно, а саму войну рассматривают как справедливую и необходимую (Liu et al., 2012). Мемориалы, памятники и учебники истории часто приукрашивают события, связанные с коллективным насилием и гибелью миллионов людей, ужасы войны затмеваются акцентированием внимания на героизме и славе, как бы оправдывающих понесенные издержки. Воспоминания описывают чужую группу делегитимизирующим и дегуманизирующим способом (как низших существ или животных). Такой результат подтверждается и многими другими исследованиями, например, коллективной памяти о войне колонизаторов с коренным населением Америки (Paez, Liu, 2015).

Таким образом, результаты исследований коллективных воспоминаний о войнах обеспечивают поддержку концепции этоса конфликта Бар-Тая. Судя по всему, функции коллективной памяти, частично совпадающие с функциями этоса конфликта, универсальны для любых обществ, а не только для групп, вовлеченных в трудноразрешимый конфликт. Паец, Лиу и Т.П. Емельянова сходятся во мнении, что использование коллективной памяти в государственных целях при конкуренции с другими нациями является общей тенденцией современного мира. Без сомнения, текущие события и полити-

ческая повестка дня ведущих политических сил в государстве влияют на то, как конструируются социальные воспоминания. Просто в обществах, включенных в трудноразрешимые конфликты, эта политическая повестка дня связана с продолжающимися военными действиями.

Паец и Лиу развивают идеи Бар-Таля о целенаправленном влиянии на коллективную память как способе трансформации этоса конфликта, снижении интенсивности коллективных эмоциональных переживаний, препятствующих примирению. Такая работа возможна только на постконфликтной стадии, когда активные военные действия прекращены, но этос сохранился, как и взаимные обиды. Важными шагами примирения и формирования общих разделяемых представлений о прошлом являются: 1) принятие фактов о событиях, включающих страдания членов чужой группы, что позволяет конструировать нарратив, описывающий историческое бедствие, в котором пострадали обе стороны; 2) воспоминание о произошедших событиях с признанием страданий членов собственной группы, но без ненависти к аутгруппе и без оправдания последующих насильственных действий, совершенных по отношению к ней, а также признание коллективных преступлений, совершенных в прошлом членами собственной группы; 3) создание всеобъемлющего нарратива, объединяющего группы, описывающего весь опыт прошлого и перспективы будущего в одной истории.

Описанные пункты являются шагами по совместному реконструированию фактологической картины конфликта. Например, смысл великих сражений Второй мировой войны сначала был патриотическим и националистическим для Франции и Германии (как проявление героизма, славы и боевого духа солдат), а спустя годы в результате реконструирования эти сражения стали восприниматься как символ «резни» и гибели миллионов людей для обеих стран (Rosoux, 2001). Деятельность по реконструированию социальных представлений о прошлом может осуществляться специальными комиссиями по установлению истины и примирению, в задачи которых входит оценить страдания потерпевших и организовать компенсации ущерба, предотвратить новые акты насилия, циклы мести и военные преступления, способствовать формированию коллективной памяти, ориентированной на будущее (Hamber, 2012). Согласно теории Бар-Таля (Bar-Tal, 2007), они способствуют тому, что общество сдвигается от коллективной эмоциональной ориентации на страх и ненависть к коллективной эмоциональной ориентации на надежду. И это подтверждено результатами исследований (Cardenas et al., 2013, 2015). Таким образом, изменения достигаются за счет конструирования воспоминаний о насилии и преступлениях, совершенных всеми вовлеченными сторонами, то есть и коллективная вина, и коллективные страдания разделяются обеими группами. Виктимизация и идеализация ингруппы при этом снижаются. Это открывает пространство для диалога и примирения.

В нашем собственном исследовании, которое мы кратко описывали в предыдущем параграфе, тоже были зафиксированы проявления конструирования совместной российско-украинской истории, объединяющей обе нации, в текстах ответов респондентов. Это были воспоминания об общем историческом прошлом, общей социальной идентичности, связанные также с нали-

чием дружественных и родственных связей участников исследования с представителями украинской стороны.

Представители данного направления исследований трудноразрешимых конфликтов (Paez, Liu, 2015) выделяют несколько препятствий в работе по реконструированию коллективных воспоминаний. Во-первых, это отсутствие личной и групповой вины за совершенные в ходе конфликта коллективные преступления. Часто признание вины и необходимости компенсаций – это позиция группы меньшинства, непопулярная среди других членов общества. Исследования показывают, что после окончания периода активных военных или насильственных действий уже третье поколение, хотя и помнит о содеянном, но не готово брать на себя ответственность за причиненный ущерб (Dresler-Hawke, Liu, 2006), что связывается с действием защитных механизмов.

Во-вторых, суд, осуществляемый победившей стороной, не воспринимается побежденной как справедливый, а доказательства вины, которые в нем рассматриваются, – как правдивые и достаточные. Поэтому представители побежденной группы могут не соглашаться с вынесенным решением, разделять убеждение, что, если бы ингруппа победила, никто бы их не судил.

В-третьих, члены конфликтующих групп лучше помнят и признают преступления, совершенные представителями чужой группы, чем аналогичные действия со стороны своей собственной. Например, португальцы лучше помнят о преступлениях в Латинской Америке XIX века, совершенных испанцами, чем самими португальцами (Marques et al., 2006).

В-четвертых, если доказательства вины в преступлениях, совершенных в ходе конфликта, неоспоримы, и их источники вызывают доверие, то включаются коллективные защитные механизмы, например, формируются убеждения, что в историческом контексте преступление было оправдано, или насилие было направлено на небольшую группу, которая провоцировала агрессию и заслуживала такого обращения (Marques, Paez, 2008).

В-пятых, у членов общества с сильно выраженной национальной или этнической идентичностью воспоминания о травмирующих событиях более полные (Стефаненко и др., 2017а) и сопротивление реконструированию проявляется больше, они менее склонны принимать критику в адрес ингруппы и поддерживать компенсации пострадавшим (Paez, Liu, 2015).

Подводя итог, можно сказать, что в условиях трудноразрешимого конфликта и высокого согласия членов общества с этосом общая тенденция коллективной памяти прославлять подвиги и достижения ингруппы, преувеличивая ее страдания и преуменьшая их последствия для членов аутгрупп, приобретает более ярко выраженный, экстремальный характер.

Заключение

Мы всестороннее рассмотрели понятие этоса трудноразрешимого конфликта, как оно представлено в современной зарубежной литературе. С нашей точки зрения, у концепции этоса есть все шансы прочно войти в отечественную психологию межгрупповых отношений, она может применяться российскими исследователями при изучении возникающих и продолжающихся конфликтов на территории бывшего СНГ. В частности, модель этоса может

помочь в интерпретации результатов изучения этнических стереотипов и предубеждений членов конфликтующих групп, объяснять специфику атрибутивных процессов, касающихся ситуаций конфликтного противостояния и глубже понимать их функции, объяснять природу избирательности восприятия и забывания событий трудноразрешимого конфликта, а также менталитета групп, включенных в него.

В исследованиях этоса важно сочетать количественные и качественные методы. Шкала этоса Бал-Таля может быть переведена и адаптирована для российской выборки. Однако важно помнить, что внутри такой системы убеждений, как этос трудноразрешимого конфликта, важно различать нюансы представлений об этом конфликте у разных идеологических подгрупп, существующих внутри обществ, включенных в него, обращать внимание не только на доминирующую историю конфликта, но и делать видимыми альтернативные точки зрения.

При воздействии на этос конфликта с целью его трансформации и создания возможностей для диалога сторон конфликта важно учитывать специфику эпистемологических, экзистенциальных и отношенческих потребностей, остро выраженных у членов конфликтующих групп, а также идеологические убеждения, которые формируются вследствие этого.

В постконфликтных обществах можно поводить работу по примирению сторон и изменению предубеждений с помощью совместного реконструирования коллективной памяти, однако при этом приходится иметь дело с коллективными защитными механизмами, которые препятствуют подобным изменениям.

Благодарности и финансирование. Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00980 «Историко-политические факторы трансформации коллективной памяти и идентичности российского общества».

Список литературы

- Бовина И.Б.* Теория социальных представлений: история и современное развитие // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 5–20.
- Гольничик Е.О.* Коллективные переживания трудноразрешимых социальных конфликтов // Коллективные переживания социальных проблем / под ред. Т.Г. Стефаненко, С.А. Липатова. М.: Смысл, 2015. С. 117–149.
- Гольничик Е.О.* Преимущества использования качественных методов в современных исследованиях восприятия конфликта // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 53–61. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090306>
- Гулевич О.А.* Психология межгрупповых отношений. М.: Юрайт, 2017. 341 с.
- Гулевич О.А., Неврюев А.Н.* Социальные верования и оценка военного вмешательства в дела других стран: роль авторитаризма и национальной идентификации // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 3. С. 52–68.
- Донцов А.И., Стефаненко Т.Г.* Культурная память о геноциде и этническая идентичность российских армян // Человеческий капитал. 2017. № 11. С. 69–75.
- Емельянова Т.П.* Коллективная память о событиях отечественной истории. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. 299 с.
- Емельянова Т.П.* Социальные представления: история, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 475 с.

- Потанина А.М. Образ трудноразрешимого межгруппового конфликта в российских СМИ // Человеческий капитал. 2018. № 7. С. 94–103.
- Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2014. 352 с.
- Стефаненко Т.Г., Донцов А.И., Донцов Д.А. Геноцид как историко-политический фактор коллективной памяти российских армян // Человеческий капитал. 2017а. № 12. С. 3–9.
- Стефаненко Т.Г., Тумгоева Т.А., Котова М.В. Культурная память и социальная идентичность ингушей как представителей репрессированного народа // Национальный психологический журнал. 2017б. № 4. С. 45–56. <https://doi.org/10.11621/npj.2017.0404>
- Altemeyer B. The other “authoritarian personality” // *Advances in experimental social psychology* / ed. by M.P. Zanna. Vol. 30. San Diego: Academic, 1998. Pp. 48–92. [https://doi.org/10.1016/s0065-2601\(08\)60382-2](https://doi.org/10.1016/s0065-2601(08)60382-2)
- Bamberg M.G.W., Andrews M. Considering counter-narratives: Narrating, resisting, making sense. Amsterdam: John Benjamins, 2004. <https://doi.org/10.1075/sin.4.43bam>
- Bar-Tal D. Intractable conflict. Socio-psychological foundations and dynamics. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. <https://doi.org/10.1017/cbo9781139025195>
- Bar-Tal D. Sociopsychological foundations of intractable conflict // *American Behavioral Scientist*. 2007. Vol. 50. Pp. 1430–1453. <https://doi.org/10.1177/0002764207302462>
- Bar-Tal D., Halperin E. Socio-psychological barriers to conflict resolutions // *Intergroup conflicts and their resolution* / ed. by D. Bar-Tal. New York: Taylor & Francis, 2011. Pp. 217–240. <https://doi.org/10.4324/9780203834091>
- Bar-Tal D., Sharvit K., Zafran A., Halperin E. Ethos of conflict: The concept and its measurement // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2012. Vol. 18. No. 1. Pp. 40–61. <https://doi.org/10.1037/a0026860>
- Bonanno G.A., Jost J.T. Conservative shift among high-exposure survivors of the September 11th terrorist attacks // *Basic and Applied Social Psychology*. 2006. Vol. 28. Pp. 311–323. https://doi.org/10.1207/s15324834basps2804_4
- Cardenas M., Paez D., Rime B. Transitional justice processes, shared narrative memory about past collective violence and reconciliation: The case of the Chilean “Truth and Reconciliation” and “Political Imprisonment and Torture” commissions // *Narrative and social memory: theoretical and methodological approaches* / ed by R. Cabecinhas, L. Abadia. Braga: Communication and Society Research Centre, 2013. Pp. 61–76.
- Cardenas M., Paez D., Rime B., Arnoso M. How Transitional Justice Processes and Official Apologies Influence Reconciliation: The Case of the Chilean “Truth and Reconciliation” and “Political Imprisonment and Torture” Commissions // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2015. Vol. 25. No. 6. Pp. 515–530. <https://doi.org/10.1002/casp.2231>
- Cohrs J.Ch, Ulug Ö.M., Stahel L., Kislioglu R. Ethos of Conflict and Beyond: Differentiating Social Representations of Conflict // *Social Psychology of Intractable Conflict. Celebrating the Legacy of Daniel Bar-Tal* / ed. by E. Halperin, K. Sharvit. Springer: Switzerland, 2015. Vol. 1. Pp. 33–45. https://doi.org/10.1007/978-3-319-17861-5_3
- Coleman P.T. Intractable conflict // *The handbook of conflict resolution: theory and practice* / ed. by M. Deutsch, P.T. Coleman, E.C. Marcus. San Francisco: Jossey-Bass, 2014. Pp. 708–743.
- Dresler-Hawke E., Liu J.H. Collective shame and the positioning of German national identity // *Psicologia Politica*. 2006. Vol. 32. Pp. 131–153.
- Gulevich O., Nevryuev A. N., Sarieva I. War As A Method Of Conflict Resolution: The Link Between Social Beliefs, Ideological Orientations And Military Attitudes In Russia // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2019. In Press. <https://doi.org/10.1037/pac0000434>
- Halperin E. Collective emotions and emotion regulation in intractable conflicts // *Collective emotions. Perspectives from psychology, philosophy, and sociology* / ed. by Ch. von Scheve, M. Salmela. Oxford: Oxford University Press, 2014. Pp. 281–298. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199659180.003.0019>

- Halperin E.* Emotion in conflict: inhibitors and facilitators of peace making. New York: Roulledge, 2016. <https://doi.org/10.4324/9781315850863>
- Hamber B.* Conflict museums, nostalgia, and dreaming of never again // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2012. Vol. 18. No. 3. Pp. 261–281. <https://doi.org/10.1037/a0029076>
- Hennes E.P., Nam H.H., Stern C., Jost J.T.* Not all ideologies are created equal: Epistemic, existential, and relational needs predict system-justifying attitudes // *Social Cognition*. 2012. Vol. 30. No. 6. Pp. 669–688. <https://doi.org/10.1521/soco.2012.30.6.669>
- Jost J.T., Gaucher D., Stern C.* “The world isn’t fair”: A system justification perspective on social stratification and inequality // *APA handbook of personality and social psychology* / ed by J. Davidio, J. Simpson. Washington, DC: American Psychological Association, 2015a. Vol. 2. Pp. 317–340. <https://doi.org/10.1037/14342-012>
- Jost J.T., Stern Ch., Sterling J.* Ethos of Conflict: A System Justification Perspective // *Social Psychology of Intractable Conflict. Celebrating the Legacy of Daniel Bar-Tal* / ed. by E. Halperin, K. Sharvit. Springer: Switzerland, 2015b. Vol. 1. Pp. 47–59. https://doi.org/10.1007/978-3-319-17861-5_4
- Lavi I., Canetti D., Sharvit K., Bar-Tal D., Hobfoll S.E.* Protected by ethos in a protracted conflict? A comparative study among Israelis and Palestinians in the West Bank, Gaza, and East Jerusalem // *Journal of Conflict Resolution*. 2014. Vol. 58. No. 1. Pp. 68–92. <https://doi.org/10.1177/0022002712459711>
- Liu J.H., Paez D. et al.* Cross-cultural dimensions of meaning in the evaluation of events in world history? // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2012. Vol. 43. No. 2. Pp. 251–272. <https://doi.org/10.1177/0022022110390926>
- Marques J., Paez D.* Subjective group’s dynamic: A theoretical framework for the black sheep effect // *Bilans et Perspective en Psychologie Sociale*. 2008. Vol. 62. Pp. 71–116.
- Marques J., Paez D., Valencia J., Vincze O.* Effects of group membership on the transmission of negative historical events // *Psicologia Politica*. 2006. Vol. 32. Pp. 79–105.
- Páez D., Liu J.H.* The Collective Remembering of Conflict and Its Role in Fueling an Ethos of Conflict in Society // *Social Psychology of Intractable Conflict. Celebrating the Legacy of Daniel Bar-Tal* / ed. by E. Halperin, K. Sharvit. Springer: Switzerland, 2015. Vol. 1. Pp. 61–75. https://doi.org/10.1007/978-3-319-17861-5_5
- Rosoux V.* Human rights and the work of memory in international relations // *International Journal of Human Rights*. 2004. Vol. 3. No. 2. Pp. 159–170. <https://doi.org/10.1080/1475483042000210694>
- Rosoux V.* National identity in France and Germany: from mutual exclusion to negotiation // *International Negotiation*. 2001. Vol. 6. No. 2. Pp. 175–198. <https://doi.org/10.1163/15718060120849035>
- Stephenson W.* The study of behavior: Q technique and its methodology // *American Journal of Sociology*. 1955. Vol. 61. Pp. 67–69. <https://doi.org/10.1086/221704>

История статьи:

Поступила в редакцию: 15 декабря 2019 г.

Принята к печати: 25 января 2020 г.

Для цитирования:

Голыничик Е.О. Этнос трудноразрешимого межэтнического конфликта: исследовательские подходы и перспективы изучения // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2020. Т. 17. № 1. С. 29–50. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-29-50>

Сведения об авторе:

Голыничик Елена Олеговна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного универ-

ситета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). ResearcherID: L-1387-2013, ScopusID: 7801397442, eLIBRARY SPIN-код: 2048-5534. E-mail: elena_golynchik@mail.ru

Review article

The Ethos of Intractable Interethnic Conflict: Research Approaches and Prospects

Elena O. Golynchik

Lomonosov Moscow State University
11 Mokhovaya St., bldg. 9, Moscow, 125009, Russian Federation

Abstract. The present article deals with the concept of ‘ethos’ as applied to intractable interethnic conflicts – this topic has hardly ever been addressed in Russian scientific literature. The ethos of conflict is defined as a system of social beliefs and myths shared by a large group of people involved in a long-term intractable conflict and closely connected with the history of the conflict that dominates in this society, i.e. the collective memory of it. The concept of ‘intractable interethnic conflict’ was introduced into Russian psychology by T.G. Stefanenko, who began to study the phenomenology of such conflicts at the Department of Social Psychology of Lomonosov Moscow State University. Following the line, the article introduces the reader to modern research in this area. In the first part of the work, the author gives a definition of an intractable conflict, analyzes D. Bar-Tal’s theory of the ethos of conflict and describes methods for studying it applied in foreign social psychology. The author also describes the content of eight topics, around which the beliefs that make up the ethos of conflict are grouped. The second part of the article deals with the critics of contemporary ethos of conflict researches and new approaches to this phenomenon. The following three current trends in studying the ethos of conflict are highlighted: the first one is associated with an attempt to explain the ethos of conflict stability within the categories of J. Jost’s system justification theory (SJT); the second one is based on the assumption that the beliefs of members of a conflicting group are not uniform; therefore, it is important to study not only the prevailing social point of view on the conflict but also alternative views of minor or even outsider groups (rather opposing the ethos), because it is often an alternative view that can help out of a seemingly insoluble situation; and the last one is connected with research at the intersection of the phenomenology of the ethos of conflict and collective memory.

Key words: intractable intergroup conflict, ethos of conflict, T.G. Stefanenko, interethnic conflict, ethnonational conflict, collective memory, system justification theory

Acknowledgements and Funding. This study was done with the help of grant from RFFR No. 17-06-00980 “The historical and political factors of transformation of the collective memory and identity of the Russian society”.

References

- Altemeyer, B. (1998). The other “authoritarian personality”. In M. P. Zanna (Ed.), *Advances in Experimental Social Psychology* (vol. 30, pp. 48–92). San Diego: Academic. [https://doi.org/10.1016/s0065-2601\(08\)60382-2](https://doi.org/10.1016/s0065-2601(08)60382-2)
- Bamberg, M.G.W., & Andrews, M. (2004). *Considering counter-narratives: Narrating, Resisting, Making Sense*. Amsterdam: John Benjamins. <https://doi.org/10.1075/sin.4.43bam>

- Bar-Tal, D. (2007). Sociopsychological foundations of intractable conflict. *American Behavioral Scientist*, 50(11), 1430–1453. <https://doi.org/10.1177/0002764207302462>
- Bar-Tal, D. (2013). *Intractable conflict: Socio-Psychological Foundations and Dynamics*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/cbo9781139025195>
- Bar-Tal, D., & Halperin, E. (2011). Socio-psychological barriers to conflict resolutions. In D. Bar-Tal (Ed.), *Intergroup Conflicts and Their Resolution* (pp. 217–240). New York: Taylor & Francis. <https://doi.org/10.4324/9780203834091>
- Bar-Tal, D., Sharvit, K., Zafran, A., & Halperin, E. (2012). Ethos of conflict: The concept and its measurement. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 18(1), 40–61. <https://doi.org/10.1037/a0026860>
- Bonanno, G.A., & Jost, J.T. (2006). Conservative shift among high-exposure survivors of the September 11th terrorist attacks. *Basic and Applied Social Psychology*, 28(4), 311–323. https://doi.org/10.1207/s15324834basp2804_4
- Bovina, I.B. (2010). Theory of social representations: History and the actual development. *Sociological Journal*, (3), 5–20. (In Russ.)
- Cardenas, M., Paez, D., & Rime, B. (2013). Transitional justice processes, shared narrative memory about past collective violence and reconciliation: The case of the Chilean “Truth and Reconciliation” and “Political Imprisonment and Torture” commissions. In R. Cabecinhas, L. Abadia (Eds.), *Narrative and social memory: theoretical and methodological approaches* (pp. 61–76). Braga: Communication and Society Research Centre.
- Cardenas, M., Paez, D., Rime, B., & Arnosó, M. (2015). How Transitional Justice Processes and Official Apologies Influence Reconciliation: The Case of the Chilean “Truth and Reconciliation” and “Political Imprisonment and Torture” Commissions. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 25(6), 515–530. <https://doi.org/10.1002/casp.2231>
- Cohrs, J.Ch, Ulug, Ö.M., Stahel, L., & Kislioglu, R. (2015). Ethos of Conflict and Beyond: Differentiating Social Representations of Conflict. In E. Halperin, K. Sharvit (Eds.), *Social Psychology of Intractable Conflict. Celebrating the Legacy of Daniel Bar-Tal* (vol. 1, pp. 33–45). Springer: Switzerland. https://doi.org/10.1007/978-3-319-17861-5_3
- Coleman, P.T. (2014). Intractable conflict. In M. Deutsch, P.T. Coleman, E.C. Marcus (Eds.), *The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice* (pp. 708–743). San Francisco: Jossey-Bass.
- Dontsov, A.I., & Stefanenko, T.G. (2017). Cultural memory of genocide and ethnic identity of Russian Armenians. *Human Capital*, (11), 69–75. (In Russ.)
- Dresler-Hawke, E., & Liu, J.H. (2006). Collective shame and the positioning of German national identity. *Psicologia Politica*, 32, 131–153.
- Golynchik, E.O. (2015). Kollektivnyye perezhivaniya trudnorazreshimyykh sotsial'nykh konfliktov. In T.G. Stefanenko & S.A. Lipatov (Eds.), *Kollektivnyye Perekhivaniya Sotsial'nykh Problem* (pp. 117–149). Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)
- Golynchik, E.O. (2018). Potential of qualitative methods in the modern research of conflict perception. *Social Psychology and Society*, 9(3), 53–61. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090306> (In Russ.)
- Gulevich, O., Nevryuev, A.N., & Sarieva I. (2019). War As A Method Of Conflict Resolution: The Link Between Social Beliefs, Ideological Orientations And Military Attitudes In Russia. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. In Press. <https://doi.org/10.1037/pac0000434>
- Gulevich, O.A. (2017). *Psikhologiya Mezhgruppovykh Otnosheniy*. Moscow: Yurait Publ. (In Russ.)
- Gulevich, O.A., & Nevryuev, A.N. (2015). Social Beliefs and Evaluation of Military Intervention in Other Countries Affairs: The Role of Authoritarianism and National Identification. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 12(3), 52–68. (In Russ.)
- Halperin E. (2016). *Emotion in Conflict: Inhibitors and Facilitators of Peace Making*. New York: Roulledge. <https://doi.org/10.4324/9781315850863>
- Halperin, E. (2014). Collective emotions and emotion regulation in intractable conflicts. In Ch. von Scheve, M. Salmela (Eds.), *Collective Emotions. Perspectives from Psychology*

- gy, *Philosophy, and Sociology* (pp. 281–298). Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199659180.003.0019>
- Hamber, B. (2012). Conflict museums, nostalgia, and dreaming of never again. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 18(3), 261–281. <https://doi.org/10.1037/a0029076>
- Hennes, E.P., Nam, H.H., Stern, C., & Jost, J.T. (2012). Not all ideologies are created equal: Epistemic, existential, and relational needs predict system-justifying attitudes. *Social Cognition*, 30(6), 669–688. <https://doi.org/10.1521/soco.2012.30.6.669>
- Jost, J.T., Gaucher, D., & Stern, C. (2015a). “The world isn’t fair”: A system justification perspective on social stratification and inequality. In J. Davidio, & J. Simpson (Eds.). *APA Handbook of Personality and Social Psychology* (vol. 2, pp. 317–340). Washington, DC: American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/14342-012>
- Jost, J.T., Stern, Ch., & Sterling, J. (2015b). Ethos of Conflict: A System Justification Perspective. In E. Halperin, K. Sharvit (Eds.). *Social Psychology of Intractable Conflict. Celebrating the Legacy of Daniel Bar-Tal* (vol. 1, pp. 47–59). Springer: Switzerland. https://doi.org/10.1007/978-3-319-17861-5_4
- Lavi, I., Canetti, D., Sharvit, K., Bar-Tal, D., & Hobfoll, S.E. (2014). Protected by ethos in a protracted conflict? A comparative study among Israelis and Palestinians in the West Bank, Gaza, and East Jerusalem. *Journal of Conflict Resolution*, 58(1), 68–92. <https://doi.org/10.1177/0022002712459711>
- Liu, J.H., Paez, D. et al. (2012). Cross-cultural dimensions of meaning in the evaluation of events in world history? *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 43(2), 251–272. <https://doi.org/10.1177/0022022110390926>
- Marques, J., & Paez, D. (2008). Subjective group’s dynamic: A theoretical framework for the black sheep effect. *Bilans et Perspective en Psychologie Sociale*, 62, 71–116.
- Marques, J., Paez, D., Valencia, J., & Vincze, O. (2006). Effects of group membership on the transmission of negative historical events. *Psicologia Politica*, 32, 79–105.
- Páez, D., & Liu, J.H. (2015). The Collective Remembering of Conflict and Its Role in Fueling an Ethos of Conflict in Society. In E. Halperin, K. Sharvit (Eds.), *Social Psychology of Intractable Conflict. Celebrating the Legacy of Daniel Bar-Tal* (vol. 1, pp. 61–75). Springer: Switzerland. https://doi.org/10.1007/978-3-319-17861-5_5
- Potantina, A.M. (2018). An image of an intractable intergroup conflict in the Russian media. *Human Capital*, (7), 94–103. (In Russ.)
- Rosoux, V. (2001). National identity in France and Germany: from mutual exclusion to negotiation. *International Negotiation*, 6(2), 175–198. <https://doi.org/10.1163/15718060120849035>
- Rosoux, V. (2004). Human rights and the work of memory in international relations. *International Journal of Human Rights*, 3(2), 159–170. <https://doi.org/10.1080/1475483042000210694>
- Stefanenko, T.G. (2014). *Etнопсихологиya*. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)
- Stefanenko, T.G., Dontsov, A.I., & Dontsov, D. A. (2017a). Genocide as a historical and political factor of collective memory of Russian Armenians. *Human Capital*, (12), 3–9. (In Russ.)
- Stefanenko, T.G., Tumgoeva, T.A., & Kotova, M.V. (2017b). The Ingush’s cultural memory and social identity as a representative of repressed ethnic group. *National Psychological Journal*, (4), 45–56. <https://doi.org/10.11621/npj.2017.0404> (In Russ.)
- Stephenson, W. (1955). The study of behavior: Q technique and its methodology. *American Journal of Sociology*, 61, 67–69. <https://doi.org/10.1086/221704>
- Yemel’yanova, T.P. (2016). *Sotsial’nyye Predstavleniya: Istoriya, Teoriya i Empiricheskiye Issledovaniya*. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. (In Russ.)
- Yemel’yanova, T.P. (2019). *Kollektivnaya Pamyat' o Sobytiyakh Otechestvennoy Istorii*. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. (In Russ.)

Article history:

Received: 15 December 2019

Revised: 23 January 2020

Accepted: 25 January 2020

For citation:

Golynchik, E.O. (2020). The Ethos of Intractable Interethnic Conflict: Research Approaches and Prospects. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(1), 29–50. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-29-50>

Bio note:

Elena O. Golynchik, Ph.D. in Psychology, is Associate Professor at Social Psychology Department of Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia). ResearcherID: L-1387-2013, ScopusID: 7801397442, eLIBRARY SPIN-code: 2048-5534. E-mail: elena_golynchik@mail.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-1-51-63
UDC 316.77

Review article

Sino-Russian Intercultural Communication Research: Literature Review

Ekaterina D. Vasilyeva, Nadezhda M. Lebedeva

National Research University Higher School of Economics
4 Armyansky Lane, bldg. 2, Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract. International relations between China and Russia have a long-lasting history. At the same time interpersonal contacts between these two ethnic groups face difficulties associated with language, cultural distance, prejudices and other factors. This article presents a review of studies on the problem of Russian-Chinese intercultural interaction. Due to its interdisciplinary nature the studies are scattered both methodologically and with respect to its theoretical foundations. In this regard, we conditionally divide the considered works into four main areas: studying the perception of the image of Russia and China among Russians and Chinese, classification of Sino-Russian communication barriers, cross-cultural analysis of communication components, and indigenous concepts of Chinese psychology related to the process of intercultural interaction. A brief review of the modern research results gained by Russian and Chinese authors on effective communication and building trustful relationships is given. The results of studies revealing important differences at the level of verbal and non-verbal communication are presented. Particular attention is paid to cross-cultural research aimed at identifying etic and emic attributes of the situation of intercultural interaction. The most common approaches to understanding the concept of trust and its operationalization in Chinese studies are described. The importance of further studying mechanisms of building trustful relationships between representatives of the two countries is noted. In conclusion, unresolved problems and current trends in the study of intercultural communication are identified.

Key words: intercultural communication, intercultural perception, indigenous concepts, cross-cultural research, Russia, China

Introduction

Studying the relationship between Russia and China has a long history. Changes associated with the geopolitical and economic situation affect the nature of bilateral relations. Despite the significant number of contacts between countries, the process of communication at the interpersonal level is often accompanied by cases of misunderstanding and passing communication barriers along the way (Croucher et al., 2015; Spencer-Oatey, 2017).

Theoretical elaboration of this problem is clearly interdisciplinary. In this regard, there is a need for a review and classification of existing works on the topic.

© Vasilyeva E.D., Lebedeva N.M., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The purpose of this article is to systematize the accumulated empirical work and identify unresolved problems and relevant areas for research in the field of intercultural communication between Russian and Chinese people.

Meta-analysis shows that intercultural communication between Russians and Chinese is studied at several levels: at the level of perception and mutual stereotypes (Block, 2013; Batkhina, 2019; Chen, 2008; Grigoryev et al., 2019), at the level of verbal and non-verbal communication (Martin, 2017; Spitzberg, 2013), at the level of differences in values and communication styles (Harrison, 2009; Henze, 2012; Leung, 2015; Stephan, 2014; Winkler, 2008), as well as at the level of indigenous components of Chinese communication (Bond, 2010; Ting-Toomey, 2005; Yuan, 2011). Based on this, in this review, studies of Russian and foreign authors are conventionally divided into four main categories: perception of the image of Russia and China, classification of communication barriers between Russians and Chinese, cross-cultural analysis of communication components, and indigenous concepts of Chinese psychology related to the process of intercultural interaction.

Studying the perception of the image of Russia and China

At this stage, the “Chinese vector” of Russian foreign policy stimulates the desire to analyze relationships at the national level (Zuenko, 2017; Malle, 2017; Wilson, 2015; Røseth, 2016). For example, a separate niche is occupied by works in the field of imagology, the subject of which is how our countries see each other (Tikhvinsky, 2008; Ten, 2012; Stronski, 2018; Tremin, 2012).

At the same time, social psychology has a developed methodologies for identifying features of the processes of social perception at the level of large social groups. Within this area, there is a tradition of studying subjective culture, which determines how individuals categorize social objects, highlight the links between categories and which categories they recognize as “their own”. Subjective culture embraces all representations, beliefs and ideas that unite people and have a direct impact on their behavior and activities (Stefanenko, 2009).

In her study, T. Stefanenko conducted a cross-cultural analysis of ideas about Russia among Russian students and students from the USA and China – countries influential from the point of view of Russians. The results show that in the view of the Chinese respondents, Russia primarily is a country “rich” in natural resources and the military-industrial complex, but not people (since it is perceived as “sparsely populated”). At the same time, students studying in China, focus more on natural resources and climatic conditions, and broader, “cultural” associations arise among students studying in Russia. In addition, students studying in China demonstrate more superficial knowledge of Russia (Stefanenko, 2012).

A study of the image of China in Russia (Lukin, 2003) shows that this is a complex system that includes numerous sub-images of China, for example, in various regions of Russia and among various population groups. The image of another country is more stable than other views, since the main external factors influencing it – geographical location, size, power and population of the two countries – remain unchanged or approximately the same over long historical periods.

S. Kononov writes that Russians’ perception of China is based on two main opposing views, which are based on the assessment of China’s influence on Rus-

sia. The first group is “alarmists,” indicating dangerous trends in Russian-Chinese interaction, and the second is “pragmatists,” which form images calming mass consciousness. These data show how unverified, and based solely on faith, is the perception of the image of China at the level of mass consciousness (Kononov, 2016).

These results reflect the ideas that guide representatives of our countries during communication. It is especially worth noting revealed stability of these ideas and the influence of a wider context on them (Spencer-Rodgers, 2002).

Both at the level of state relations and at the level of business communication, difficulties arise due to a lack of trust between representatives of the two countries (Røseth, 2016). Carlsson explains this with uncertainty about the true intentions of the counterpart. Moreover, while at the state level, the reasons are the geopolitical interests of the two countries, then at the level of interpersonal communication, the true reasons for this distrust are still to be studied.

Identification and typology of Russian-Chinese communication barriers

Moving to the level of interpersonal communication between the representatives of the two countries, the researchers analyze the psychological difficulties and factors that can affect the effectiveness of this interaction.

Khunyue divides the causes of communicative failures into 3 groups. The first group is the wrong choice of a language unit and discursive strategy, as well as incorrect interpretation of its meaning. The author identifies 3 types of discursive errors:

- “etiquette” errors due to ignorance of speech etiquette rules;
- “stereotypical” errors caused by ignorance of Russian sociocultural stereotypes of verbal communication;
- “encyclopedic” errors due to insufficient amount of acquired background knowledge.

The second group is errors related to cultural traditions, and the third group is errors related to the momentary context: features of the situation, emotional state (Khunyue, 2017).

Social psychologist P. Yakupov identifies several barriers to Russian-Chinese interaction: excessive closed nature of the Chinese in communication; desire for a vertical structure of organization; and syncretic understanding of time space. It is these features that are in dichotomy with the behavior of the representatives of the Russian business environment that the Chinese respondents pointed out, namely: excessive openness in communication, desire for a horizontal structure of organization, and a clear division of time space (Yakupov, 2017).

Quite interesting for cross-cultural analysis is comparison of non-verbal communication methods. However, the classification in most cases is based on the analysis of literature and observations. For example, A. Savvin notes such dominant features of non-verbal communication as rapport and greater freedom of action among Russians, while among the Chinese – rapport and open manifestation of emotions. At the same time, the Chinese gesticulation is characterized by lower frequency, a relatively small amplitude of movements and more restraint than the Russian gesticulation (Savvin, 2015).

I. Novikova and M. Gridunova analyzed the perception of non-verbal behavior of the Chinese in the process of interaction with Russians. Based on the results of

the analysis, she comes to the conclusion that this perception is much more stereotyped than the perception of Russian non-verbal communication by Chinese students. Most likely because, while studying in Russia, they have the opportunity of real communication with representatives of the host society, where stereotypes are verified and destroyed.

In addition, the results of the study allow authors to conclude that, compared with Chinese students, Russian students tend to interact more effectively with people who behave in accordance with the stereotypes of their own ethnic group's non-verbal behavior. Chinese students, unlike Russian students, have the opposite tendency – towards more effective interaction with people, whose non-verbal behavior is more similar to Chinese (Novikova, Gridunova, 2011).

Zhang Yifan's work provides an analysis of Russians' perceptions of the specifics of verbal and non-verbal behavior of Chinese people. The methodology of free and directed associative experiment revealed that Russians note the complexity of the Chinese language and everyday smiling of the Chinese. Assessment of business and personal qualities of the Chinese is positive, and their appearance is neutral. The analysis of proverbs showed that the lexeme “Chinese” is part of three Russian phraseological units: “Wall of China”, “Chinese ceremonies”, and “Chinese letter”. The author comes to the conclusion that Russians have historically perceived the Chinese society as closed, having a complex writing system and an extensive repertoire of etiquette forms (Zhang, 2016).

K. Fedorova studied the problems of interethnic interaction on the border of Russia and China – in the Trans-Baikal Territory and Inner Mongolia. The main conclusion of this work is the fact that the same speech patterns, stereotypes and attitudes have been preserved in this region for decades. At the language level, the following picture is observed: it is the Chinese who are trying to master the Russian language, and not vice versa. However, due to heavy accent, their status in the eyes of the Russian population is not very high. Thus, negative stereotypes regarding the Chinese persist and destructively affect communication and relations between two ethnic groups (Fedorova, 2012).

Cross-cultural analysis of communication components

Many studies focus on the search for universals and differences in the psychology of representatives of the two peoples. We will look at some studies conducted on the Russian and Chinese samples that are directly related to communication, especially in the business environment.

O. Bychikhina, in the context of studying ways to build trusting relations between Russians and Chinese, compares two styles of negotiating according to criteria: intonation, purpose of communication, communication dominants, main source of information, business strategies, and features of communication (Table 1).

N. Lebedeva writes that the relations of values and attitudes towards innovations are both universal and culturally specific, due to the value priorities of the members of a given culture and the implicit theories of creativity present in these cultures. Intercultural differences in the values of Russian and Chinese students are as follows: Russian students prefer the values of openness to change and self-affirmation more, and Chinese students prefer the values of conservation and leap of trust. The revealed differences, according to the author, reflect differences

along the line of “traditionalism – modernism”, where Chinese culture is closer to the pole of traditionalism, while Russian culture on this continuum is closer to the pole of modernization (Lebedeva, 2007).

Table 1

**Comparison of Chinese and Russian approach to business communication
(Bychikhina, 2014. P. 161)**

Criteria	Chinese approach	Russian approach
Intonation	Quiet	Loud
Aim	Step-by-step gain	“All or nothing”
Communication dominant	Indirect, subjunctive	Direct, imperative
Main information source	Non-verbal means	Verbal means
Business strategies	1. Saving face	1. Sincerity
	2. Infiniteness	2. Definiteness
	3. Flexibility and compromise	3. The winner takes it all
	4. Patience	4. Saving time
	5. Partners' social status	5. Task fulfillment
Communication features	1. Indirect	1. Indirect
	2. Introversion, self-control	2. Extraversion, impulsivity
	3. Personality-oriented	3. Depersonalization (team spirit, cooperation)
	4. Lack of physical contact	4. Existence and acceptability of physical contact
	5. Gestures seldom used	5. Gestures make sense and are often used

A separate cohort of studies is devoted to the features and comparison of building trusting relationships in Russia and China. One of the important aspects in both cases is the participation of third parties, as an intermediary in communication, or their recommendations. Empirical studies on this topic have been conducted in the field of investment (Batjargal, 2007). The work of D. Batjargal refers to the fact that the interpersonal trust of the investor and the intermediary leads to a decision in favor of investing, therefore the “three-party” connections, or triads, are most effective. This confirms the theory that in particularistic societies, interpersonal trust plays a much greater role than general social or institutional trust (Xin, 1996; Batjargal, 2003).

The study of L. Grigoryan and N. Lebedeva verifies the cultural universality of the structure of informal ties in an organization in a sample of five countries, including Russia and China. The study relies on a three-component model of *guanxi*, specific to Chinese culture, where the structure of informal ties includes such components as emotional attachment, involvement in personal life and reverence for the leader (Grigoryan, 2013).

A study by A. Ardichvili is devoted to the perception of corporate culture based on the material of five countries, including Russia and China (Ardichvili, 2012). The results suggest that the perception of corporate culture in these two countries differs from other BRICS countries – India, Brazil and South Africa. The latter had indicators higher on all five scales of perception of corporate culture: trust

and honesty in relation to the organization, management efficiency, mission and values, balance of stakeholders, integrity and transparency of processes.

S. Michailova studied the similarities and differences in the individual style of knowledge sharing behavior in Russian and Chinese organizations. She writes that employees of Chinese companies exchange information within the group in such a way as to comply with the group's interests and preserve the face of the group. At the same time, employees of Russian companies share information in pursuit of individual interests. At the same time, in both cases, the main goal is protection from representatives of the outer group and, sometimes, even aggression towards its representatives (Michailova, 2016).

Today two main features of studies of the two countries' representative's interaction are worth mentioning: firstly, diversity of research methods, and secondly, apparent predominance of research in line with the indigenous direction. Ethnopsychological studies of Russian and foreign authors, devoted to indigenous concepts of Chinese psychology and communication theory, prevail in the research literature. This state of affairs has developed since the publication in 1894, of Arthur Smith's famous book "Chinese Characteristics," the first chapter of which is called "The Face." Subsequently, it was this phenomenon that became one of the key and most studied in psychology (Smith, 1894). At the present stage of development of Chinese indigenous psychology, two basic concepts – the *Guanxi* informal relationship system and the *Mianzi* face concept – have given impetus to the development of whole areas of research (Bond, 2010).

Features of Chinese communication style

Continuing the theme of indigenous concepts in Chinese psychology and communication theory, a small outline of the trends that have emerged in the literature on the Chinese style of communication in recent years should be made. Chinese traditional communication style, based on Confucian values, has undergone some changes due to the development of China in recent decades. Modern communication retains its traditional features, but at the same time acquires new characteristics. In general, the combination of these two styles can be compared with the concept of Yin-Yang, or the unity of opposites, which also lies at the very foundation of Chinese psychology (Fang, 2011).

Five main characteristics of Chinese communication are usually highlighted (Gao et al., 2010): indirect communication (含蓄 *hanxu*), listening orientation (听话 *tinghua*), politeness (客气 *keqi*), priority of maintaining communication within the group (自己人 *zijiren*), and saving face (面子 *mianzi*). These five characteristics are based on Confucian values, but the dual nature of communication, the philosophy of which is rooted in the teachings of Taoism and the unity of the opposites of Yin and Yang, is not taken into account (Chen, 2008). This approach may explain why, in the eyes of a foreigner, a Chinese negotiating partner can be closed, formal, categorical on the one hand, and can be open, informal and ready for compromise on the other. In the Chinese language and in the culture as a whole, the idea that everything contains an opposite is the basic one. For example, the two-syllable word "things" 东西 *dongxi* consists of the characters 东 *dong* – "east" and 西

xi – “west”; another example relevant to the business environment: “crisis” 危机 *weiji* consisting of two characters – “danger” 危 *wei* and “opportunities” 机 *ji*.

Fang notes that for this reason the Chinese do not have any cognitive dissonance about phrases linguistically baffling the English-speaking person, for example, the terms “socialist market economy”, “one country – two systems”, or “stable development”. These English-language variants are very competently localized into the Russian language, for example, “socialism with Chinese characteristics”, and at least at the language level they do not sound like an oxymoron. Further, the author extends the traditional characteristics of communication, introduces a dichotomy to each of them, thus emphasizing the paradox of the modern culture of communication, which includes both Confucian values and norms of communication that were formed in modern times.

For example, no one would argue that the concept of the face is the central regulator in the behavior of the Chinese. This implies taking care not to “lose face yourself” and not to harm the face of your vis-a-vis. At the same time, in Taoism there is a concept-antipode, that is, the idea of a “thick face” (Chu, 1992). From the point of view of Taoism, having the courage to lose face, a person becomes psychologically stronger and more mature. In a situation of defeat or loss of dignity, the best strategy, according to Taoists, is not to stand your ground, but to retreat in order to return later and again “build face” (Fang, 1999).

The dual nature of communication, the “quadrature of the Chinese circle” (Myasnikov, 2006), is one of the most important reasons why such convenient instructions of “Do's and Taboos” during negotiations with Chinese partners often fail in practice. Of much greater benefit, and this is evident from the research literature of recent years, is building trusting bilateral relations.

For a deeper understanding of this process, it is important to consider the concept of trust in Chinese culture.

Wang proposes five types of trust:

1. Trust between relatives. This is the type of relationship that does not build up over time, but is present throughout life. Therefore, the risk factor as such is absent or ignored in the perception of loved ones.

2. Accumulated trust based on individual qualities and behavior and appears with experience in communication. The simplest example is mutual trust between friends, which comes from emotional attachment and a sense of belonging.

3. A priori trust is the most unreliable and ephemeral type. It implies the historically established or enshrined in the language of confidence in certain phenomena, things and people. For example, folklore can be the source of such trust, therefore it is impossible to somehow measure or predict it.

4. Professional trust – means trust in competent professionals in their field. As a rule, these are professions whose professionalism is easiest to evaluate from your own experience – doctors, teachers and lawyers. At the same time, the general “accumulated” authority of these specialists automatically provides in the future a higher level of trust in them.

5. Institutional trust. Its source is the calculation of personal gain. This is the type of trust that is necessary to build relationships outside of the Guanxi system, following written and unwritten rules. In this case, the ratio of possible risks and benefits from these relationships plays a large role (Wang, 2018).

Wang says that the institutional type of trust is related to cognitive trust, while the accumulated trust – to affective (Wang et al., 2006).

Table 2

Characteristics of five types of Trust (Wang, 2018)

	In-group (inside Guanxi group)		Out-group (outside Guanxi group)		
	Trust between relatives	Accumulate trust	A priori trust	Professional trust	Institutional trust
Basis	Relatives' ties	Emotional attachment	Tradition	Knowledge, skills, abilities	Interests, gain
Mechanism	Guanxi	Identity	Historical context	Logics	Assumption
Form	Life consequences	Promise	Experience, public opinion	License (document confirming professionalism)	Agreement, law
Support	Own initiative	Reciprocal	Practice	Analysis	Documentation/ethics
Risks	None	Assessed subjectively	Assessed heuristically	Predictable	Assessed relatively objectively
Expectations	High	High/medium	Medium	Low	Low
Changeability	None	Partially	Optionally	Optionally	Optionally
Duration	Permanent	Long	Partial	Flexible	Temporary

Understanding mechanisms of building trusting relationships is extremely important in the context of intercultural communication. Since it is precisely the very basic component for tolerant attitude towards representatives of another culture. In the absence of trust, we are no longer talking about tolerance, as the ability to openly relate to otherness, but about assertiveness. In contrast to tolerance based on trust in another person, assertiveness is caused by distrust towards a communication partner, so interaction is significantly complicated. Assertive behavior is based on the following techniques:

- 1) insisting on your rights, interests, opinions and values;
- 2) clear distribution of responsibilities between partners, which has to be formalized in written agreements, instructions, etc.;
- 3) friendly, sincere and open behavior, which can contribute to the transition to trustful communication;
- 4) manifestation of readiness for cooperation, search for common interests and prospects for further joint work (Pochebut, 2017).

We see that in this case we are talking about another set of skills necessary for intercultural communication. Thus, the question of how trust is formed in Russian and Chinese culture is the key to understanding what kind of knowledge and skills are necessary for successful communication between our countries.

Conclusion

A review of studies on Russian-Chinese intercultural interaction allows us to draw several conclusions.

A great influence on the communication process is provided by the perception of the Chinese by Russians and vice versa. To a large extent, it is formed by a wide context – a stable system of ideas about another country, due to the geopolitical situation, geography, and economic situation. This forms stereotypes and attitudes that have not changed for decades.

A review of literature shows that differences in the level of values, in communicative behavior and prevailing stereotypes also affect mutual trust of representatives of the two countries and the desire to interact.

Since the field of intercultural communication is interdisciplinary in nature, one of the areas for the development of this field is the integration of methodological and theoretical framework.

Throughout the history of intercultural communication as a separate scientific field, the practical significance of research results has been put at the forefront. The development of intercultural sensitivity is seen as the main tool in overcoming existing difficulties and developing harmonious interaction between representatives of Russia and China. A large role in the development of this direction belongs to the famous Russian ethno-psychologist T. Stefanenko, who was one of the first to study this complex and interesting problem.

Acknowledgements and Funding. The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

References

- Ardichvili, A., Jondle, D., Kowske, B., Cornachione, E., Li, J., & Thakadipuram, T. (2011). Ethical Cultures in Large Business Organizations in Brazil, Russia, India, and China. *Journal of Business Ethics*, 105(4), 415–428. <http://doi:10.1007/s10551-011-0976-9>
- Batjargal, B. (2007). Internet entrepreneurship: Social capital, human capital, and performance of Internet ventures in China. *Research Policy*, 36(5), 605–618.
- Batkina, A.A., & Lebedeva, N.M. (2019). Predictors of behavioral strategy choice among Russians in intercultural conflict. *Social Psychology and Society*, 10(1), 70–91. <http://doi.org/10.17759/sps.2019100105>
- Block, D. (2013). The structure and agency dilemma in identity and intercultural communication research. *Language and Intercultural Communication*, 13(2), 126–147. <doi.org/10.1080/14708477.2013.770863>
- Bond, M.H. (Ed.). (2010). *The Oxford Handbook of Chinese Psychology*. Oxford: Oxford Library of Psychology.
- Bychikhina, O.V. (2014). Analiz osnovnykh kommunikativnykh modelej rossijskogo i kitajskogo biznes-diskursov. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*, 5(21). (In Russ.)
- Chen, Guo-Ming. (2008). Bian (Change): A Perpetual Discourse of I Ching. *Intercultural Communication Studies*, 17(4), 7–16.
- Chu, C.N. (1992). *Thick Face, Black Heart: The Path to Thriving, Winning & Succeeding*. Warner Books.
- Croucher, S.M., Sommier, M., & Rahmani, D. (2015). Intercultural communication: Where we've been, where we're going, issues we face. *Communication Research and Practice*, 1(1), 71–87. <doi.org/10.1080/22041451.2015.1042422>
- Fang, T., & Faure, G.O. (2011). Chinese communication characteristics: A Yin Yang perspective. *International Journal of Intercultural Relations*, 35(3), 320–333. <doi.org/10.1016/j.ijintrel.2010.06.005>

- Fedorova, K. (2012). Transborder trade on the Russian-Chinese border: Problems of inter-ethnic communication. In B. Bruns & J. Miggelbrink (Eds.), *Subverting Border* (pp. 107–128). Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. https://doi.org/10.1007/978-3-531-93273-6_6
- Gao, H., Ballantyne, D., & Knight, J.G. (2010). Paradoxes and guanxi dilemmas in emerging Chinese – Western intercultural relationships. *Industrial Marketing Management*, 39(2), 264–272. <https://doi.org/10.1016/j.indmarman.2008.11.001>
- Grigoryan, L.K., & Lebedeva, N.M. (2013). Informal ties in organization: is it culture-specific or culture-universal phenomenon? *Organizational Psychology*, 3(1). (In Russ.)
- Grigoryev, D., Fiske, S.T., & Batkhina, A. (2019). Mapping Ethnic Stereotypes and Their Antecedents in Russia: The Stereotype Content Model. *Frontiers in Psychology*, 10. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01643>
- Harrison, N., & Peacock, N. (2009). Cultural distance, mindfulness and passive xenophobia: Using Integrated Threat Theory to explore home higher education students' perspectives on 'internationalisation' at home. *British Educational Research Journal*, 36, 877–902. <https://doi.org/10.1080/01411920903191047>
- Henze, J., & Zhu, J. (2012). Current Research on Chinese Students Studying Abroad. *Research in Comparative and International Education*, 7(1), 90–104. <https://doi.org/10.2304/rcie.2012.7.1.90>
- Khunyue, Sh. (2017). *Kommunikativnye Neudachi v Mezhdkul'turnoi Kommunikatsii*. PhD Thesis. Chelyabinsk: South Ural State University. (In Russ.)
- Kononov, S.V. (2016). Razvitie nauchnogo diskursa o vospriyatii obraza Kitaya v rossiisko-kitaiskom prigranich'e. *Sovremennye Tendentsii Razvitiya Nauki i Tekhnologii*, (2–1), 130–135. (In Russ.)
- Lebedeva N.M., Chirkov V.I., & Tatarko A.N. (2007). *Kul'tura i Otnoshenie k Zdorov'yu: Rossiya, Kanada, Kitai*. Moscow: RUDN University Publ. (In Russ.)
- Lebedeva, N.M. (2011). *Etnicheskaya i Kross-Kul'turnaya Psikhologiya*. Moscow: MAKS Press. (In Russ.)
- Leung, K., & Morris, M.W. (2015). Values, schemas, and norms in the culture-behavior nexus: A situated dynamics framework. *Journal of International Business Studies*, 46(9), 1028–1050. <https://doi.org/10.1057/jibs.2014.66>
- Lukin, A. (2003). Evolyutsiya obraza Kitaya v Rossii i rossiisko-kitaiskie otnosheniya. *Neprikosnovennyi Zapas*, (3), 29. (In Russ.)
- Martin, J.N. (2017). Dialectics of Culture and Communication. *The International Encyclopedia of Intercultural Communication* (pp. 1–6). Chichester: Wiley-Blackwell. doi.org/10.1002/9781118783665.ieicc0215
- Michailova, S., & Hutchings, K. (2016). National cultural influences on knowledge sharing: A comparison of China and Russia. *Journal of Management Studies*, 43(3), 383–405. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6486.2006.00595.x>
- Myasnikov, V.S. (2006). *Kvadratura Kitaiskogo Kruga*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Novikova, I.A., & Gridunova, M.V. (2011). Cross-cultural differences of stereotypes: non-verbal communication of Russian and Chinese students. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (3), 40–45. (In Russ.)
- Pochebut, L.G., & Beznosov, D.S. (2017). Assertiveness and tolerance in cross-cultural interaction. *Social Psychology and Society*, 8(3), 8. <https://doi.org/10.17759/sps.2017080302> (In Russ.)
- Røseth, T. (2016). China and Russia – A study on Cooperation, Competition and Distrust. *Nordisk Østforum*, 30(1). <https://doi.org/10.17585/nof.v30.398>
- Savvin, A.N., & Savvina, K. S. (2015). Sopostavlenie russkikh, yakutskikh, angliiskikh i kitaiskikh neverbal'nykh sredstv obscheniya kak odin iz sposobov formirovaniya lingvokul'turnoi kompetentnosti. *Aktual'nye Napravleniya Nauchnykh Issledovaniy: ot Teorii k Praktike*, (2), 167–170. (In Russ.)

- Smith, A.H. (1894). *Chinese Characteristics*. New York; Chicago: Fleming H. Revell Company.
- Spencer-Oatey H., & Dauber, D. (2017). The gains and pains of mixed national group work at university. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 38(3), 219–236. <https://doi.org/10.1080/01434632.2015.1134549>
- Spencer-Rodgers, J., & McGovern, T. (2002). Attitudes toward the culturally different: The role of intercultural communication barriers, affective responses, consensual stereotypes, and perceived threat. *International Journal of Intercultural Relations*, 26(6), 609–631. [https://doi.org/10.1016/s0147-1767\(02\)00038-x](https://doi.org/10.1016/s0147-1767(02)00038-x)
- Spitzberg, B.H. (2013). (Re)Introducing communication competence to the health professions. *Journal of Public Health Research*, 2(3), 23. <https://doi.org/10.4081/jphr.2013.e23>
- Stefanenko, T.G. (2009). Etnicheskaya identichnost': ot etnologii k sotsial'noi psikhologii. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14: Psikhologiya*, (2), 3–17. (In Russ.)
- Stefanenko, T.G. (2013). *Etnopsikhologiya*. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russ.)
- Stefanenko, T.G., Malysheva, N.G., & Tikhomandritskaya, O.A. (2012). Obraz Rossii v mnogopolyarnom mire: kross-kul'turnyi analiz. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14: Psikhologiya*, (1), 61–73. (In Russ.)
- Stephan, W.G. (2014). Intergroup Anxiety: Theory, Research, and Practice. *Personality & Social Psychology Review*, 18(3), 239–255. <https://doi.org/10.1177/1088868314530518>
- Ting-Toomey, S. (2005). The matrix of face: An updated face-negotiation theory. In W.B. Gudykunst (Ed.), *Theorizing about Intercultural Communication* (pp. 71–92). Thousand Oaks, CA: Sage.
- Wang, Q., Clegg, J., Gajewska-De Mattos, H., & Buckley, P. (2018). The role of emotions in intercultural business communication: Language standardization in the context of international knowledge transfer. *Journal of World Business*, 100973. <https://doi:10.1016/j.jwb.2018.11.003>
- Wang, Y.W., Chen, L.C., & Hwang, K.K. (2006). The strategies of trust in Chinese society. *Indigenous Psychological Research in Chinese Societies*, 25, 199–242.
- Winkler, J.K., Dibbern, J., & Heinzl, A. (2008). The impact of cultural differences in offshore outsourcing—Case study results from German – Indian application development projects. *Information Systems Frontiers*, 10(2), 243–258. <https://doi.org/10.1007/s10796-008-9068-5>
- Yakupov, P., & Chizhikova, N. (2017). Practical recommendations for overcoming ethnocultural barriers in communication between representatives of Russian and Chinese ethnos. *Vestnik Universiteta*, (7–8), 199–204. (In Russ.)
- Yuan, W. (2011). Academic and cultural experiences of Chinese students at an American university: A qualitative study. *Intercultural Communication Studies*, 20(1), 141–157.
- Zhāng, I., & Ruzhentseva, N. (2016). Communicative behavior of the Chinese: as understood by the native Russian speakers. *Pedagogical Education in Russia*, 11, 89–95 (In Russ.)

Article history:

Received: 26 December 2019

Revised: 10 January 2020

Accepted: 25 January 2020

For citation:

Vasilyeva, E.D., & Lebedeva, N.M. (2020). Sino-Russian Intercultural Communication Research: Literature Review. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(1), 51–63. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-51-63>

Bio notes:

Ekaterina D. Vasilyeva, MA in Linguistics, is a Ph.D. student of the Centre for Sociocultural Research, National Research University Higher School of Economics (HSE University) (Russia, Moscow). ORCID iD: 0000-0002-7814-953X, ResearcherID: X-8185-2018. E-mail: edvasilyeva@hse.ru

Nadezhda M. Lebedeva, Doctor of Sciences in Social Psychology, is Tenured Professor, Director of the Centre for Sociocultural Research, National Research University Higher School of Economics (HSE University) (Russia, Moscow). ORCID iD: 0000-0002-2046-4529, ResearcherID: H-4866-2015, Scopus AuthorID: 8719892500. E-mail: nlebedeva@hse.ru

Обзорная статья

Опыт изучения российско-китайской межкультурной коммуникации: обзор исследований

Е.Д. Васильева, Н.М. Лебедева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Российская Федерация, 101000, Москва, Армянский пер., д. 4, стр. 2

Аннотация. В статье представлен обзор исследований, посвященных проблеме российско-китайского межкультурного взаимодействия. За счет ярко выраженного междисциплинарного характера данной проблемы, посвященные ей исследования разрознены как в методологическом плане, так и в отношении теоретических оснований. В связи с этим мы условно делим рассматриваемые работы на четыре основных направления: изучение восприятия образа России и Китая среди русских и китайцев, классификация барьеров коммуникации между русскими и китайцами, кросс-культурный анализ компонентов коммуникации, индигенные концепции китайской психологии, связанные с процессом межкультурного взаимодействия. Приводится краткий обзор результатов современных исследований российских и китайских авторов, посвященных эффективной коммуникации и выстраиванию доверительных отношений. Приводятся результаты исследований, выявляющих важные различия на уровне вербальной и невербальной коммуникации. Особое внимание уделено кросс-культурным исследованиям, направленным на выявление культурно-специфичных и универсальных атрибутов ситуации межкультурного взаимодействия. Описываются наиболее распространенные в китайских исследованиях подходы к пониманию концепции доверия и ее операционализации. Отмечается важность дальнейшего изучения механизмов выстраивания доверительных взаимоотношений между представителями двух стран. В заключении обозначаются нерешенные проблемы и актуальные направления в области изучения межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, межгрупповое восприятие, индигенные концепции, кросс-культурные исследования, Россия, Китай

Благодарности и финансирование. Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

История статьи:

Поступила в редакцию: 26 декабря 2019 г.

Принята к печати: 25 января 2020 г.

Для цитирования:

Vasilyeva E.D., Lebedeva N.M. Sino-Russian Intercultural Communication Research: Literature Review // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 1. С. 51–63. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-51-63>

Сведения об авторах:

Васильева Екатерина Дмитриевна, аспирант, стажер-исследователь Центра социокультурных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). ORCID iD: 0000-0002-7814-953X, ResearcherID: X-8185-2018. E-mail: edvasilyeva@hse.ru

Лебедева Надежда Михайловна, доктор психологических наук, профессор, директор Центра социокультурных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). ORCID iD: 0000-0002-2046-4529, ResearcherID: H-4866-2015, Scopus AuthorID: 8719892500. E-mail: nlebedeva@hse.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-1-64-78
UDC 159.99

Review article

Cross-Cultural Neuropsychology: History and Prospects

Alfredo Ardila

I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University)
8 Trubetskaya St., bldg. 2, Moscow, 119991, Russian Federation
Albizu University
2173 NW 99th Avenue Miami, Florida 33172, United States of America

Abstract. It is proposed that cross-cultural neuropsychology analyzes the influence of cultural variables on cognition from a neurological perspective. It includes three major questions: (1) How are current neuropsychological tests affected by the cultural conditions? (2) Are there differences in the brain organization of cognition depending upon the culture? (3) How is brain pathology manifested in different cultural contexts? A history of cross-cultural neuropsychology is presented emphasizing that the interest in cultural issues is observed since the very beginning of neuropsychology. An analysis of culture is introduced, explaining how culture has been interpreted in different ways, but can be understood as the specific way of living of a human group. Further, it is discussed why culture is important in neuropsychology, followed by an analysis of some cultural variables. Special emphasis is schooling, considering that education represents a major variable affecting the performance in diverse cognitive tests. Several illustrative examples of research in cross-cultural neuropsychology are finally presented.

Key words: neuropsychology, culture, cognition, cross-cultural psychology, cognitive testing, cross-cultural neuropsychology

What is cross-cultural neuropsychology?

Cross-cultural neuropsychology analyzes the influence of cultural variables on cognition from a neurological perspective. It also analyzes the cross-cultural differences in cognitive disturbances associated with brain pathology. Indeed, it is a cross-cultural psychology with a neurological perspective, or a neuropsychology with a cultural emphasis.

Some major questions in cross-cultural neuropsychology include:

(1) How are current neuropsychological tests affected by the cultural conditions? For instance, are the current western neuropsychological instruments applicable to diverse cultural groups, such as Amerindians, or African sub-Saharan inhabitants? This is a practical issue in neuropsychology that requires urgent attention. Without a clear understanding of the effect of culture on neuropsychological

test performance, accuracy and validity of current neuropsychological instruments in a global perspective becomes seriously questionable.

(2) Are there differences in the brain organization of cognition depending upon the culture? For instance, how is the brain organization of written language across different orthographic systems? This is fundamental question from the cognitive neuroscience perspective.

(3) How brain pathology is manifested in different cultural contexts? For instance, are the visual and spatial agnosias equivalent in Eskimos, Amazonian jungle Indians, and European people? The impact to the cultural context on major neuropsychological syndromes is a question partially approached in language-related syndromes (aphasia, alexia, and agraphia) and also dementia, but almost completely overlooked in other syndromes.

The answers to these questions are nowadays quite limited, but these answers are critical to understanding human cognition.

The origins of cross-cultural neuropsychology

The interest in analyzing cross-cultural variables has existed in psychology since the very beginning of scientific psychology. Wundt – regarded as the founder of scientific psychology – wrote an extensive book in several volumes about cross-cultural psychology (*Völkerpsychologie* – Cultural Psychology, Wundt, 1900). This interest continued during the following years in a relatively modest way, and only during the 1970s and particularly the 1980s a significant amount of publications dealing with cross-cultural issues are found in behavioral science areas.

Neuropsychology, as a branch of psychology devoted to the analysis of the normal and abnormal relationships between brain and behavior, appeared later in the history of behavioral sciences. Frequently, Luria is considered as the founder of neuropsychology (Luria, 1946–1970; 1966). Luria, as Wundt, was particularly interested in understanding the impact of culture on cognition. His research about intellectual abilities in Uzbek people during early 1930, particularly his analysis of the impact of education on cognition, represents a major contribution to cross-cultural psychology and neuropsychology (Luria, 1932–1976). This interest on the impact of literacy on cognition has continued by different authors (e.g., Ardila et al., 2010; Scribner, Cole & Cole, 1981).

However, in Western neuropsychology relatively little interest existed toward the analysis of cultural variables in neuropsychology. Matthew's (1992) presidential address during the 1992 meeting of the International Neuropsychological Meeting attracted significant attention and represents a milestone in the analysis of cultural variables in neuropsychology. He stated:

“...a very limited kind of neuropsychology, appropriate to only a fraction of the world's population, is presented to the rest of the world as if there could be no other kind of neuropsychology, and as if the education and cultural assumptions on which... neuropsychology is based were obviously universals that applied everywhere in the world.” (Matthews, 1992. P. 421).

Nonetheless, at this historical moment the name “cross-cultural neuropsychology” had not been used yet. This concept is probably first used in the paper “Directions of Research in Cross-Cultural Neuropsychology” (Ardila, 1993). Dur-

ing the following years three major books in cross-cultural neuropsychology were published: Nell, V. *Cross-Cultural Neuropsychological Assessment*. 2000; Fletcher-Janzen, E., Strickland, T.L., & Reynolds, C.R. *Handbook of Cross-Cultural Neuropsychology*. 2000; and Uzzell, B., Pontón, M.O., & Ardila, A. *International Handbook of Cross-Cultural Neuropsychology*. 2007, 2013. A diversity of papers dealing with cultural issues in neuropsychology were also published during this historical moment (e.g., Jacobs et al., 1997; Kennepohl, 1999).

Furthermore, a significant amount of research in cross-cultural neuropsychology is found from the 21st century (e.g., Arias et al., 2019; Brickman, Cabo, & Manly, 2006; Byrd et al., 2008; Chiao et al., 2017; Duggan, 2019; Duggan et al., 2019; Fernández, & Abe, 2018; Garratt & Kelly, 2007; Golden & Thomas, 2000; Jacobs et al., 1997; Manly, 2008; Melikyan, Puente, & Agranovich, 2020; Nielsen et al., 2018; Nikolaou & Constantinidou, 2019; Pedraza, & Mungas, 2008; Puente et al., 2000; Rosselli, & Ardila, 2003). Several neuropsychology journals express their interest in publishing papers dealing with cultural issues in neuropsychology, including the *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, *Archives of Clinical Neuropsychology*, and *Applied Neuropsychology*.

What is culture?

Before analyzing the impact of culture on cognition, a definition of culture is required. Harris (1988) in his popular textbook of cultural anthropology defines culture as the set of learned traditions and living styles, shared by the members of a society, including the ways of thinking, feeling, and behaving. Berry et al. (2002) presents a minimal definition of culture as “the shared way of life of a group of people” (page 2). This definition is quite similar to the definition proposed by Ardila (2018): Culture is specific the way of living of a human group.

Culture includes three dimensions:

- (1) ***the internal, subjective or psychological representation of culture:*** thinking, feeling, knowledge, values, attitudes, and beliefs;
- (2) ***the behavioral dimension:*** the ways to relate to others, ways of behaving in different contexts and circumstances, festivities and meeting, patterns of associations, etc;
- (3) ***the cultural elements:*** the physical elements characteristic of that human group such as symbolic elements, clothes, ornaments, houses, instruments, weapons, etc.

Culture represents a particular way to adapt to and survive in a specific context. However, cultural changes are continuously observed. Cultural evolution and cultural changes are found throughout human history, depending upon, (a) new environmental conditions, (b) contact with other cultures, and (c) internal cultural evolution.

How many cultures?

Dozens of different cultures have been described in anthropology (Bernatzik, 1957; Handwerker, 2016) and contemporary man speaks about 7,000 different languages (Ethnologue).

Culture frequently has been equated with its pertaining country. For instance, the publication “Understanding Cultural Differences: Germans, French and Amer-

icans” (Moiain, 1991) is implicitly assuming that country is equivalent to culture. Indeed, culture only partially can be considered equivalent to country. For example, in Belgium there are two relatively different cultural groups. From the cultural point of view Cuba, Puerto, Rico, and Dominican Republic are quite similar, regardless of their political differences.

Sometimes culture has been equated with language. For instance, the paper “Cultural diversification of communicative gestures through early childhood: A comparison of children in English-, German-, and Chinese-speaking families” (Kwon et al., 2018) truly understands language as culture.

Finally, culture has been considered equivalent to ethnic group. Ethnic group is a category where people identify themselves as belonging to a group based on similarities such as a common ancestor, language, history, society, culture or nation. However, ethnic groups – similar to languages – are quite variables in size. The Chinese Han group represents the largest ethnic group with several hundred million members. It is an ethnic group and also a nation. It constitutes the largest ethnic group with about 18% of the world's population, 1,300 million people (about 92% of the Chinese population). However, smaller ethnic groups can have as little as a dozen members. Pirahã is an indigenous group from Brazil, who lives on the banks of the Maici River, has about 800 members. As a cultural group it is unique in different regards: Pirahã have a very simple kinship system. One strong Pirahã values is no coercion. They appear to be no social hierarchy and the Pirahã people have no formal leaders. Their language is also unique: it is one of the phonologically simplest languages ever described. There is no grammatical distinction between singular and plural, even in pronouns. Pirahã also lacks any unique color terminology, and have specific words only for *light* and *dark*.

However, cultures can be grouped into branches using different criteria, but mainly, their origins (e.g., European cultures, Latin cultures, Anglo-Saxon cultures, Islamic cultures, Amerindian cultures, etc.). Two examples: (1) Huntington (2005) when referring to cultural conflicts distinguished nine major culture groups: Western, Latin American, Orthodox, Buddhist, African, Islamic, Sinic, Hindu, and Japanese. (2) The GLOBE (Global Leadership and Organizational Behavior) study (House et al., 2004) proposed that there are 10 major cultural clusters: Anglo, Latin Europe, Nordic Europe, Germanic Europe, Eastern Europe, Latin America, Sub-Saharan Africa, Middle East, Southern Asia, and Confucian Asia.

Acculturation

The concept of *acculturation* can be understood in different ways (Berry, 2003):

1. The modification of the culture of a group or individual because of contact with a different culture.
2. The process by which the culture of a particular society is instilled in a human from infancy onward.
3. Culture changes resulting from contact among various societies over time. Contact may have distinct results, such as the borrowing of certain traits by one culture from another, or the relative fusion of separate cultures.

If taken the first meaning (“modification of the culture of a group or individual as a result of contact with a different culture”) there are four possibilities, considering both the maintenance and abandon of the own culture and identity.

1. **Assimilation**: abandonment of the own cultural identity for adopting the dominant culture.
2. **Marginalization**: abandonment of the own cultural identity without adopting and/or rejecting the dominant culture.
3. **Separation**: maintenance of the own cultural identity without adopting the dominant culture
4. **Integration**: maintenance of the own cultural identity and adoption of the dominant culture.

Why culture is important?

Patricia Greenfield in her influential paper “You can’t take it with you: Why ability assessments don’t cross cultures” (1997) proposed that there are three major reasons accounting for the difficulty to transfer cognitive tests from one culture to another.

1. **Values and meanings**. There is not always agreement on the value of a given response and the same items may have different meaning in different cultures. For example, in some cultures people may consider that in the Raven’s Progressive Matrices test it is a better response that one following an aesthetic principle (i.e., *the figure that looks better in that position*) than the one according to a conceptual principle (i.e., *the figure that continues the sequence*).

2. **Modes of knowing**. The knower is not always an individual and the distinction between the process of knowing and the object of knowledge is not universal. For example, many cultures do not make a distinction between the process of knowing and the object of knowing. In consequence, questions such as “*why do you think?*” or “*why do you consider?*” may be incomprehensible. The point is not what *I* think or *I* consider; the point is how *it is*.

3. **Conventions of communication**. Functions of questions are not the same in every culture and the relevance of information is not the same in every culture. For example, in many societies (e.g., some rural societies) adults rarely talk with children (“*What about could you talk with a child?*”), and it is supposed that children do not participate in adults’ conversations.

Cultural variables

Patterns of abilities

Cognitive abilities usually measured in neuropsychological tests represent, at least in their contents, learned abilities whose scores correlate with the subject’s learning opportunities and contextual experiences. Culture provides us with specific models for ways of thinking, acting, and feeling. While basic cognitive processes are universal, cultural differences in cognition reside more in the situations to which particular cognitive processes are applied (Cole et al., 1971). Different cultural environments lead to the development of different patterns of abilities.

Cultural values

Cultural values such as attitudes toward testing can affect test performance. Consequently, it is not surprising that the members of the cultural group the test developer belongs to usually obtain the best results.

Moreover, testing requires a highly structured and rigid situation. Testing is carried out individually. A whole array of cultural values underlay the testing situation. These are the typical values observed in psychometric-oriented societies, but they are far from modal values in many cultural groups (Greenfield, 1997). For instance, when attempting to test an individuals who pertains to a society with community-based values (e.g., many Amerindian groups), the community often feels the responsibility to contribute, help and participate in the individual's test. Activities are socially carried out with the participation of several people and there is not any apparent reason for the privacy in testing.

Certain specific cultural values underline contemporary psychometric testing. Ardila (2005) have suggested that at least the following values are assumed in psychometric testing:

1. **One-to-one relationship.** There is an examiner and there is an examinee. Hence, it is a one-to-one relationship between two people that very likely never met before, are aliens, and will not meet ever again in the future. In many cultures, activities are carried out in a societal way. This style of behavior can be perceived as contradicting the usual cultural way of living (i.e., different people collaborate in diverse activities).

2. **Background authority.** It implies a subordinate relationship (dominance dimension). Background or situational authority refers to the authority associated with a particular role. In a standard testing situation, the examinee has to follow (obey) the instructions given by the examiner, and hence, the examiner is supposed to have a background or situational authority. It may be not so easy, however, to understand by whom and why this authority was conferred. Why should the examinee obey the examiner?

3. **Best performance.** To do "one's best" may be most significant in a culture highly valuing competition, but not in a less competitive society. Psychometrically oriented cognitive testing has flourished in highly competitive societies, often to the disadvantage of those who do not value or understand the process and outcome applications as is the case with current "high stakes testing" in American educational settings. The examinee will perform at their optimal level. Performance "at best" is only done in those endeavors that are perceived and regarded as extremely important and significant. It is assumed that the examinee has to perceive the testing as a most important and significant endeavor. It may not be clear why it is so important and relevant, as an example, to repeat a series of nonsense digits or to draw an absurd figure.

4. **Isolated environment.** Testing is often done in an isolated room. Doors are often closed and even locked. Usually, no one else is allowed to be present, and in this regard it is a private and intimate situation. Private appointments with aliens may be quite inappropriate in many cultures.

5. **Special type of communication.** It refers to the Intimacy-Formality dimension in interpersonal behavior. Examiner and examinee do not maintain a normal everyday life conversation or social rapport. Examiner uses stereotyped utterances in a rather formal language. Examinees are not allowed to talk about themselves in an informal way. This is a type of formal communication relationship that can be different from any previous type of relationship in the participant's past experience.

6. **Speed.** Time is understood differently across different cultures. Time has frequently been interpreted as a social and cultural construct rather than a natural phenomenon. The main elements of time occur in all human societies, yet with different emphases: sequence and duration, cyclical and linear patterns, and systems of time reckoning. Speed supposes a particular type of time orientation. For many cultural groups speed tests are frankly inappropriate. Speed and quality may be contradictory, and good products are the results of a slow and careful process. Significant differences in attitudes to timed procedures are found across different cultures.

7. **Internal or subjective issues.** It also refers to the intimacy – formality dimension of interpersonal behavior. What does “privacy” mean, and hence, what does it mean to disrespect one’s privacy, is a question that has to be considered within the culture framework.

8. **Use of specific testing elements and testing strategies.** Physical elements (figure, blocks, pictures, etc.) are culture-dependent elements. In a standard neuropsychological evaluation, the examiner uses figures, blocks, pictures, etc., as part of the test materials. These physical elements may be unfamiliar to the client, or at least, not equally familiar for clients with different cultural backgrounds.

Familiarity

Familiarity however, does not only refer to the materials used in testing (figures, blocks, etc.) and their contents (houses, bikes, etc.). Familiarity also refers to the **strategies** used to solve the problems, and the **attitudes** required for succeeding. Competitiveness, for example, in many societies is viewed with suspicious. Cooperation and social ability may be by far more important. Items developed in a cultural context have not the same relevance when translated to another culture (fireplaces, snow, or abacuses, etc., have different levels of familiarity in different countries.) In many world cities, people get oriented using cardinal points (North, South, West, and East) but this is not found in every culture. Some examples: people in Barcelona (Spain) refer to spatial directions: *toward the sea* and *toward the mountain*. People in Colombian cities frequently refer to *up* and *down* implicitly referring to the increase or decrease of street numbers. While, in Guadalajara (Mexico) *down* means towards downtown, and *up* is from downtown.

Language

Language plays an instrumental role in cognition (Vygotsky, 1934–1962). As a matter of fact, it represents the major cognitive instrument. Different languages differ in phonology, lexicon (semantic field of the words), grammar, pragmatic, and reading system. These differences may affect cognitive test performance.

When comparing word meanings, only some few words are found universally across languages. There is a minimal vocabulary found in every language also known as the “Swadesh list” (Swadesh, 1968). Every human, regardless of the environmental conditions, time and cultural factors is exposed to some constant phenomena and conditions (e.g., day, night, sun, moon, person, man, woman, death, etc.)

Language conceptualizes the world in different ways. Example, time is expressed and conceptualized in quite different ways. In Latin languages, time in

actions is expressed in a notoriously more complex way than in Germanic languages. There are much more verb tenses (e.g., two simple past tenses in Spanish; only one in English). In other languages (e.g., Slavic language), verbs have a perfective and an imperfective form.

However, there exist some basic similarities. For example, the basic vocabulary in every language includes some 2–3 thousand words. People use in everyday life some 5 to 8 thousand words and the total number for every language is very similar: about 80 thousand words. While languages can differ in the way they express different events and ideas, a convergence can be found in the deep meaning of the sentences. The distinction between things and actions (nouns and verbs) is found in all languages. Time and place adverbs, as well as verb tenses are highly variable. They are correlated with a whole array of environmental conditions, linguistic idiosyncrasies, and cultural interpretations.

Differences in language use

Language usage differs according to the cultural (and subcultural) background and strongly correlates with the subject's educational level. Sometimes, test instructions are given in a formal language, which may be very difficult to understand for individuals with limited education. Formal language represents a sort of academic language, most often found in a written form, that many people neither use nor completely understand.

Schooling

Education plays a double role in test performance:

- (1) school provides some contents frequently included in cognitive tests;
- (2) school trains some learning strategies and develop positive attitudes toward intellectual matters and intellectual testing.

Williams and Ceci (1997) present seven types of historical evidence to support the effect of schooling on “intelligence”:

- 1) the effect of intermittent school attendance;
- 2) the effect of delayed school start-up;
- 3) the effect of remaining in school longer;
- 4) the effect of discontinued schooling;
- 5) the summer school vacations;
- 6) the effect of early-year birth dates;
- 7) cross-sequential trends.

The general conclusion is that school attendance accounts not only for a substantial portion of variance in children's IQ but also apparently some, though not all, of the cognitive processes that underpin successful performance in IQ tests. The magnitude of this influence ranges between 0.25 to 6 IQ points per year of school.

More recently, Ritchie and Tucker-Drob (2018) meta-analyzed three categories of quasi-experimental studies dealing with the educational effects on intelligence: those estimating education-intelligence associations after controlling for earlier intelligence, those using compulsory schooling policy changes as instrumental variables, and those using regression-discontinuity designs on school-entry

age cutoffs. Across 142 effect sizes from 42 data sets involving over 600,000 participants, the authors found consistent evidence for beneficial effects of education on cognitive abilities of approximately 1 to 5 IQ points for an additional year of education. Moderator analyses indicated that the effects persisted across the life span and were present on all broad categories of cognitive ability studied. The authors finally concluded that education appears to be the most consistent, robust, and durable method yet to be identified for raising intelligence.

Greenfield in her influential paper “You can’t take it with you: Why ability assessments don’t cross cultures” clearly points out: “A major (probably *the* major) factor that makes a culture more or less different from the culture conventions surrounding ability testing is the degree of formal education possessed by the participants” (Greenfield, 1997. P. 1119).

Examples of research in cross-cultural neuropsychology

It was mentioned that cross-cultural neuropsychology deals with three major questions. The following study can be an example of the first question: how current neuropsychological tests are affected by the cultural conditions: Ardila and Moreno (2001) selected a sample of 20 right-handed Aruaco Indians (12 male, 8 female; age 8–30 years) from the Sierra Nevada de Santa Marta (Colombia). A brief neuropsychological test battery (visuoconstructive and visuo-perceptual abilities, memory, ideomotor praxis, verbal fluency, spatial abilities, concept formation) was individually administered. In addition, a handedness questionnaire was included. In some neuropsychological tests performance was virtually perfect (Recognition of Overlapped Figures and Ideomotor Praxis Ability test), whereas performance in other tests was impossible (e.g., Block Design using a time limit). It was proposed that two types of variables were significantly affecting performance: (1) educational level; and (2) cultural relevance. Some tests appeared significant and meaningful whereas others were meaningless and even impossible to understand. The appropriateness of current neuropsychological instruments for cross-cultural assessment is discussed.

An example of the second question: how the brain organization of cognition depends upon the culture. Zhang, Zhong-qin, & Ben-yan (2016) point out that reading as an acquired higher nervous function is closely related with culture, so the comparison between Chinese and Western pure alexia could lead to further understanding of visual word form processing mechanism. As the different clinical manifestations of pure alexia in Chinese and Western cultures, the signal distinction of words is the primary cause whereas the plasticity of so-called visual form word area is the neurobiological basis. Chinese and Western reading both present left-hemispheric lateralization, but based on the special feature of Chinese pure alexia, it is inferred that the right hemispheric may play a more outstanding role in Chinese word processing. In fMRI research on Chinese and Western reading, it is indicated that there is hierarchical organization in visual form word area, which is corresponding to hierarchical coding in sublexical processing, but it cannot elucidate some phenomena in Chinese pure alexia such as absence of word-length effect. Chinese word recognition might largely rely on ventral visual pathway, i.e. the whole word processing.

An example of the third question: how brain pathology is manifested in different cultural contexts. Lecours et al. (1988) studied 188 unilateral stroke subjects when administered an aphasia screening test comprising a short interview as well as naming, repetition, word-picture matching and sentence-picture matching tasks. They were either totally unschooled illiterates or they had received school education and thereafter retained writing skills and reading habits. In all tasks, global error scores were greater among left and right brain-damaged illiterate and literate subjects than among their controls. In repetition and matching, these differences were statistically significant for the left but not for the right-stroke groups, irrespective of the literacy factor. In naming, on the other hand, significant differences were found not only for the two left-stroke groups but also for the right-stroke illiterate group although not for the right-stroke literate one. Likewise, some degree of word-finding difficulty and of reduction in speech output as well as a sizeable production of phonemic paraphasias were observed in the interviews of several right-stroke illiterates, clearly less in those of right-stroke literates. These findings lead to suggest that cerebral representation of language is more ambilateral in illiterates than it is in school educated subjects although left cerebral “dominance” remains the rule in both.

Finally, the following examples are illustrative of recent research in the area.

Nielsen et al. (2018) studied the test performance on a Cross-Cultural Neuropsychological Test Battery (CNTB) for assessment of middle-aged and elderly ethnic minority and majority populations in Western Europe. A total of 330 participants were included: 14 Moroccan, 45 Pakistani/Indian Punjabi, 41 Polish, 66 Turkish, 19 former Yugoslavian minority participants, and 145 western European majority participants. Significant differences between ethnic groups were found on most measures. Differences in education explained 15% of the variance. Preliminary multicultural CNTB normative data dichotomized by education and age were constructed using overlapping cells. Applying this normative data across the whole sample resulted in an acceptable number of participants scoring in the impaired range across all ethnic groups. Factor analyses found the CNTB to have a stable and clinically meaningful factor structure.

Ардила (2007) developed a Cross-Linguistic Naming Test fulfilling three criteria: (1) it includes only “universal” words found across different languages (“Swadesh word list”); (2) it includes different semantic categories (e.g., living and nonliving elements); and (3) it avoids as possible the confounding of perceptual difficulties. Six different semantic categories were used: (a) body-parts (10 words); (b) natural phenomena (non-touchable) (5 words); (c) external objects (potentially known through the sight and the touch) (5 words); (d) animals (5 words); (e) colors (5 words); and (f) actions (10 words). A total of 40 color pictures were selected to represent these basic words. This test has two major advantages: on one hand, it is readily available in hundreds of different languages; and, on the other hand, it is not a “fixed” test, but it includes photographs that can be replaced. Several studies has been developed using this Cross-Linguistic Naming Test (e.g., Gálvez-Lara et al., 2015).

Melikyan, Puente, and Agranovich (2020) developed a cross-sectional comparison of neuropsychological test performance in Russian and American rural

adults. They compared 51 American (67% female) and 52 Russian (60% female) healthy rural adults age 18–89 in the following neuropsychological tests; Rey Complex Figure Test (RCFT), Rey Auditory Verbal Learning Test (RAVLT), Trail Making Test A and B (TMT A&B), Stroop Neuropsychological Screening Test, Benton Judgment of Line Orientation Test (JLO), Brief Visuospatial Memory Test-Revised (BVM-T-R), Color Trails Test 1 and 2 (CTT 1&2), WMS-IV Logical Memory Test (LMT), WAIS-IV Digit Span Forward (DSF) and Backward Test (DSB), and Symbol Digit Modalities Test (SDMT). Age and sex distribution did not differ in the two groups, but the Russian group was more highly educated. The American group outperformed the Russian group on TMT B, CTT 2, recognition trials of RCFT, BVM-T-R, LMT, and on DSF. The authors concluded that cultural differences in attitudes to timed activities, experience with timed tests and multiple-choice format, attention to details, and length of digit-words that put differential demand on short-term memory in Russian and in English may mediate observed between-group differences.

Conclusion

Cross-cultural neuropsychology represents a branch of neuropsychology emphasizing the potential effects of cultural variables on the brain organization of cognition. It is a neuropsychology with a cross-cultural psychology approach. Although a relatively significant amount of research is currently available in the area, many questions remain unsolved, including but not limited to, (1) pinpointing the specific variables affecting neuropsychological test performance. We know, for instance, that performance in neuropsychological tests is partially different in Russian and American people; the question is: which are the variables accounting for these differences? (2) Understanding the variations in the brain organization of diverse type of cognition across different cultural groups. Patterns of abilities can be significantly different in different human groups; how these differences are correlated with variations in the brain organization of cognition? (3) Analyzing the similarities and also the potential differences in the clinical manifestation of brain pathology syndromes across-cultures. Currently, it is recognized that there are cultural variations in the clinical manifestation of psychiatric syndromes (American Psychiatric Association, 2013). It seems reasonable to assume that the clinical manifestations of aphasia, agnosia, apraxia, dementia, etc., may also present cultural variations.

Noteworthy, cross-cultural neuropsychology has important practical implications. To understand the cultural variations in cognition is crucial not only from the neuroscience perspective but also from the social point of view. Contact among cultures has been progressively increasing and a significant percentage of the people currently live in foreign countries. The internationalization of neuropsychology clearly depends upon the understanding of cultural variations in cognition.

It can be anticipated that toward the future the interest in cross-cultural issues will continue growing in neuropsychology.

References

- American Psychiatric Association. (2013). *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders (DSM-5)*. American Psychiatric Publications.
- Ardila, A. (1995). Directions of research in cross-cultural neuropsychology. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, 17(1), 143–150.
- Ardila, A. (2005). Cultural values underlying cognitive psychometric test performance. *Neuropsychology Review*, 15, 185–195
- Ardila, A. (2007). Toward the development of a cross-linguistic naming test. *Archives of Clinical Neuropsychology*, 22(3), 297–307.
- Ardila, A. (2018). *Historical Development of Human Cognition*. Springer. <https://doi.org/10.1007/978-981-10-6887-4>
- Ardila, A. (2019). A cross-linguistic comparison of category verbal fluency test (ANIMALS): a systematic review. *Archives of Clinical Neuropsychology*, acz060. <https://doi.org/10.1093/arclin/acz060>
- Ardila, A., & Moreno, S. (2001). Neuropsychological test performance in Aruaco Indians: An exploratory study. *Journal of the International Neuropsychological Society*, 7(4), 510–515.
- Ardila, A., Bertolucci, P.H., Braga, L.W., Castro-Caldas, A., Judd, T., Kosmidis, M.H., & Rosselli, M. (2010). Illiteracy: the neuropsychology of cognition without reading. *Archives of Clinical Neuropsychology*, 25(8), 689–712. <https://doi.org/10.1093/arclin/acq079>
- Arias, J., Mendoza, R., Levine, A., Mojena, S., & Wilsey, A. (2019). Current Practices in Cross-Cultural Neuropsychology: A Survey of Providers' Use of Appropriate Normative Data and Views on a Web-based Approach to the Collection and Dissemination of Normative Data for Spanish-speaking Populations. *Archives of Clinical Neuropsychology*, 34(7), 1236–1236. <https://doi.org/10.1093/arclin/acz029.03>
- Berry, J.E., Poortinga, Y.H., Breugelmans, S.N., & Chasiotis, A. (2002). *Cross-cultural Psychology: Research and Applications*. New York: Cambridge University Press.
- Berry, J.W. (2003). *Conceptual Approaches to Acculturation*. American Psychological Association.
- Brickman, A.M., Cabo, R., & Manly, J.J. (2006). Ethical issues in cross-cultural neuropsychology. *Applied Neuropsychology*, 13(2), 91–100.
- Byrd, D., Arentoft, A., Scheiner, D., Westerveld, M., & Baron, I. S. (2008). State of multicultural neuropsychological assessment in children: Current research issues. *Neuropsychology Review*, 18(3), 214–222.
- Chiao, J.Y., Li, S.C., Turner, R., Lee-Tauber, S.Y., & Pringle, B.A. (2017). Cultural neuroscience and global mental health: addressing grand challenges. *Culture and Brain*, 5(1), 4–13. <https://doi.org/10.1007/s40167-016-0045-4>
- Cole, M., Gay, J., Glick, J.A., & Sharp, D.W. (Eds.). (1971). *The Cultural Context of Learning and Thinking*. New York: Basic Books.
- Duggan, E. (2019). Disseminating Cultural Neuropsychology Research: Five Key Recommendations for Skill Development. *Archives of Clinical Neuropsychology*, 34(7), 1297–1297. <https://doi.org/10.1093/arclin/acz029.64>
- Duggan, E.C., Awakon, L.M., Loaiza, C.C., & Garcia-Barrera, M.A. (2019). Contributing towards a cultural neuropsychology assessment decision-making framework: Comparison of WAIS-IV norms from Colombia, Chile, Mexico, Spain, United States, and Canada. *Archives of Clinical Neuropsychology*, 34(5), 657–681. <https://doi.org/10.1093/arclin/acy074>
- Fernández, A.L., & Abe, J. (2018). Bias in cross-cultural neuropsychological testing: problems and possible solutions. *Culture and Brain*, 6(1), 1–35. <https://doi.org/10.1007/s40167-017-0050-2>
- Fletcher-Janzen, E., Strickland, T.L., & Reynolds, C.R. (2000). *Handbook of Cross-Cultural Neuropsychology*. Springer Science.
- Gálvez-Lara, M., Moriana, J.A., Vilar-López, R., Fasfous, A.F., Hidalgo-Ruzzante, N., & Pérez-García, M. (2015). Validation of the Cross-Linguistic Naming Test: A naming test for different cultures? A preliminary study in the Spanish population. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, 37(1), 102–112. <https://doi.org/10.1080/13803395.2014.1003533>
- Garratt, L.C., & Kelly, T.P. (2007). To what extent does bilingualism affect children's performance on the NEPSY? *Child Neuropsychology*, 14(1), 71–81.

- Golden, C.J., & Thomas R.B. (2000). Cross-Cultural Applications of the Luria-Nebraska Neuropsychological Test Battery and Lurian Principles of Syndrome Analysis. In: E. Fletcher-Janzen, T.L. Strickland, & C.R. Reynolds (Eds.), *Handbook of Cross-Cultural Neuropsychology*. Boston, MA: Springer,
- Greenfield, P.M. (1997). You can't take it with you: Why ability assessments don't cross cultures. *American Psychologist*, 52(10), 1115.
- Handwerker, W.P. (2016). *The Origin of Cultures: How Individual Choices Make Cultures Change*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315417738>
- Harris, M. (1988). *Culture, People, Nature: An Introduction to General Anthropology*. 5th ed. New York: Harper & Row
- House, R.J. (2004). An overview of the GLOBE research program. *Transformative Organizations: A Global Perspective*, 483.
- Huntington, S. (2005). *Who Are We?: The Challenges to America's National Identity*. New York: Free Press.
- Jacobs, D.M., Sano, M., Albert, S., Schofield, P., Dooneief, G., & Stern, Y. (1997). Cross-cultural neuropsychological assessment: A comparison of randomly selected, demographically matched cohorts of English-and Spanish-speaking older adults. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, 19(3), 331–339.
- Kennepohl, S. (1999). Toward a cultural neuropsychology: An alternative view and a preliminary model. *Brain and Cognition*, 41(3), 365–380.
- Kwon, A.Y., Vallotton, C.D., Kiegelmann, M., & Wilhelm, K.H. (2018). Cultural diversification of communicative gestures through early childhood: A comparison of children in English-, German, and Chinese-speaking families. *Infant Behavior and Development*, 50, 328–339. <https://doi.org/10.1016/j.infbeh.2017.10.003>
- Lecours, A., Mehler, J., Parente, M.A., Beltrami, M.C., de Tolipan, L.C., Cary, L., & Delgado, R. (1988). Illiteracy and brain damage 3: A contribution to the study of speech and language disorders in illiterates with unilateral brain damage (initial testing). *Neuropsychologia*, 26(4), 575–589.
- Luria, A.R. (1932/1976). *Cognitive development: Its cultural and social foundations*. Boston: Harvard University Press.
- Luria, A.R. (1946/1960). *Traumatic aphasia: Its Syndromes, Psychology and Treatment*. Walter de Gruyter.
- Luria, A.R. (1966). *Human Brain and Psychological Processes*. New York Harper & Row.
- Manly, J.J. (2008). Critical issues in cultural neuropsychology: Profit from diversity. *Neuropsychology Review*, 18(3), 179.
- Matthews, C.G. (1992). Truth in labeling: Are we really an international society? *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, 14(3), 418–426.
- Melikyan, Z.A., Puente, A.E., & Agranovich, A.V. (2020). Cross-Cultural Comparison of Rural Healthy Adults: Russian and American Groups. *Archives of Clinical Neuropsychology*, acz071. <https://doi.org/10.1093/arclin/acz071>
- Morain, G. (1991). Understanding Cultural Differences: Germans, French and Americans. *Modern Language Journal*, 75(1), 135–136.
- Nell, V. (1999). *Cross-cultural Neuropsychological Assessment: Theory and Practice*. Psychology Press.
- Nielsen, T.R., Segers, K., Vanderaspolden, V., Bekkhus-Wetterberg, P., Minthon, L., Pissioti, A., & Waldemar, G. (2018). Performance of middle-aged and elderly European minority and majority populations on a Cross-Cultural Neuropsychological Test Battery (CNTB). *The Clinical Neuropsychologist*, 32(8), 1411–1430. <https://doi.org/10.1080/13854046.2018.1430256>
- Nikolaou, F., & Constantinidou, F. (2019). Education and Gender Effects for Greek HVLТ: Implications for Cross Cultural Neuropsychology. *Archives of Physical Medicine and Rehabilitation*, 100(10), e66. <https://doi.org/10.1016/j.apmr.2019.08.186>
- Pedraza, O., & Mungas, D. (2008). Measurement in cross-cultural neuropsychology. *Neuropsychology Review*, 18(3), 184–193.

- Puente, A.E., Muñoz-Céspedes, J.M., Iruarrizaga, I., Miguel-Tobal, J., & Cano-Vindel, A. (2000). The Luria-Nebraska Neuropsychological Battery and culturally dissimilar individuals. In C. Golden, W. Warren, & P. Espe-Pfeiffer (Eds.), *Luria-Nebraska Neuropsychological Battery handbook 20th anniversary* (pp. 227–238). Los Angeles, CA: Western Publishing Co.
- Ritchie, S.J., & Tucker-Drob, E.M. (2018). How much does education improve intelligence? A meta-analysis. *Psychological Science*, 29(8), 1358–1369. <https://doi.org/10.1177/0956797618774253>
- Rosselli, M., & Ardila, A. (2003). The impact of culture and education on non-verbal neuropsychological measurements: A critical review. *Brain and Cognition*, 52, 326–333.
- Scribner, S., Cole, M., & Cole, M. (1981). *The Psychology of Literacy*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Swadesh, M. (1966). *El Lenguaje y la Vida Humana*. México: Fondo de Cultural Economica.
- Uzzell, B., Pontón, M.O., & Ardila, A. (2013). *International Handbook of Cross-Cultural Neuropsychology*. New York: Psychology Press. <https://doi.org/10.4324/9780203936290>
- Vygotsky, L.S. (1934–1962). *Thought and Language*. Boston: The MIT Press.
- Williams, W.M., & Ceci, S.J. (1997). Are Americans becoming more or less alike? Trends in race, class, and ability differences in intelligence. *American Psychologist*, 52(11), 1226.
- Wundt, W. (1900). *Völkerpsychologie* [Cultural Psychology]. Leipzig: Engelmann, Leipzig.
- Zhang, J., Zhong-qin, C.H.E.N., & Ben-yan, L.U.O. (2016). The differences of visual word form processing mechanism between Chinese and Western pure alexia. *Chinese Journal of Contemporary Neurology & Neurosurgery*, 16(5), 258.

Article history:

Received: 26 December 2019

Revised: 14 February 2020

Accepted: 15 February 2020

For citation:

Ardila, A. (2020). Cross-Cultural Neuropsychology: History and Prospects. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(1), 64–78. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-64-78>

Bio note:

Alfredo Ardila, Ph.D. in Psychology, is Full Professor, Professor of Institute of Linguistics and Intercultural Communication at Sechenov University (Moscow, Russia) and Professor of Psychology Doctoral Program at Albizu University (Miami, USA). E-mail: ardi-laalfredo@gmail.com

Обзорная статья

Кросс-культурная нейропсихология: история и перспективы

А. Ардила

Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова
Министерства здравоохранения РФ

Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Трубецкая, д. 8, стр. 2

Альбису университет

Соединенные Штаты Америки, 33172, Флорида, Майями, 2173 NW 99th Avenue

Аннотация. В статье рассматривается кросс-культурная нейропсихология, которая анализирует влияние культурных переменных на познание с неврологической точ-

ки зрения. Выделены три основных вопроса кросс-культурной нейропсихологии: 1) как культурные условия влияют на существующие нейропсихологические? 2) существуют ли различия в мозговой организации познавательных процессов в зависимости от культуры? 3) как патология мозга проявляется в разных культурных контекстах? Представлена история кросс-культурной нейропсихологии, подчеркивается, что интерес к вопросам влияния культуры наблюдается с момента возникновения нейропсихологии. Проводится краткий анализ понятия «культура» с разных точек зрения, предлагается понимание культуры как особого образа жизни группы людей. Обсуждается, почему учет культуры важен для нейропсихологии, а также анализируются некоторые культурные переменные, имеющие первостепенное значение. Особое внимание уделяется школьному образованию, потому что образование представляет собой основную переменную, влияющую на успешность выполнения различных когнитивных тестов. В конце статьи представлены несколько примеров, иллюстрирующих основные направления исследований в кросс-культурной нейропсихологии.

Ключевые слова: нейропсихология, культура, познание, кросс-культурная психология, когнитивное тестирование, кросс-культурная нейропсихология

История статьи:

Поступила в редакцию: 26 декабря 2019 г.

Принята к печати: 15 февраля 2020 г.

Для цитирования:

Ardila A. Cross-Cultural Neuropsychology: History and Prospects // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 1. С. 64–78. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-64-78>

Сведения об авторе:

Ардила Альфредо, Ph.D., профессор Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета имени И.М. Сеченова Министерства здравоохранения РФ (Москва, Россия), профессор докторских программ по психологии Альбису университета (Майами, США). E-mail: ardilaalfredo@gmail.com

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-1-79-100
УДК 316.6

Обзорная статья

Межкультурная компетентность психологов: проблемы и перспективы изучения и формирования

Н.М. Мельникова

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова
Российская Федерация, 677000, Республика Саха (Якутия), Якутск, ул. Белинского, 58

Аннотация. Статья посвящена проблеме межкультурной подготовки психологов. Анализируются зарубежные и отечественные подходы к определению межкультурной компетентности и ее развитию. Обсуждаются профессиональные и этические проблемы психологической деятельности, связанные с межкультурной компетентностью/некомпетентностью специалистов. Рассмотрена специфика подготовки психологов к межкультурному консультированию, опыт организации психологической работы в мультикультурной среде на примере Республики Саха (Якутия), а также важные аспекты проявления и формирования межкультурной компетентности психологов при проведении этнопсихологических полевых исследований. На основе теоретического анализа и опыта практической работы в мультикультурной среде выявлены условия успешного развития межкультурной компетентности, задающие ценностные основания психолога и создающие мотивационную готовность к общению с людьми других культур: гуманистический подход в психологии, субъект-субъектный подход к общению; формирование научного и профессионального мышления; целенаправленное развитие таких механизмов понимания другого, как децентрация, рефлексия; овладение технологиями разрешения конфликтов и ведения групповой работы. Делается вывод о том, что в отечественной системе подготовки психологов формирование межкультурной компетентности требует не только подробного обсуждения этических проблем в деятельности психолога, особенностей межкультурной коммуникации с клиентами в рамках преподаваемых дисциплин, но и введения специальных программ развития межкультурной коммуникации, тренингов межкультурной компетентности и развития культурной сензитивности. В основу межкультурной подготовки психологов может быть положена рабочая модель этнокультурной компетентности, предложенная Т.Г. Стефаненко. Подчеркивается, что развитие межкультурной компетентности предполагает не только развитие компетентности отдельной личности, но и всего профессионального сообщества посредством исследования и открытого обсуждения современного состояния межкультурной компетентности психологов, всего комплекса этических проблем.

Ключевые слова: межкультурная компетентность, этнокультурная компетентность, культурная сензитивность, культурная подготовка психолога, мультикультурный подход к консультированию, этические проблемы

Введение

Проблема развития межкультурной компетентности является актуальной в современном мире. Как подчеркивается в документах ЮНЕСКО, растущее разнообразие культур, которое является текучим, динамичным и трансформирующим, предполагает особые компетенции и способности отдельных людей и обществ учиться, переучиваться и отучаться, чтобы соответствовать личным достижениям и социальной гармонии (UNESCO, *Intercultural Competences: Conceptual and Operational Framework*, 2013). Мобильность приводит и к необходимости населения взаимодействовать с «другими» в повседневной жизни, а перед психологами встает целый комплекс задач, среди которых как исследование стратегий межкультурного взаимодействия мигрантов и населения конкретного региона, так и психологическая работа с представителями других культур (Лебедева, Татарко, 2011; Этнопсихологические особенности..., 2014; Минигалиева (Арпентьева), 2014).

В настоящее время и в нашей стране большое внимание уделяется межкультурной, этнокультурной подготовке специалистов: педагогов, лингвистов, социальных работников, социологов, юристов, психологов-консультантов (Королева 2011; Милованова, 2011; Жилиева, 2011, 2017, 2018; Садохин, 2007; Арзамасцева, Константинова, 2018; Трофимова, Черёмухина, 2017; Ковалева, 2015; Кананчук, Сороковикова, 2016; Карнышев, 2008; Козлова, 2016; Арпентьева, 2015, 2017). Антропологи и этнографы в России на протяжении последних десятилетий провели значительное количество дискуссий, посвященных вопросам этики полевых исследований, развитию культурной сензитивности специалистов (Форум: этические проблемы полевых исследований, 2006; Зависка, 2006).

К сожалению, несмотря на наличие огромного количества психологических исследований межкультурной компетентности взрослых, молодежи, детей, следует отметить, что межкультурной подготовке психологов в отечественной научной литературе посвящено явно недостаточно публикаций, по сравнению с межкультурной подготовкой других специалистов, работающих с людьми. Среди работ, направленных на изучение межкультурной компетентности психологов в структуре их практической деятельности, можно выделить исследования А.Д. Карнышева (2008), М.Р. Минигалиевой (Арпентьевой) (Арпентьева, 2014; Минигалиева, 2015, 2017), Н.Н. Васягиной и соавт. (Vasyagina, Eromasova, Kutbiddinov, Sergeyeva, 2019). Подразумевается, что обязательный курс этнопсихологии, изучение соответствующих разделов общепсихологических и специальных дисциплин призваны формировать общепрофессиональные компетенции психологов, направленные на толерантное отношение к представителям этнических, религиозных и других социальных групп. В то же время как мировой, так и отечественный опыт свидетельствует, что необходима специальная подготовка специалистов к деятельности в поликультурном обществе (Jackson, 1999; Pedersen, 1994; Deardorff, 2006; Doby-Copeland 2006; Herbert 2014; Карнышев, 2008; Stefanenko, Kupavskaya 2010; Vasyagina, Eromasova, Kutbiddinov, Sergeyeva, 2019).

В США данная проблема, первоначально обозначенная как необходимость учета культурных факторов в медицине, в частности в психиатрии, обсужда-

ется с 60-х гг. XX века, что привело к принятию стандартов работы (Guidelines for Providers of Psychological Services to Ethnic, Linguistic, and Culturally Diverse Populations; Culturally and Linguistically Appropriate Services Standard (CLAS) – OMB-DHHS, June 2014). Еще в 1979 году Американская психологическая ассоциация выпустила свое постановление, призывающее все психологические факультеты и колледжи готовить учащихся к эффективному функционированию в мультикультурном обществе (Jackson, 1999). Но не прекращающиеся исследования и дискуссии на эту тему показывают, насколько сложен путь к развитию культурной сензитивности как отдельного специалиста, так и профессионального сообщества (Sue, 1998; Sue, Sue, 1999; Sue, 2001; Pedersen, 1991, 1993, 1994; Dearthorff, 2006; Fukuyama, Sevig, 2012; Doby-Copeland, 2006; Bennett, 1993, 2013; DeAngelis, 2015, 2015; Арпентьева, 2015).

Целью исследования было проанализировать зарубежные и отечественные подходы к развитию межкультурной компетентности психологов и современное состояние проблемы развития межкультурной компетентности психологов в нашей стране.

Для достижения этой цели был проведен анализ литературы по проблемам межкультурной и этнокультурной компетентности, а также проанализирован опыт коллег и собственный опыт работы в мультикультурных регионах – Республике Саха (Якутия) (далее – РС(Я)) и провинции Финнмарк Норвегии – методом анализа документов (записей консультаций, супервизорских сессий, тренингов, экспедиционных дневников, интервью коллег), а именно:

- опыт преподавания, консультирования, супервизии и проведения тренингов (с 1986 года по настоящее время);
- руководства Центром психологической помощи (ЦПП) СВФУ (ЯГУ) имени М.К. Аммосова (Якутск) (2000–2004, 2007–2015);
- проведения исследований: социокультурной среды школьников и студентов саха (1993 год, Вилуйский, Верхневилуйский, Сунтарский улусы) и малочисленных народов Севера (эвенов, эвенков) (2000 год, с. Иенгра, г. Нерюнгри, г. Якутск), психологического здоровья населения РС(Я) (2016); социального здоровья населения Хангаласского улуса РС(Я) (2019);
- экспедиций в с. Иенгра, Оленек, Намцы, Нелемное, п. Чокурдах в ходе реализации научно-исследовательского и прикладного проекта по развитию сельских поселений Северных территорий РФ Финансово-экономического института СВФУ имени М.К. Аммосова и тематической сети Университета Арктики (2009–2012, 2014, 2017 годы).

Теоретические подходы к определению межкультурной компетентности и ее развитию

В научной литературе существует значительное количество зарубежных и отечественных работ, посвященных анализу теоретических подходов к межкультурной компетентности (Bennett, 1993, 2013; Sue, 2001; Почебут, 2012; Карнышев, 2008; Большакова, Терехова, 2012; Stefanenko, Kupavskaya 2010; DeAngelis, 2015; Соколова, 2016; Гридунова, Новикова, Шляхта, 2017; Гридунова, 2018; Хайбулаев, Абдурахманова, Идрисова, 2018 и др.). Встре-

чаются такие определения, как культурная компетентность, межкультурная компетентность, этнокультурная компетентность, межкультурная сензитивность, транскультурная компетентность, социокультурная компетентность.

Культурная/межкультурная компетентность – в широком смысле определяется как способность специалистов понимать, ценить и взаимодействовать с людьми из культур или систем верований, отличных от их собственных. Но, как подчеркивает Т. Де Анжелис, определить, понять и применить культурную компетентность на практике нелегко, так как исследователи все еще спорят об основных составляющих такой компетентности и показателях культурно компетентной помощи (DeAngelis, 2015). Единодушие исследователей проявляется в том, что межкультурную компетентность надо развивать целенаправленно.

Т.Г. Стефаненко неоднократно подчеркивала, что, поскольку улучшение межкультурного общения является одной из тех областей, в которых простого накопления психологических знаний, осознания особенностей культур недостаточно, будущее за развитием этнокультурной компетентности при помощи специальных методов обучения, которые дают возможность интегрировать знания и практический опыт (Стефаненко, 2006; Лебедева, Лунева, Стефаненко, 2004; Стефаненко, 2013; Stefanenko, Kupavskaya, 2010). Исследования этнокультурной компетентности работников социальной сферы, психологов и педагогов подтверждают правоту этих высказываний. Так, Л.А. Кананчук и Н.В. Сороковникова выявили, что педагоги детских дошкольных учреждений без специальной подготовки демонстрировали средний уровень развития этнокультурной компетентности, предпочитали моноэтнический детский коллектив полиэтническому, испытывали агрессию, негативные чувства в общении с представителями других культур. Только после введения специальных программ, направленных на объективацию неконструктивных представлений, их коррекцию путем развития саногенной рефлексии, повысилась этнокультурная сензитивность и компетентность участников проекта, произошли изменения в их представлениях и поведении (Кананчук, Сороковникова, 2013).

Важно помнить, что психологи, как и представители других помогающих профессий, не способны полностью освободиться от действия этнических стереотипов, в том числе и автостереотипов, своей группы. Они также подвержены влиянию социальных событий, межличностных конфликтов, опыта общения, что требует осознания и изменения предубеждений, способов взаимодействия с представителями других культур. Исходя из вышесказанного, работа по формированию этнокультурной компетентности психологов не может ограничиваться рамками университетского обучения, а требует как создания программ профессионального повышения квалификации, так и системы культурной супервизии. Достижение межкультурной компетентности – это непрерывный процесс, требующий постоянного изучения самосознания, чтобы улучшить понимание того, как наши предубеждения, ценности и культурные обычаи влияют на взаимодействие с культурно разнообразным населением (Sue, Sue, 1999). Анализируя проблему подготовки психологов-консультантов, М.Р. Арпентьева подчеркивает, что формирова-

ние транскультурной позиции и компетентности – способности и готовности совмещать и постигать на собственном опыте жизненные модели представителей разных культур, народов и религий – очень важно для психологов-консультантов, врачей психотерапевтов, социальных работников и педагогов, представителей многих иных профессий системы «человек – человек» (Арпентьева, 2017).

Необходимо отметить, что в отечественной литературе чаще встречается термин «этнокультурная компетентность», в мировой практике – «межкультурная компетентность». В некоторых работах эти термины считаются синонимами (Vasyagina, 2019). На наш взгляд, они все же являются различными и термин культурная компетентность (межкультурная компетентность) является более широким. Учитывая многообразие нашей страны и то, что специалисты в своей работе должны принимать во внимание как особенности религиозных, так и этнических групп, а также территориальные особенности, идентичность с местом, сельской/городской субкультурой определенных регионов, все же, на наш взгляд, необходимо говорить о межкультурной компетентности психолога, его культурной сензитивности, в которой этнопсихологическая составляющая играет важную, но не единственную роль. Этноконфессиональная идентичность, региональная идентичность, их связь с политической и экономической активностью являются темами, вызывающими постоянный научно-исследовательский интерес как отечественных, так и зарубежных гуманитариев-исследователей (Рыжова, 2015; Ledogar, Fleming, 2018; Mikhailova, Nadkin, 2016). Соответственно, и подготовка специалистов не может только концентрироваться на этнических особенностях, а требует более широкой гуманитарной составляющей.

Модели межкультурного обучения и формирования межкультурной компетентности

Подготовка специалистов к деятельности в межкультурной среде требует создания модели межкультурной компетентности, описания стадий развития/формирования знаний, умений, навыков, а также оценки формируемых компетенций.

В спирали межкультурного обучения Д. Дирдорфф описаны компоненты этнокультурной компетентности, а также указана последовательность их развития. На начальной стадии находятся межкультурные установки в виде уважения культурного разнообразия и толерантности к неопределенности. Следующая стадия характеризуется развитием и взаимодействием компонентов знаний и навыков (коммуникативные навыки и умение управлять конфликтами). На основе данных компонентов формируется внутреннее образование в виде межкультурной рефлексии. Высшей стадией развития этнокультурной компетентности является конструктивное взаимодействие. Опыт конструктивного межкультурного взаимодействия влияет на установки личности, и движение по спирали развития этнокультурной компетентности повторяется, но на более высоком уровне (Deardorff, 2006).

Т.Г. Стефаненко и А.С. Купавской на основе обобщения и систематизации западных и российских подходов была предложена рабочая модель этно-

культурной компетентности, состоящая из трех факторов – когнитивного, поведенческого и мотивационного. Эта модель позволяет, во-первых, ставить цели и описывать результаты межкультурного обучения с точки зрения навыков, во-вторых, создать стандартизированные учебные программы для развития культурной компетентности, и, в-третьих, двигаться в направлении изменения эффективности разных моделей обучения (Stefanenko, Kupavskaya, 2010).

Существуют также специальные модели, при помощи которых специалисты могут оценить межкультурную компетентность у себя или своих коллег, студентов.

Кросс с соавт. (1989) для оценки терапевтов и организаций, работающих с людьми, предлагают модель, состоящую из шести непрерывных стадий:

1) культурная деструктивность – предполагает, что одна культура превосходит все остальные и активно участвует в разрушении других культур;

2) культурная неспособность – имеет более низкие ожидания от некоторых расовых/этнических/культурных групп, невежество и нереалистичные страхи/отцовскую позицию по отношению к группам меньшинств;

3) культурная слепота – считает, что традиционные подходы к терапии универсально применимы;

4) культурная предварительная компетентность – осознает слабые стороны своей позиции и пытается улучшить оказание услуг;

5) культурная компетентность – приверженность изменению политики, постоянная самооценка и предоставление разнообразных адаптаций модели обслуживания клиентов;

6) культурная компетентность – постоянная поддержка культурной компетентности во всех системах/учреждениях, уважение культур (Cross, Bazron, Dennis, Isaacs, 1989).

Другая модель развития культурной компетентности, предложенная Беннетом, состоит из шести этапов перехода от этноцентрических этапов отрицания, защиты и минимизации к этноотносительным этапам принятия, адаптации и интеграции (Bennett, 1993).

П. Педерсон описывает трехэтапный процесс, который включает культурную осведомленность, знания и навыки в качестве основных областей компетенции любой модели обучения. Педерсон считает, что студенты не могут развивать культурную компетентность, не имея возможности пройти все три этапа (Pedersen, 1994).

Ч. Доби-Копеланд подчеркивает, что следующие три характеристики имеют решающее значение в культурной компетенции: 1) научное мышление (то есть формирование и проверка гипотез); 2) навыки «динамической калибровки» (то есть гибкость в обобщении и индивидуализации); 3) опыт в определенной культурной группе, специфичные для культуры ресурсы (наличие знаний и навыков для работы с представителями данной культуры). По мнению автора, существуют степени культурной компетентности, и для их адекватного измерения необходимо учитывать все три характеристики (Doby-Copeland, 2006).

Специфика подготовки психологов к межкультурному консультированию

Консультирование является одним из основных видов деятельности психолога. Встреча психолога с клиентом из другой культуры актуализирует ценности, нормы установки и предубеждения консультанта, которые специалист может осознавать, а может и не осознавать. М. Фукуяма и Т. Сэвиг, раскрывая особенности мультикультурного подхода к консультированию, подчеркивали, что успех во взаимодействии с клиентом может быть достигнут только при соблюдении баланса (Fukuyama, Sevig, 2004). Излишняя этноцентрированность как на своей, так и на другой культуре может привести к выпячиванию этнокультурной специфики и недооценке индивидуальной и общекультурных составляющих, стереотипным суждениями, предубеждениям и соответствующим моделям поведения консультанта. Игнорирование культурной специфики также приводит к упрощению образа клиента и описания его проблемы.

Если рассматривать вопросы подготовки психологов, гуманистические традиции в консультировании являются одним из лучших базисов подготовки специалистов: они позволяют максимально принять клиента и его ситуацию, уйти от оценивающих суждений. С другой стороны, некоторые аспекты гуманистической психологии, в частности связанные с семейной терапией, несут на себе отпечаток западных ценностей, не всегда принимаемых в восточной культуре. Например, взаимозависимость в семейных отношениях является показателем здоровых отношений в некоторых восточных культурах.

Д. Сью, один из ведущих специалистов в области межкультурной компетентности, определяет культурную компетентность психолога, психотерапевта как способность участвовать в действиях или создавать условия, которые максимизируют оптимальное развитие клиента и клиентских систем. Компетентность консультирования в области многокультурного общения определяется как приобретение консультантом осведомленности, знаний и умений, необходимых для эффективного функционирования в демократическом обществе (способность общаться, взаимодействовать, вести переговоры и взаимодействовать с клиентами из разных слоев общества), а также на организационном/общественном уровне, эффективно отстаивая новые теории, практики, политику для всех групп (Sue, 1999, 2001).

М.Р. Минигалиева выделяет три аспекта взаимоотношений консультанта с клиентами, принадлежащим к разным этнокультурным группам:

1) концептуальный аспект, понимание – представление клиента и консультанта об открытости, честности, мотивированности и направленности, сензитивности друг друга как представителей разных этнокультурных групп;

2) поведенческий аспект, аспект общения – восприятие клиентом терапевта как компетентного в его профессии, решении тех или иных проблем, а также восприятие терапевтом клиента с точки зрения его готовности и способностей следовать рекомендациям и планам, выработанным в ходе консультаций, совместных обсуждений;

3) ценностно-культурный аспект, аспект мировоззренческих установок и идеологий, фиксирующих представление индивида о том, что является выс-

шей целью и задачами его жизни и жизни этнокультурной общности, к которой он себя относит. Критерием эффективного консультирования, по мнению автора, является процесс согласования этих отношений, достижения внутренней конгруэнтности схем и стратегий осмысления себя и другого (Минигалиева (Арпентьева), 2019).

Опыт организации психологической работы в мультикультурной среде (на примере Республики Саха (Якутия))

Критериями отбора сотрудников в Центр психологической помощи студентам Северо-Восточного федерального университета на протяжении многих лет являлись хорошее знание методологии психологии и направленность на постоянное профессиональное развитие.

Многолетний опыт работы подтверждает правоту Ч. Доби-Копеланда (Doby-Copeland, 2006), который утверждает, что научный подход, научное мышление, общепрофессиональные умения и навыки, а также готовность понять «другого» являются основой для развития этнокультурной сензитивности и успеха в консультативной деятельности, что позволяет сосредоточиться на внутреннем мире клиента, уйти от оценочности и создать атмосферу доверия и взаимопонимания. В практике работы Центра психологам приходилось консультировать иностранцев с нулевым или низким уровнем знания русского и английского языков в кризисных ситуациях. Но профессиональная подготовка, умение наладить невербальный контакт, использование техник арт-терапии и телесной терапии, опыт работы в мультикультурной среде позволяли консультантам справиться с такими сложными задачами.

В то же время любые групповые занятия по программе адаптации студентов требуют специальной подготовки ведущих, так как часто приходится встречаться с этническими стереотипами, разделением группы по определенному признаку (этническому, языковому или региональному – село/город, землячество), групповым давлением в случае плохого владения якутским языком студентов из городских или смешанных семей. И в этом случае умения и навыки ведения групп, создания доверительной атмосферы, разрешения конфликтов, регулирования поведения участников, сплочения группы являются базовыми, над которыми настраиваются собственно знания культуры и умение взаимодействовать с их представителями.

Обучение сотрудников центра проводилось как в области повышения общепрофессиональных компетенций, так и в области развития межкультурной компетентности. Поскольку состав психологов центра формировался из первых выпускников отделения психологии, первоначально акцент в обучении делался на общепрофессиональные знания, умения и навыки. В дальнейшем межкультурные компетенции стали намного более значимыми, а иногда и ведущими в программах повышения квалификации (например, в обучении семейной терапии). Применялись формы внешнего и внутреннего обучения: курсы повышения квалификации, методические семинары, индивидуальные и групповые супервизии. Так, на базе центра были проведены Международные психологические школы «Психологическая профилактика кризисных

состояний молодежи северных территорий РС(Я)» (2010, 2013), «Психология семьи и семейная психотерапия в этнокультурном контексте» (2012), «Психология интернет-коммуникации в мультикультурном обществе» (2013). В рамках супервизии и методических семинаров постоянно поднимались вопросы специфики культур, в том числе и мигрантов из стран СНГ, отношения к психологам и процессу консультирования коренного населения республики, особенностей реагирования представителей различных этносов на стрессовые ситуации, механизмов совладания с кризисными ситуациями, особенностей проведения тренинговых занятий в группах с разным этническим составом, уровнем владения родным языком. В программу адаптации студентов вводились элементы тренинга межкультурного общения.

Для развития умений и навыков консультирования важным является экспликация норм поведения в тех или иных ситуациях. В общении с представителями коренных народов Сибири, Дальнего Востока, Арктических регионов не только РФ, но и других стран, психологи достаточно часто сталкиваются с нормами коммуникации, не только затрудняющими, но и противоречащими самой сути терапевтической работы. В целом для большинства северных народов характерны немногословность, культура «молчания», что закреплено в нормах поведения. Во многих культурах существуют культурные запреты на проявление эмоций у мужчин, но у представителей северных народов они выражены еще сильнее. Приведем примеры из собственного практического опыта. Ситуация, которую описал в интервью психолог, работавший в Арктической зоне Норвегии: *«Очень часто мужчины приходят в гости, сидят, молчат. Потом уходят очень довольные. Хорошо пообщались!»*. Мнение психотерапевта, с которым мы вместе ведем клиента после случая завершеного суицида близкого человека: *«Да, сейчас улучшение. Но боюсь, что в будущем, когда вернется в село, под влиянием какой-либо стрессовой ситуации, учитывая молчаливость и замкнутость наших северных мужчин, если не будет психотерапевтической помощи, может произойти ухудшение вплоть до суицидальной попытки»*.

У представителей народа саха, эвенов, эвенков зафиксированы общие, внегендерные установки на получение помощи, запреты на выражение эмоций, на рассказ как о тяжелых жизненных ситуациях, так и радостных. В частности, особенно тяжелые переживания испытывают братья и сестры ребенка, покончившего жизнь суицидом. В нашей консультативной практике встречались случаи, когда родители сжигали все фотографии, вещи, запрещали любое упоминание о данном человеке, не давали возможности проститься с умершими. Учитывая замкнутость общин, суровые условия выживания, данные запреты имели под собой определенные основания. От настроения одного человека зависело и настроение остальных. В то же время человек всегда мог рассчитывать на помощь членов расширенной традиционной семьи. Например, в якутских семьях до определенного времени не было случаев передачи детей-сирот в детские дома, только ради спасения детей от голода. В настоящее время ситуация изменилась, даже на селе родители и дети начинают проживать отдельно. Жизнь усложнилась, но нормы поведения, регулирующие взаимоотношения с посторонними и поведение в трудных

ситуациях, остаются устойчивыми. Основными механизмами защиты, как установлено в наших исследованиях (2000–2003, 2009–2012, 2015), являются вытеснение, избегание, отрицание, поэтому клиенты, обращаясь за психологической помощью, тем самым нарушают запреты, существующие в обществе, вследствие чего испытывают дополнительный стресс, чувство вины.

Другим аспектом консультирования является важность сохранения анонимности и конфиденциальности информации для создания атмосферы доверия. Якутия является малонаселенной территорией с традиционно тесными родственными связями. И хотя в наших исследованиях психологического здоровья населения РС(Я) (2016) зафиксирован переход на селе от многопоколенной к однопоколенной семье, тесные родственные и земляческие отношения остаются характерной чертой (территориальная идентичность (идентичность с местом) является важной характеристикой личности, наравне с этнической идентичностью). Важно отметить, что сам факт посещения психолога вызывает повышенный интерес у односельчан. В Центре психологической помощи СВФУ действовало правило: если клиент был родом из одного района с психологом, его, по возможности, передавали другому специалисту. Эти особенности населения республики должны учитывать не только консультанты, но и организации, оказывающие такие услуги клиентам, в частности развивая дистанционные и выездные формы оказания психологической помощи.

Необходима систематическая работа по изучению реальных этнопсихологических особенностей коренного населения. Примером может служить исследование, проведенное творческим коллективом красноярских и якутских психологов под руководством Н.Б. Семеновой (Семенова, Мартынова 2012; Семенова и др., 2013) по заказу психологической службы Министерства образования РС(Я). Целью было составление программы профилактики суицидального поведения детей, учитывая высокие показатели самоубийств среди коренного населения (Семенова, Мартынова, 2012). Как показали исследования, особенностью коренных детей и подростков (саха) является выраженная аффилиативная потребность, то есть потребность в любви и поддержке, доброжелательном отношении и заботе, повышенный уровень тревожности, мнительность и повышенное чувство вины. Аффилиативная потребность является наиболее фрустрируемой и в значительной степени определяет зону психотравмирующего воздействия. Суицид как реакция на дидактогению, давление взрослых в данном случае будет, по мнению авторов, высоковероятным. Соответственно, психопрофилактическая работа с детьми и учащейся молодежью должна заключаться «в создании благоприятного психологического климата в классном коллективе и теплого, душевного отношения к детям», в развитии коммуникативной компетентности педагогов, родителей, семейного консультирования (Семенова и др., 2013). Отмечая безусловную ценность данной работы, ее большую практическую значимость, следует отметить, что авторы используют термин «коренные дети и подростки», не разводя этносы. Остается вопрос – относятся ли эти выводы только к представителям народа саха или ко всем коренным народам РС(Я), есть или нет различия, и, если есть, какие ситуации особенности реагирова-

ния на стресс, травмирующие ситуации у детей коренных малочисленных народов РС(Я) – эвенов, эвенков, юкагиров, чукчей, долганов? Какие ситуации являются травмирующими? Какие способы разрешения конфликтов, совладания с трудными ситуациями существуют? Данные вопросы очерчивают только небольшой круг проблем, с которыми сталкивается специалист, работающий в мультикультурном регионе.

Межкультурная компетентность психологов при проведении полевых исследований

Следующими важными аспектами психологической деятельности, в которых проявляются уровень как профессионализма, так и межкультурной компетентности, являются проведение полевых исследований и применение психодиагностического инструментария в исследованиях и повседневной деятельности психолога.

Во-первых, тенденция к унификации проявляется в использовании методик, адаптированных, как правило, в центральных регионах России. Следует признать, что психологами далеко не всегда ставится задача провести психометрическую проверку и адаптацию методик при применении их в других регионах. Во-вторых, зачастую описание выборки психологических исследований уступает описанию в этнографических и антропологических работах. Очень часто «уходит» именно этнопсихологическая специфика. Например, если задается выборка по определенному этническому признаку, то из поля зрения выпадают достаточно большие группы с неопределенной идентичностью или принципиально определяющие себя как «сахалары» (дети от смешанных браков саха и русских), «граждане мира», «граждане РФ». В одном из исследований, которые мы проводили в начале 2000 года, таких людей было 34 %! И здесь мы опять возвращаемся к базовой профессиональной подготовке психологов, их профессиональной осознанности, а также к существованию «слепых пятен», игнорированию отдельных социальных групп.

В-третьих, в полевых исследованиях часто игнорируется такая проблема, как уровень владения коренным населением русским/родным языком. От руководителей образовательных учреждений и различных ведомств РС(Я) приходилось слышать утверждения, что раз все сдают ЕГЭ по русскому языку, проблем нет, хотя практический опыт показывает, что это не всегда соответствует действительности. Сложности возникают и при сборе информации на родном языке респондентов из-за диалектизмов, территориальной специфики, уровня владения языком. Выходом является использование анкет на двух языках (родном и русском). В таких случаях сами респонденты указывают на «неточности перевода». В случае интервью предоставляется возможность выбора языка.

В-четвертых, трудности возникают в экспедиционных выездах, когда у населения возникают свои «легенды» о цели исследования, об ученых. В селах, местах компактного проживания малочисленных народов Севера нас неоднократно спрашивали: «А вы нас изучать приехали?» и старались подчеркнуть свою уникальность, специфичность. В других местах считали представителями определенных комиссий. Разрушить мифы достаточно сложно,

чаще невозможно (Форум: этические проблемы полевых исследований, 2006). Местная администрация также может пытаться контролировать процесс проведения исследования, сбора данных. Здесь возникают вопросы конфиденциальности информации, а также социальной желательности и потребности быть полезным исследователю, угадать нужную для него информацию. В определенных случаях, узнав, что приехавшие – психологи, руководство пытается решить свои проблемы. В одном из мест компактного проживания малочисленных народов, в котором проводились исследование и проектная работа по развития села, дирекция школы-интерната не отпустила на кочевку детей оленеводов, имеющих поведенческие проблемы, «так как приедут психологи». Наказание получилось двойным, поскольку кочевка – это самое долгожданное событие для детей, а факт обращения к приезжим психологам стигматизировал учеников как наиболее «тяжелых» нарушителей, перевоспитать которых могут только приезжие специалисты. Не говоря уже об атмосфере страха, возникшей вокруг фигуры психологов. В результате нам пришлось снимать напряжение с родителей, уверять, что мы не собираемся ни изучать их детей, ни проводить воспитательные беседы. Отказ от позиции эксперта, искренний интерес к жизни людей, вера в то, что они самостоятельно смогут разрешить свои проблемы, позволили наладить контакт с клиентами и оказать реальную помощь семье, а также восстановить доверие других жителей, успешно осуществить намеченное.

В-пятых, сложности возникают при описании места сбора информации. В этом случае встречается противоречие, хорошо знакомое культурным антропологам: с одной стороны, необходимость соблюдения конфиденциальности данных, что в селах нереально (источник информации легко вычисляется по сюжетам), а с другой – необходимость указать поселение, соблюсти формальные требования к сбору данных (Форум: этические проблемы полевых исследований, 2006).

Соответственно, подобные этические вопросы возникают и при изложении материалов исследований. Участники конференций и семинаров начинают активно интересоваться, а какой это улус/район, пытаться по контексту выяснить источник информации и лиц, участвующих в ситуации. К сожалению, это приводит к определенным ограничениям при публикации материалов, самоцензуре, отказу от публикации отдельных случаев из консультирования или исследований. Иногда на семинарах и лекциях для педагогов в ответ на обобщенные примеры по профилактике кризисных состояний звучат обвинения в нарушении анонимности и конфиденциальности данных, поскольку слушатели «узнают» знакомых в типичных рассказах. Такие случаи были и в практике автора, и в опыте других коллег, работающих в Арктической зоне РФ и Норвегии. Это не значит, что надо отказываться от обобщенных примеров, но необходимо уметь, во-первых, отбирать материал и понимать, как он будет восприниматься аудиторией, во-вторых, быть готовыми к таким моментам и уверенно взаимодействовать со слушателями.

Таким образом, при подготовке психологов к проведению полевых этнопсихологических и кросс-культурных исследований необходимо уделять внимание формированию их межкультурной компетентности с учетом выше-

рассмотренные аспектов: соблюдение научной культуры сбора информации, требований к психометрической проверке методик и проведения процедур психодиагностики, этических норм проведения исследований.

Несмотря на достаточно частое противопоставление умений и навыков, необходимых психологу-исследователю и психологу-консультанту, наш опыт свидетельствует, что научная подготовка является необходимым условием осуществления профессиональной деятельности в мультикультурной среде, будь то консультирование человека/организации или проектная деятельность по развитию сообщества. С одной стороны, именно научное мышление и профессионализм позволяют уйти от этноцентризма, оценочности и навязывания своих взглядов клиенту. С другой стороны, практики консультационной работы в субъект-субъектной парадигме, развивающей умение устанавливать контакт, создавать безоценочное принятие клиента, а также опыт проведения групповой работы, знание специфики ролей модератора, фасилитатора, медиатора, осознание своей позиции и особенностей как тренера, являются важными условиями получения качественной информации в полевых исследованиях культур.

Заключение

Интерес к исследованию межкультурной коммуникации, как в теоретическом, так и в практическом плане закономерно нарастает с середины двадцатого столетия. Несмотря на отсутствие единой трактовки понятия «межкультурная компетентность», можно выделить общие черты, указываемые разными авторами, а именно понимание межкультурной компетентности как: 1) системного явления, которое может быть проявлено и оценено в реальной деятельности; 2) состоящей из нескольких компонентов, требующих целенаправленного воздействия для ее развития; 3) формирующейся непрерывно в течение всей профессиональной карьеры; 4) проходящей в своем развитии определенные стадии.

Межкультурная компетентность психолога, психотерапевта понимается как готовность к взаимодействию с представителями других культур и способность участвовать в действиях или создавать условия, которые максимизируют оптимальное развитие клиента и клиентских систем в многокультурной среде.

Формирование межкультурной компетентности психологов требует не только подробного обсуждения этических проблем в деятельности психолога, особенностей межкультурной коммуникации с клиентами в рамках дисциплин, изучаемых в процессе получения образования, но и введения специальных программ развития межкультурной коммуникации, тренингов межкультурной компетентности и развития культурной сензитивности как при подготовке психологов-исследователей, так и психологов-консультантов, а также развития культурной супервизии.

В основу межкультурной подготовки психологов может быть положена рабочая модель этнокультурной компетентности, предложенная Т.Г. Стефаненко, которая позволяет создавать стандартизированные учебные программы для развития культурной компетентности с описанием целей и задач и двигаться в направлении измерения эффективности разных моделей обучения.

Основные условия успешного развития межкультурной компетентности:

– гуманистический и субъект-субъектный подходы к общению, формирующие ценностные основания специалиста, готовность к взаимодействию с людьми, отличными от него;

– научный подход, открытость новому, развитие профессионального мышления, которые являются основой для развития этнокультурной сензитивности и успеха в консультативной деятельности, позволяют сосредоточиться на внутреннем мире клиента, уйти от оценочности и предвзятости и создать атмосферу доверия и взаимопонимания;

– целенаправленное развитие таких механизмов понимания другого, как децентрация, рефлексия;

– овладение технологиями разрешения конфликтов и ведения групповой работы, техник фасилитации, медиации, модерации.

Развитие межкультурной компетентности предполагает как развитие компетентности отдельной личности, так и всего профессионального сообщества посредством исследования и открытого обсуждения содержания, возможностей измерения и наличного уровня развития межкультурной компетентности психологов, всего комплекса этических проблем, встречающихся в деятельности психологов в мультикультурном обществе.

Благодарности и финансирование. Автор выражает благодарность сотрудникам ЦПП СВФУ имени М.К. Аммосова, участвовавшим в обсуждении клиентских случаев и супервизиях; Наталье Васильевне Охлопковой, доктору экономических наук, профессору – за приглашение к участию в проекте «Инновационное развитие северных территорий РФ»; Еве Биргитте Карслдоттер Шьетне, PhD, профессору – за совместные экспедиции, возможность стажировки в Арктическом университете Норвегии (UiT Norges Arktiske Universitet) (г. Тромсе) и неоднократное обсуждение культурной специфики психологической работы в Арктических регионах.

В статье использованы данные, полученные в ходе:

– реализации совместного проекта «Инновационное развитие северных территорий России» партнеров Университета Арктики, тематической сети «Местное и региональное развитие»: Финансово-экономического института СВФУ, Центра психологической помощи «Развитие» СВФУ, Университетского колледжа Финнмарк (г. Алта, Норвегия) (2009–2012, 2013–2014, 2017);

– выполнения госзаказа творческим коллективом Академии наук РС(Я) «Создание модели мониторинга социально-психологического здоровья населения Республики Саха (Якутия)» по программе «Комплексные научные исследования в Республике Саха (Якутия), направленные на развитие производительных сил и социальной сферы на 2016–2020 годы», направление 1 «Повышение качества жизни населения Якутии», задача 1.4. «Разработка мероприятий, обеспечивающих сохранность культурного и духовного наследия, обеспечение баланса интересов коренного населения и трудовых мигрантов с учетом их этнических, языковых, культурных и конфессиональных различий, повышение образовательного уровня населения, оценка и прогноз развития системы образования» (2016).

Список литературы

Алипханова Ф.Н. Этнокультурная компетентность как компонент профессиональной готовности педагога // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. 2009. № 3. С. 21–25.

- Арзамасцева Н.Г., Константинова В.В. Этническое самосознание личности студента как показатель сформированности его этнокультурной компетентности // Вестник Марийского государственного университета. 2018. № 4. С. 14–19.
- Арпентьева М.Р. Взаимопонимание в кросс-культурном консультировании: теория и практика // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2017. № 4. С. 39–47.
- Арпентьева М.Р. Проблемы эффективности психологического консультирования в зарубежных исследованиях // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2015. Т. 21. № 3. С. 38–42.
- Большакова О.Б. Формирование межкультурной коммуникативной компетентности в процессе профессионализации в вузе // Известия Байкальского государственного университета. 2011. № 3. 183–185.
- Большакова О.Б., Терехова Т.А. Зарубежные концептуальные модели межкультурной компетентности (часть 2) // Психология в экономике и управлении. 2012. № 1. С. 87–97.
- Гридунова М.В. Психологические факторы межкультурной компетентности студентов и школьников: автореферат дис. ... канд. психол. наук. М.: РУДН, 2018. 26 с.
- Гридунова М.В., Новикова И.А., Шляхта Д.А. Межкультурная компетентность и факторы «Большой пятерки»: к постановке проблемы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: Акмеология образования. Психология развития. 2017. Т. 6. Вып. 2. С. 140–147. <http://dx.doi.org/10.18500/2304-9790-2017-6-2-140-147>
- Жилыева М.С. Развитие этнокультурной компетентности будущих специалистов социальной сферы: дис. ... канд. психол. наук. Тамбов: ТГУ, 2011.
- Жилыева М.С. Этнокультурная компетентность будущих специалистов социальной сферы: динамика развития коммуникативного компонента // Вестник ЗабГУ. 2018. Т. 24. № 3. С. 63–71.
- Жилыева М.С. Этнокультурная компетентность как элемент политической компетентности в региональной социальной политике // Вестник ЗабГУ. 2017. № 10. С. 46–52.
- Зависка Д. Этика полевой работы в этнографии // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 169–192.
- Кананчук Л.А., Сороковикова И.В. Саногенная рефлексия как средство повышения этнокультурной компетентности педагогов дошкольных образовательных учреждений // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 4. С. 412–416.
- Карнышев А.Д. Межкультурная компетенция в структуре компетенций психолога // Вестник БГУ. Образование. Личность. Общество. 2008. № 5. С. 21–33.
- Ковалёва М.И. Формирование межкультурной коммуникативной компетентности будущих специалистов // Развитие территорий. 2015. № 2. С. 18–21.
- Козлова А.В. Сущностные характеристики межкультурной коммуникативной компетентности студентов // Мир культуры, науки, образования. 2016. № 5. С. 147–149.
- Королева Г.М. Развитие этнокультурной компетентности педагогов в современной социокультурной среде // Фундаментальные исследования. 2011. № 8–2. С. 280–283.
- Лебедева Н.М., Лунева О.В., Стефаненко Т.Г. Тренинг этнической толерантности для школьников. М.: Привет, 2004. 358 с.
- Милованова Е.С. Формирование этнокультурной компетентности бакалавров социальной работы в процессе профессиональной подготовки в вузе: дис. ... канд. психол. наук. Ставрополь: Сев.-Кавказ. гос. техн. ун-т, 2011. 189 с.
- Минигалиева (Арпентьева) М.Р. Взаимопонимание в психологическом консультировании: этнокультурные особенности и стратегии // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2014. Т. 20. № 2. С. 45–49.

- Почебут Л.Г.* Теория межкультурной коммуникативной компетентности // Наукові праці. Соціологія. 2012. Т. 184. Вип. 172. С. 14–18.
- Рыжова С. В.* Этноконфессиональная идентичность и формирование религиозных политических ориентаций // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 136–144.
- Садохин А.П.* Межкультурная компетентность: понятие, структура, пути формирования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10. № 1. С. 125–139.
- Семенова Н.Б., Мартынова Т.Ф.* Анализ завершённых суицидов среди детей и подростков Республики Саха (Якутия) // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2012. № 2. С. 42–45.
- Семенова Н.Б., Раменская Т.П., Долгушина Е.Е., Мартынова Т.Ф.* Диагностика эмоционального состояния учащихся в общеобразовательных учреждениях Республики Саха (Якутия): методические рекомендации. Красноярск, 2013. 40 с.
- Соколова К.Л.* Основные компоненты зарубежных моделей этнокультурной компетентности // Мир культуры, науки, образования. 2016. № 5. С. 250–253.
- Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2014. 224 с.
- Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология: практикум. М.: Аспект Пресс, 2006. 208 с.
- Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: сборник научных статей / под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. М.: РУДН, 2009. 420 с.
- Терехова Т.А., Большакова О.Б.* Отечественные концептуальные модели межкультурной компетентности // Психология в экономике и управлении. 2011. № 1. С. 93–105.
- Трофимова Е.Л., Черёмухина К.С.* Межкультурная компетентность как необходимая составляющая профессиональной подготовки юристов // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8. № 2. С. 35. [http://dx.doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8\(2\).35](http://dx.doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8(2).35)
- Форум: этические проблемы полевых исследований // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 6–157.
- Хайбулаев М.Х., Абдурахманова П.Д., Идрисова П.Г.* Анализ подходов определения межкультурной компетентности // Мир культуры, науки, образования. 2018. № 4. С. 537–539.
- Этнопсихологические особенности как один из ведущих факторов оказания эффективной экстренной психологической помощи лицам различных этнических групп Северного Кавказа: Материалы научно-практической конференции 26 ноября 2014 года / под ред. П.Р. Кинасова. Пятигорск, 2014. 62 с.
- Bennett J.M.* Toward Ethnorelativism: A Developmental Model of Intercultural Sensitivity // Education for the Intercultural Experience / ed. by R.M. Paige. Yarmouth, ME: Intercultural Press, 1993. Pp. 21–71.
- Bennett M.* Basic concepts of intercultural communication: Paradigms, principles, & practices. Boston: Intercultural Press, 2013.
- Cross T.L., Bazron B.J., Dennis K.W., Isaacs M. R.* Towards a culturally competent system of care. Washington, DC: Child and Adolescent Service System Program Technical Assistance Center, 1989.
- Culturally and Linguistically Appropriate Services Standard (CLAS) – OMB-DHHS, June 2014. URL: <https://thinkculturalhealth.hhs.gov/pdfs/CLASCompendium.pdf>
- DeAngelis T.* In search of cultural competence // Monitor on Psychology. 2015. Vol. 46. No. 3. P. 64.
- DeAngelis T.* Institute focuses on patients, including their ethnicity // Monitor on Psychology. 2015. No. 46(3). P. 67.
- Deardorff D.K.* Identification and assessment of intercultural competence as a student outcome of internationalization // Journal of Studies in Intercultural Education. 2006. Vol. 10. Pp. 241–266. <http://dx.doi.org/10.1177/1028315306287002>
- Doby-Copeland Ch.* Cultural Diversity Curriculum Design: An Art Therapist's Perspective // Art Therapy. 2006. Vol. 23. No. 4. Pp. 172–180. <http://dx.doi.org/10.1080/07421656.2006.10129330>

- Fukuyama M.A., Sevig T. D.* Integrating Spirituality into Multicultural Counseling. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2004. 200 p.
- Guidelines for Providers of Psychological Services to Ethnic, Linguistic, and Culturally Diverse Populations. URL: <https://www.apa.org/pi/oema/resources/policy/provider-guidelines>
- Herbert A.M.L.* Treaty Framework for a Sustainable Future for Psychology // Psychology Aotearoa. 2010. Vol. 2. No. 2. Pp. 106–111.
- Jackson L.C.* Ethnocultural resistance to multicultural training: Students and faculty // Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology. 1999. Vol. 5. No. 1. Pp. 27–36.
- Ledogar R.J., Fleming J.* Social capital and resilience: A review of concepts and selected literature relevant to aboriginal youth resilience research // Pimatisiwin. 2008. Vol. 6. No. 2. Pp. 25–46.
- Mikhailova V.V., Nadkin V.B.* Ethno-confessional identity and complementarity in the Republic of Sakha (Yakutia) // Psychology in Russia: State of the Art. 2016. Vol. 9. Issue 1. Pp. 74–83. <http://dx.doi.org/10.11621/pir.2016.0105>
- Pedersen P.* Multicultural counseling // Improving intercultural interactions / ed. by R.W. Brislin, T. Yoshida. Newbury Park, CA: Sage, 1994. Pp. 221–240.
- Pedersen P.* Multiculturalism as a generic approach to counseling // Journal of Counseling and Development. 1991. Vol. 70. No. 1. Pp. 6–12.
- Pedersen P., Ivey A.* Culture-Centered Counseling and Interviewing Skills: A Practical Guide. Westport, CT: Praeger, 1993. 330 p.
- Stefanenko T.G., Kupavskaya A.S.* Ethno-cultural competence as a component of competence in communication // Psychology in Russia: State of the Art. 2010. Vol. 3. Pp. 550–564.
- Sue D.W.* Multidimensional Facets of Cultural Competence // The counseling psychologist. 2001. Vol. 29. No. 6. Pp. 787–789.
- Sue D.W., Sue D.* Counseling the culturally different. New York: Wiley, 1999.
- Sue S.* In search of cultural competence in psychotherapy and counseling // American Psychologist. 1998. Vol. 53. No. 4. Pp. 440–448.
- UNESCO. Intercultural competences: Conceptual and Operational Framework. Paris: UNESCO, 2013.
- Vasyagina N.N., Eromasova A.A., Kutbiddinov R.A., Sergeyeva N.N.* Ethno-cultural competence of educational psychologists // European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. PSYRGGU 2019: Psychology of subculture: Phenomenology and Contemporary Tendencies of Development. UK: Future Academy, 2019. Pp. 775–762.

История статьи:

Поступила в редакцию: 23 декабря 2019 г.

Принята к печати: 25 января 2020 г.

Для цитирования:

Мельникова Н.М. Межкультурная компетентность психологов: проблемы и перспективы изучения и формирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 1. С. 79–100. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-79-100>

Сведения об авторе:

Мельникова Надежда Михайловна, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Менеджмент» Финансово-экономического института Северо-восточного университета имени М.К. Аммосова (Якутск, Россия). ORCID iD: 0000-0002-7405-1543, eLIBRARY SPIN-код: 8271-8219. E-mail: shpresamel@yandex.ru

Intercultural Competence of Psychologists: Problems and Prospects of Study and Development

Nadezhda M. Melnikova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
58 Belinsky St., Yakutsk, 677027, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation

Abstract. The article is concerned with the problem of cross-cultural training of psychologists. The author analyses various approaches to the definition and development of intercultural competence and highlights professional and ethical problems of psychological activity related to cultural competence/incompetence of specialists. Particular attention is paid to the specifics in training psychologists for cross-cultural counselling, the experience of organising psychological work in a multi-cultural environment, using the example of the Republic of Sakha (Yakutia), as well as some important aspects in how psychologists develop and manifest intercultural competence during ethnopsychological field studies. An analysis of the accumulated practical experience in a multicultural environment made it possible to identify the conditions for the successful development of cross-cultural competence, setting the psychologist's value foundations and motivational readiness to communicate with people of other cultures. These conditions include: (1) a humanistic approach in psychology; (2) a subject-subject approach to communication; (3) formation of scientific and professional thinking; (4) purposeful development of such mechanisms of understanding other people as decentration and reflection; and (5) mastering of conflict-resolution and group-work technologies. In this regard, the author concludes that the development of intercultural competence in the domestic psychologists' training system requires not only a detailed discussion of ethical issues related to the psychologist's activities or specifics of cross-cultural communication within the studied disciplines, but also the introduction of special cross-cultural communication development programmes and trainings in intercultural competence and cultural sensitivity. The cross-cultural training of psychologists can be based on the working model of ethnocultural competence proposed by T.G. Stefanenko. It is emphasized that the development of intercultural competence should involve not only an individual person but the entire professional community through research and open discussion of the current state of cross-cultural competence of psychologists as well as the entire complex of ethical issues.

Key words: intercultural competence, ethnocultural competence, cultural sensitivity, cross-cultural training of psychologists, multicultural approach to counselling, ethical issues

Acknowledgements and Funding. The author is grateful to the staff of the Psychological Aid Centre, M.K. Ammosov NEFU, who participated in the discussion of client cases and supervision; special thanks are due to Natalya V. Okhlopkova, Doctor of Economics, Professor, for her kind invitation to participate in the Project for Innovative Development of the Northern Territories of Russia, and Eve Birgitte Karlsdotter Schietne, PhD, Professor, for our joint expeditions, the opportunity for the author to do an internship at the Arctic University of Norway (UiT Norges Arktiske Universitet) (Tromsø) and repeated discussions of the cultural specifics of psychological work in the Arctic regions.

The article uses the data obtained:

– during the implementation of the joint Project on Innovative Development of the Northern Territories of Russia developed by the partners of the Thematic Network for Local and Regional Development of the University of the Arctic: Financial and Economic Institute, M.K. Ammosov NEFU, the Psychological Aid Centre, M.K. Ammosov NEFU, and Finnmark University College, Alta, Norway (2009–2012, 2013–2014, 2017);

– during the fulfillment by the creative team of the Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia) of the *State Order for creating a model for monitoring the socio-psychological health of the population in the Republic of Sakha (Yakutia)* under the *Program on comprehensive scientific research in the Republic of Sakha (Yakutia)* aimed at developing the productive forces and social sphere for the period from 2016 till 2020, Set 1: Improving the quality of life of the population of Yakutia, Task 1.4: Development of measures ensuring the preservation of cultural and spiritual heritage; balancing the interests of indigenous people and migrant workers, taking into account their ethnic, linguistic, cultural and religious differences; improving the educational level of the population; assessing and forecasting the development of the educational system (2016).

References

- Alipkhanova, F.N. (2009). Etnokulturnaya kompetentnost kak komponent professionalnoi gotovnosti pedagoga. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Psychological and Pedagogical Sciences*, (3), 21–25 (In Russ.)
- Arpentieva, M.R. (2015). Problems of efficiency of social-psychological counselling of foreign investigations. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 21(3), 38–42 (In Russ.)
- Arpentieva, M.R. (2017). Understanding in cross-cultural counseling: theory and practice. *Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity*, (4), 39–47 (In Russ.)
- Arzamastseva, N.G., & Konstantinova, V.V. (2018). Ethnic self-awareness of student's personality as an indicator of his ethno-cultural competence formation. *Vestnik of Mari State University*, 4(32), 14–19 (In Russ.)
- Bennett, J.M. (1993). Toward Ethnorelativism: A Developmental Model of Intercultural Sensitivity. In R.M. Paige (Ed.), *Education for the Intercultural Experience* (pp. 21–71). Yarmouth, ME: Intercultural Press.
- Bennett, M. (2013). *Basic Concepts of Intercultural Communication: Paradigms, Principles, & Practices*. Boston: Intercultural Press.
- Bolshakova, O.B., & Terekhova, T.A. (2012). Foreign conceptual models of intercultural competence (part 2). *Psychology in Economics and Management*, (1), 87–97 (In Russ.)
- Bolshakova, O.B. (2011). Formation of intercultural communicative competence during professional development process in higher educational institution. *Bulletin of Baikal State University*, (3), 183–185. (In Russ.)
- Cross, T.L., Bazron, B.J., Dennis, K.W., & Isaacs, M.R. (1989). *Towards a Culturally Competent System of Care*. Washington, DC: Child and Adolescent Service System Program Technical Assistance Center.
- Culturally and Linguistically Appropriate Services Standard (CLAS) – OMB – DHHS* (2014, June). <https://thinkculturalhealth.hhs.gov/pdfs/CLASCompendium.pdf>
- DeAngelis, T. (2015, March). In search of cultural competence. *Monitor on Psychology*, 46(3), 64.
- DeAngelis, T. (2015, March). Institute focuses on patients, including their ethnicity. *Monitor on Psychology*, 46(3), 67.
- Deardorff, D.K. (2006). Identification and assessment of intercultural competence as a student outcome of internationalization. *Journal of Studies in Intercultural Education*, 10, 241–266. <http://dx.doi.org/10.1177/1028315306287002>
- Doby-Copeland, Ch. (2006). Cultural Diversity Curriculum Design: An Art Therapist's Perspective. *Art Therapy*, 23(4), 172–180. <http://dx.doi.org/10.1080/07421656.2006.10129330>
- Forum: Eticheskie problemy polevykh issledovaniy (2006). *Antropologicheskij Forum*, (5), 6–157. (In Russ.)

- Fukuyama, M.A., & Sevig T.D. (2004). *Integrating Spirituality into Multicultural Counseling*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2004.
- Gridunova, M.V. (2018). *Psychological Factors of Intercultural Competence in University and School Students*. Ph.D. in Psychology Thesis. Moscow: RUDN University. (In Russ.)
- Gridunova, M.V., Novikova, I.A., & Shlyakhta, D.A. (2017). Intercultural Competence and Big Five Factors: Problem Statement. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser.: Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 6(2), 140–147. <http://dx.doi.org/10.18500/2304-9790-2017-6-2-140-147> (In Russ.)
- Guidelines for Providers of Psychological Services to Ethnic, Linguistic, and Culturally Diverse Populations* (1990). <https://www.apa.org/pi/oema/resources/policy/provider-guidelines>
- Herbert, A.M.L. (2010). Treaty Framework for a Sustainable Future for Psychology. *Psychology Aotearoa*, 2(2), 106–111.
- Jackson, L.C. (1999). Ethnocultural resistance to multicultural training: Students and faculty. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, 5(1), 27–36.
- Kananchuk, L.A., & Sorokovikova, I.V. (2016). Sanogenic reflection as a means of improving ethnocultural competence of teachers of preschool educational institutions. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 5(4) 412–416. (In Russ.)
- Karnyshev, A.D. (2008). The intercultural competence in the competence structure of the psychologist. *BSU Bulletin. Education. Personality. Society*, (5), 21–33 (In Russ.)
- Khaybulayev, M.X., Abdurakhmanova, P.D., & Idrisova P.G. (2018). Analysis of approaches to the definition of intercultural competence. *The World of Science, Culture and Education*, (4), 537–539 (In Russ.)
- Kinasov, P.R. (Ed.). (2014). *Etnopsixologicheskie Osobennosti kak Odin iz Vedushhix Faktorov Okazaniya Effektivnoj Ekstrennoj Psikhologicheskoy Pomoshhi Lichtsam Razlichnyx Etnicheskix Grupp Severnogo Kavkaza. Conference Proceedings*. Pyatigorsk. (In Russ.)
- Koroleva, G.M. (2011). The development of ethno-cultural competence of teachers in contemporary social and cultural environment. *Fundamental research*, 8(2), 280–283. (In Russ.)
- Kovalyova, M.I. (2015). The development of intercultural communicative competence of future specialists. *Territory development*, (2), 18–21 (In Russ.)
- Kozlova, A.V. (2016). The essential characteristics of the intercultural communicative competence of students. *The World of Science, Culture and Education*, 5(60), 147–149. (In Russ.)
- Lebedeva, N.M., & Tatarko, A.N. (Eds.). (2009). *Strategii Mezhkulturnogo Vzaimodejstviya Migrantov i Naseleniya Rossii*. Moscow: RUDN University Publ. (In Russ.)
- Lebedeva, N.M., Luneva, O.V., Stefanenko, T.G. (2004). *Trening Etnicheskoi Tolerantnosti dlya Shkolnikov*. Moscow: Privet Publ. (In Russ.)
- Ledogar, R.J., & Fleming, J. (2008). Social capital and resilience: A review of concepts and selected literature relevant to aboriginal youth resilience research. *Pimatisiwin*, 6(2), 25–46.
- Mikhailova, V.V., & Nadkin, V.B. (2016). Ethno-confessional identity and complementarity in the Republic of Sakha (Yakutia). *Psychology in Russia: State of the Art*, 9(1), 74–83.
- Milovanova, E.S. (2011). *Formirovanie Etnokulturnoj Kompetentnosti Bakalavrov Socialnoj Raboty v Processe Professionalnoj Podgotovki v Vuze*. Ph.D. in Psychology Thesis. Stavropol. (In Russ.)
- Minigalieva (Arpentieva), M.R. (2014). Mutual understanding in consultative conversation: ethnocultural traits and strategies. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 20(2), 45–49 (In Russ.)
- Pedersen, P. (1991). Multiculturalism as a generic approach to counseling. *Journal of Counseling and Development*, 70(1), 6–12.

- Pedersen, P., & Ivey, A. (1993). *Culture-Centered Counseling and Interviewing Skills: A Practical Guide*. Westport, CT: Praeger.
- Pedersen, P. (1994). Multicultural counseling. In R.W. Brislin, & T. Yoshida (Eds.), *Improving Intercultural Interactions* (pp. 221–240). Newbury Park, CA: Sage.
- Pochebut, L.G. (2012). Teoriya Mezhekulturnoj Kommunikativnoj Kompetentnosti. *Naukovi Praci. Socziologiya*, (172), 14–18. (In Russ.)
- Ryzhova, S.V. (2015). Ethnoconfessional identity and the formation of religious and political orientations. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (10), 136–144. (In Russ.)
- Sadokhin, A.P. (2007). Intercultural Competence: its Definition, Structure and Formation. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 10(1), 125–139. (In Russ.)
- Semenova, N.B., & Martynova, T.F. (2012). An analysis of completed suicides among children and adolescents in Sakha Republic (Yakutia). *Siberian Journal of Psychiatry and Addiction Psychiatry*, (2), 42–45. (In Russ.)
- Semenova, N.B., Ramenskaya, T.P., Dolgushina, E.E., & Martynova, T.F. (2013). *Diagnostika Emocionalnogo Sostoyaniya Uchashchikhsya v Obshheobrazovatelnykh Uchrezhdeniyakh Respubliki Sakha (Yakutiya)*. Krasnoyarsk. (In Russ.)
- Sokolova, K.L. (2016). Core components of models of ethnocultural competence proposed by foreign researchers. *The World of Science, Culture and Education*, (5), 250–253. (In Russ.)
- Stefanenko, T.G. (2006). *Etnopsikhologiya: Praktikum*. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russ.)
- Stefanenko, T.G. (2014). *Ethnopsychology*. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russ.)
- Stefanenko, T.G., & Kupavskaya, A.S. (2010). Ethno-cultural competence as a component of competence in communication. *Psychology in Russia: State of the Art*, (3), 550–564.
- Sue, D.W., & Sue, D. (1999). *Counseling the Culturally Different*. New York: Wiley.
- Sue, D.W. (2001). Multidimensional Facets of Cultural Competence. *The Counseling Psychologist*, 29(6), 787–789.
- Sue, S. (1998). In search of cultural competence in psychotherapy and counseling. *American Psychologist*, 53(4), 440–448.
- Terekhova, T.A., & Bolshakova, O.B. (2011). Intercultural competence concepts of Russian scientists. *Psychology in Economics and Management*, (1), 93–105. (In Russ.)
- Trofimova, E.L., & Cheremukhina, K.S. (2017). Cross-cultural competence as a necessary constituent of professional training lawyers. *Baikal Research Journal*, 8(2), 35. [http://dx.doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8\(2\).35](http://dx.doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8(2).35) (In Russ.)
- UNESCO. (2013). *Intercultural Competences: Conceptual and Operational Framework*. Paris: UNESCO.
- Vasyagina, N.N., Eromasova, A.A., Kutbiddinov, R.A., & Sergeyeva, N.N. (2019). Ethno-cultural competence of educational psychologists. *European Proceedings of Social & Behavioral Sciences EpSBS. PSYRGGU 2019: Psychology of Subculture: Phenomenology and Contemporary Tendencies of Development* (pp. 775–762). UK: Future Academy.
- Zaviska, J. (2006). Etika polevoi raboty v etnografii. *Forum for Anthropology and Culture*, (5), 169–192. (In Russ.)
- Zhilyaeva, M.S. (2017). Ethno-cultural competence as an element of political competence in the regional social policy. *Transbaikal State University Journal*, 23(10), 46–52. (In Russ.)
- Zhilyaeva, M.S. (2018). Ethno-cultural competence of future specialists in the social sphere: dynamics of the communicative component. *Transbaikal State University Journal*, 24(3), 63–71. (In Russ.)
- Zhilyaeva, M.S. (2011). *Razvitie Etnokulturnoj Kompetentnosti Budushchikh Specialistov Socialnoj Sfery*. Ph.D. in Psychology Thesis. Tambov: Tambov State University. (In Russ.)

Article history:

Received: 23 December 2019

Revised: 24 January 2020

Accepted: 25 January 2020

For citation:

Melnikova, N.M. (2020). Intercultural Competence of Psychologists: Problems and Prospects of Study and Development. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(1), 79–100. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-79-100>

Bio note:

Nadezhda M. Melnikova, Ph.D. in Psychology, is Associate Professor of Management Department, Institute of Economic and Financial, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia). ORCID iD: 0000-0002-7405-1543, eLIBRARY SPIN-code: 8271-8219. E-mail: shpresamel@yandex.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-1-101-127
УДК 159.923

Исследовательская статья

Этническая идентичность русских женщин в межэтнических браках и ее связь с привязанностью к супругу и сепарацией от родителей

Е.Ю. Чеботарева^{1,3}, М.А. Кони́на², А.С. Руденко³¹Московский государственный психолого-педагогический университет
*Российская Федерация, 127051, Москва, ул. Сретенка, 29*²Проект Psypublic.com*Российская Федерация, 119517, Москва, ул. Нежинская, 13*³Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Аннотация. Проведено сравнительное исследование типов этнической идентичности во взаимосвязи со стилями привязанности в паре и сепарации от родительской семьи женщин, состоящих в межкультурных и монокультурных браках. Основная выборка состояла из 198 русских женщин в возрасте от 21 до 55 лет ($M = 36,1$), в том числе 84 женщины состояли в браке с представителем своей культуры и проживали в России, 114 – состояли в браке с представителями титульной национальности одной из шести европейских стран и проживали в стране мужа. Применялись следующие методики: «Мульти-опросник измерения романтической привязанности у взрослых – MIMARA» (в адаптации Т.Л. Крюковой, О.А. Екимчик), «Опросник привязанности к близким людям» Н.В. Сабельниковой, Д.В. Каширского, «Опросник психологической сепарации» Дж. Хоффмана (адаптация Т.Ю. Садовниковой, В.П. Дзукаевой), методика диагностики типов этнической идентичности Г.У. Солдатовой, С.В. Рыжовой. В целом результаты исследования показали, что у женщин в межэтнических браках, живущих в инокультурном окружении, отношения привязанности как с родителями, так и с супругом, более надежны и позитивны, а стиль этнической идентичности более экстремален и связан с внутренней конфликтностью. У женщин из межкультурных браков выявлены особенности этнической идентичности в зависимости от стажа брака. Показано, что стиль этнической идентичности связан с отношениями привязанности: у женщин в моноэтническом браке, проживающих в родной стране, он в большей степени связан с сепарацией от родителей, а у женщин в межэтническом браке, живущих в чужой стране, – с привязанностью к мужу. В обоих случаях позитивная этническая идентичность связана с ненадежной привязанностью к партнеру и зависимостью от партнера и родителей, а экстремальные формы этнической идентичности – с надежной привязанностью и личностной автономией в отношениях. Результаты данного исследования позволяют специалистам точнее учитывать специфическую социальную ситуацию межэтнических пар в ходе психологической, социальной и прочей помощи таким парам, вырабатывать конструктивные способы обсуждения и поддержания культурных различий в паре.

Ключевые слова: тип этнической идентичности, стиль привязанности, романтическая привязанность, психологическая сепарация, сепарация от родительской семьи, межэтнический брак, межкультурный брак

© Чеботарева Е.Ю., Кони́на М.А., Руденко А.С., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Введение

Процессы интернационализации, происходящие в самых разных сферах современной жизни, усиление международной мобильности, развитие коммуникационных технологий приводят к увеличению числа межкультурных браков в России (Хачатрян, Чадова, 2016) и в мире (Heikkilä, Rauhut, 2015). Рост распространенности межкультурных браков, соответственно, меняет как отношение общества к таким бракам (Shenhav et al., 2017; Хачатрян, Чадова, 2016), так и характер взаимодействия членов межкультурных семей с их социальным окружением, стратегии аккультурации тех партнеров, которые живут в инокультурном окружении (Chebotareva, 2015).

Одним из наиболее часто упоминаемых факторов, способствующих благополучию межкультурных браков, является позитивная этническая идентичность супругов и позитивное отношение к культуре партнера (Killian, 2002; Yodanis et al., 2017; Хачатрян, Чадова, 2016).

Этнос в науке понимается как социально конструируемый концепт, содержание которого меняется со временем и зависит от референтной группы (Cokley, 2007). Каждый человек сам конструирует свой этнический статус в межэтнических отношениях (Brummett, Steuber, 2015). Основываясь на исследованиях Т.Г. Стефаненко, этническую идентичность мы рассматриваем как социальный конструкт, «результат эмоционально окрашенного когнитивного процесса идентификации/дифференциации, переживания отношений Я и этнической среды» (Стефаненко, 1999. С. 8). Т.Г. Стефаненко утверждала, что в ситуациях, когда человек воспринимает ситуацию в обществе как нестабильную, его позитивная этническая идентичность может разрушаться, вместо нее может формироваться негативная этническая идентичность. Было показано, что в полиэтнической среде возможно конструирование как моноэтнической идентичности со своей этнической группой по происхождению, так и моноэтнической идентичности с чужой этнической группой либо конструирование биэтнической идентичности, характеризующейся ощущением своей тождественности с двумя этническими группами. То есть, предполагается, что в инокультурном окружении у индивидов актуализируются процессы этнической идентификации, которые могут сопровождаться внутренними конфликтами (Стефаненко, 1999. С. 8).

А.А. Малкова показала, что этническая идентичность женщины в межэтническом браке испытывает существенную нагрузку, что может приводить к ее трансформации и вынужденному изменению в сторону принятия значимых элементов этнической культуры ее партнера. Однако А.А. Малкова также пишет, что на каждой новой стадии развития межкультурной семьи происходит частичная трансформация, адаптация и синтез традиционных и актуальных оснований для идентификации. Новые элементы этнической идентичности не просто заменяют старые, но сосуществуют, образуя все более сложные системы. В результате такого процесса идентификации люди живут одновременно в двух или нескольких системах этнонациональных координат (Малкова, 2017).

То, как происходят процессы аккультурации в межкультурной паре, оказывает влияние на удовлетворенность жизнью обоих партнеров. В частно-

сти, воспринимаемая дискриминация одного из членов межкультурной пары приводит к снижению удовлетворенности жизнью обоих партнеров. Но, как обнаружили авторы, большая эмоциональная близость между партнерами в межкультурных парах повышает их удовлетворенность жизнью (Novara et al., 2019). Однако другие исследования показывают, что в зависимости от окружающей культуры и от субъективного восприятия культурной дистанции иностранные супруги в межкультурных браках в основном в большей степени полагаются на своего партнера, принадлежащего к местной культуре, в реализации своих жизненных целей из-за их собственной низкой социальной компетентности в инокультурном окружении. Таким образом, отношения в паре становятся чрезмерно зависимыми (Чеботарева, Джабер, 2017). Иностранные партнеры стремятся внести больший вклад в семейные отношения, ожидая от своего местного партнера большего вклада в свою и их общую жизнь в целом. Эти данные подтверждаются и эмпирическими данными на примере межэтнических адыго-русских браков, свидетельствующими о большей интернальности людей, состоящих в межэтнических браках, по сравнению с моноэтническими (Делова, 2016).

Иногда межэтнические интимные отношения считаются индикатором процессов ассимиляции или ослабления культурных границ между различными группами (Alba, Nee, 2009). Но нельзя недооценивать важность культурных различий. Знания о механизмах романтических отношений, сформированные преимущественно в исследованиях западной культуры, соответствующие установки и ожидания в отношении нормативного поведения могут быть не всегда применимы к представителям других культур из-за различий в ценностях и опыте, что может способствовать формированию предубеждений в отношении представителей других культур, а следовательно, затруднять не только построение семейных отношений, но и практику психологической помощи (Zaker, Boostanipoor, 2016).

Современные исследователи межкультурных семей и практики, оказывающие помощь таким семьям, говорят о важности системного видения, учета более широкого социокультурного контекста, подчеркивая особую важность взаимоотношений членов межкультурных семей с социальными группами, представляющими культуру происхождения и принимающую культуру, отношение к своей культуре и культуре партнера, культурную идентичность и пр. (Maunigo, 2017).

В научной литературе можно встретить противоречащие друг другу данные о том, какое влияние оказывает фактор межэтничности на качество супружеских отношений (Chebotareva, Jaber, 2017; Feeney, 2016; Heaton, 2002; Model, Fisher, 2002; Myers, 2006; Troy, Lewis-Smith, 2006; Чеботарева, 2018). Это обстоятельство показывает важность исследований качества отношений в межэтнических парах с учетом различных объективных и субъективных факторов, а также важность применения различных психологических концепций для понимания характера взаимоотношений в межэтнических парах.

В современных исследованиях можно выделить несколько подходов, объясняющих качество взаимоотношений в межкультурных семьях.

В работах McElroy-Heltzel с соавторами гипотеза социальных связей применяется для объяснения приверженности отношениям и удовлетворенности отношениями в межкультурных парах. Согласно этим данным, имеется связь воспринимаемой каждым из супругов степени их приспособления к культуре друг друга и качеством отношений в паре, в том числе проявляющимся в снижении неконструктивных конфликтов на основе культурных различий (McElroy-Heltzel et al., 2018).

Инвестиционная модель обязательств Rusbult (1983) объясняет, почему межрасовые отношения отличаются меньшей стабильностью, по сравнению с внутрисрасовыми (Zhang, Van Hook, 2009). Авторы обнаружили, что опыт маргинализации (Killian, 2002) и социального неодобрения, характерный для межрасовых пар, приводит к уменьшению инвестиций партнеров в отношения и, соответственно, к снижению их приверженности отношениям (Lehmiller, Agnew, 2006).

В свою очередь, модель приверженности, основанная на теории взаимозависимости Kelley и Thibaut (1978), утверждает, что уровень приверженности в отношениях зависит от степени удовлетворенности партнера текущими отношениями и восприятиями альтернатив. Rusbult с соавторами (1998) утверждали, что удовлетворенность текущими отношениями является предиктором того, что партнеры воспринимают альтернативы как худшие варианты, а значит, более привержены текущим отношениям (Chebotareva, 2017; Rusbult et al., 1998). Предполагается, что партнеры в маргинальных отношениях «компенсируют» негативное социальное влияние, либо более позитивно воспринимая текущие отношения, либо более негативно оценивая качество альтернатив.

Таким образом, для понимания механизмов построения взаимоотношений в межэтнических парах важно изучение стилей этнической идентичности супругов, то есть того, как во взаимодействии с новой культурой конструируется новая этническая идентичность, какое отношение к собственной этничности и этносу партнера формируется.

Большинство имеющихся на данный момент исследований межкультурных пар нацелены на выявление факторов удовлетворенности браком, супружеской адаптации. Однако удовлетворенность браком, в свою очередь, также оказывает влияние на супружеское взаимодействие (Rusbult et al., 1998). Соответственно, важно изучать не только общие показатели удовлетворенности, но и отдельные характеристики супружеских отношений.

В последние десятилетия активно развивается концепция стилей привязанности во взрослых романтических отношениях (Fraley, 2002; Hazan, Shaver, 1987; Mikulincer et al., 2002;). Эта концепция базируется на теории привязанности ребенка к родителю Дж. Боулби и М. Эйнсворт (Ainsworth, 1978), согласно которой, надежная привязанность ребенка к родительской фигуре определяет его способность устанавливать и поддерживать стойкие эмоциональные связи со значимыми людьми в детстве, а также способствует развитию его общей социальной компетентности во взрослом возрасте (Coble, Gantt, Mallinckrodt, 1996). Позже было доказано, что паттерны романтических отношений взрослых людей сопоставимы с типом привязанности к

родителю (Hazan, Shaver, 1987 и др.). Обнаружено также, что стиль привязанности определяет выбор романтического партнера: люди далеко не всегда выбирают романтических партнеров с надежной привязанностью, предпочитая отношения с теми, кто подкрепляет их устойчивые убеждения об отношениях привязанности, точнее, не вступающие в противоречие с их рабочими моделями себя и других (Fraley, 2000). Была разработана двухфакторная модель привязанности взрослых, в которой стили привязанности определяются сочетанием степени беспокойства (страха отвержения) по поводу отношений привязанности и степени избегания отношений привязанности (дискомфорта от близости). Слабая степень выраженности обоих показателей в этой модели соответствует надежному стилю привязанности, высокая – избегающе-опасающемуся, сочетание высокой степени избегания с низким беспокойством относится к избегающе-отвергающему (отстраненному) стилю, сочетание высокого беспокойства с низким избеганием – к тревожно-озабоченному (зависимому) стилю (Brennan, Shaver, 1995).

Исследования, направленные на изучение эффективности психотерапии отношений в паре показали, что работа с различными сторонами привязанности партнеров повышает степень их удовлетворенности отношениями, снижает уровень напряженности и конфликтности (Wiebe, Johnson, 2017; Бриш, 2014).

Однако, несмотря на активную разработку теории привязанности в романтических отношениях, в исследованиях межкультурных браков она до сих пор почти не используется. Имеются исследования, показывающие, что распределения показателей привязанности различаются в зависимости от культуры, страны происхождения, этнической принадлежности, религиозной ориентации и т. д. (Agishtein, Brumbaugh, 2013). Также обнаружено, что культура влияет на практику воспитания детей и интерпретацию детьми этих практик, что, в свою очередь, может влиять на последующее развитие, связанное с функционированием привязанности (например, эмоциональная экспрессия и отзывчивость), в том числе в контексте романтических отношений (Tolentino, 2016).

Мы считаем, что исследование характеристик привязанности в межкультурных парах позволит лучше понять характер их взаимоотношений и паттерны построения этих отношений.

Характер взаимоотношений в паре определяется не только ранним опытом детско-родительских отношений, проявляющемся в стиле привязанности, но и тем, как развиваются отношения человека с его родителями в течение всей жизни. Исследования показывают, что чем более эмоционально близкие и надежные связи с родителями у подростка, тем больше у него психологических ресурсов для психологической сепарации от родителей и индивидуации, развития собственной идентичности и психологической автономии (Coble, Gantt, Mallinckrodt, 1996; Kenny, Donaldson, 1991). Баланс привязанности к родителям и независимости от них – главный фактор успешной социальной адаптации человека (Franz, White, 1985; Josselson, 1988). Способность взрослого человека строить надежные эмоциональные отношения в значительной степени зависит от уровня его личной зрелости, самостоя-

тельности и эмоциональной независимости от родительской семьи. То есть, для благополучных отношений взрослого человека важно, чтобы произошла психологическая сепарация от родительской семьи, но при этом сохранились позитивные эмоциональные связи с семьей (Doctors, 2000; Hoffman, 1984).

В модели психологической сепарации Дж. Хоффмана выделяется четыре аспекта (компонента) сепарации: конфликтологическая независимость (отсутствие внутренних конфликтов в ситуациях противоречий с родителями); аттитудная (когнитивная) независимость (независимость убеждений от установок родителей); эмоциональная независимость (независимость от родительского одобрения и эмоциональной поддержки родителей); функциональная (поведенческая) независимость (самостоятельность в решениях и действиях). Каждый из этих компонентов анализируется отдельно для отца и матери (Hoffman, 1984). Эта модель, разработанная изначально для изучения сепарации от родителей в подростковом возрасте, впоследствии доказала свою эффективность и при изучении сепарации от родителей во взрослом возрасте. Было доказано влияние сепарации от родителей на текущие романтические отношения взрослого человека (Josselson, 1988; Saraiva, Matos, 2012). Сепарация от родительской семьи остается важным фактором удовлетворенности браком и психологического благополучия и в зрелом возрасте, поддержка родителей может облегчать переживания кризисов в супружеских отношениях (Чеботарева, Королева, 2019).

Взаимосвязи сепарации от родительской семьи и супружеских отношений в межкультурных браках также изучены слабо. Например, имеются данные о том, что подростки, встречающиеся с представителями других культур, характеризуют свои отношения с родителями как менее благоприятные, по сравнению с теми, кто встречается с представителями своей культуры; а также такие подростки отличаются более высоким уровнем депрессии (Tillman, Miller, 2017). Это подтверждает наши предположения о том, что при неблагоприятных детско-родительских отношениях партнер из другой культуры может восприниматься как «агент сепарации».

Т.Ю. Садовникова, В.П. Дзукаева (2014) выявили особенности процесса индивидуации/сепарации в юношеском возрасте в зависимости от типа культуры. С.В. Кучеренко и М.Л. Стальмакова (2018) в обзоре исследований супружеских отношений в межэтнических браках упоминают, что более низкое качество отношений, по сравнению с моноэтническими браками, связывается в том числе и с более слабой поддержкой со стороны родителей.

Так как межкультурные браки могут рассматриваться, с одной стороны, как требующие высокого уровня личной зрелости и самостоятельности, и, с другой стороны, как «сепарационные браки», то есть как попытки использовать другую культуру для изменения паттернов интимных отношений, усвоенных в родительской семье, мы считаем важным исследовать проблему психологической сепарации в межкультурных парах.

В целом развитие супружеских отношений можно рассматривать как параллельные и тесно взаимосвязанные процессы развития отношений привязанности (в том числе адаптации паттернов отношений, усвоенных в детско-родительских отношениях, к супружеским отношениям) и перестройки

отношений с родителями от зависимости к балансу автономии и эмоциональной близости (сепарации), а также как отделение от родительской семьи и установление все большей близости с партнером. В межкультурных семьях важными элементами таких многосторонних отношений становятся родная культура и культура партнера. А поиск баланса между идентификацией себя с обеими культурами – важной задачей в этом сложном процессе построения новой идентичности и развитии отношений привязанности. Такой системный взгляд на проблему нам представляется перспективным для исследования межкультурных супружеских взаимоотношений, позволяющим точнее учитывать более широкий социальный контекст семейной ситуации (Чоботарева, Варга, Чекалина, 2018; Feeney, 2016; Hazan, Shaver, 1987).

Программа эмпирического исследования

Целью данного эмпирического исследования было выявление особенностей отношений привязанности женщин, состоящих в межкультурных браках, во взаимосвязи с их стилем этнической идентичности. Поскольку в силу гендерных стереотипов, в межкультурных браках женщины в большей степени приспосабливаются к традициям и нормам культуры своего партнера, чем мужчины, их этническая идентичность и установки к семейной жизни испытывают большее давление (Малкова, 2017), мы решили в данном исследовании сосредоточиться на женщинах, состоящих в межэтнических браках и проживающих в родной стране своего мужа. На основании вышеизложенных теоретических данных мы предположили, что стиль этнической идентичности этих женщин будет отличаться от позитивного, а также будет более противоречивым, чем у женщин, состоящих в монокультурных браках. Так как мы считаем (на основе наблюдений в психотерапевтической практике), что одним из распространенных мотивов межкультурного брака является сепарация от родительской семьи, то предположили, что степень сепарации от родительской семьи у этих женщин будет выше и, соответственно (исходя из изложенных ранее теорий), стиль привязанности к партнеру будет более надежным, чем у женщин в монокультурных браках. Также предполагается, что привязанность к партнеру женщин, состоящих в межкультурных браках, в большей степени связана с характеристиками этнической идентичности женщин, чем в монокультурных браках. Для проверки этих *гипотез* мы провели сравнительное исследование стилей этнической идентичности во взаимосвязи со стилями привязанности и сепарации от родительской семьи русских женщин, состоящих в межкультурных и монокультурных браках.

Выборка. В основном этапе исследования приняли участие 84 этнически русские женщины в возрасте от 23 до 55 лет ($M = 36,1$; $SD = 7,9$), состоящих в браке с представителем своей или близкой культуры не менее года ($M = 9,2$; $SD = 6,6$) и проживающие в России, а также 114 русских женщин в возрасте от 21 до 55 лет ($M = 35,7$; $SD = 7,7$), состоящих в браке не менее года ($M = 6,7$; $SD = 4,7$) с представителем титульной национальности одной из шести европейских стран: Германии, Нидерландов, Испании, Италии, Португалии, Франции и проживающих в стране мужа. Две группы респондентов были выровнены по параметрам возраста, уровня образования, наличия ра-

боты у женщины и мужа, проценту зарегистрированных и незарегистрированных браков, наличию детей, самооценке уровня материального благополучия и пр. По социально-демографическим характеристикам группы отличаются тем, что в группе межкультурных браков возраст супругов был старше, чем в монокультурной группе, а уровни должности и средняя продолжительность рабочей недели у женщин в межкультурных браках были ниже.

Для формирования выровненных выборок изначально было опрошено большее число респондентов. Это позволило на одном из этапов исследования привлечь выборку из 286 женщин, состоящих в межкультурных браках, для сравнительного анализ подгрупп, различающихся по стажу брака.

Методики. Для оценки характеристик привязанности применялся «Мульти-опросник измерения романтической привязанности у взрослых (MIMARA)» (Brennan, Shaver, 1995) в адаптации Т.Л. Крюковой и О.А. Екимчик (Kryukova, Ekimchik, 2016), «Опросник привязанности к близким людям» Н.В. Сабельниковой, Д.В. Каширского (2015), являющийся русскоязычной адаптацией методики «Опыт близких отношений» К. Бреннан и Р.К. Фрейли (Gaines, Brennan, 2001). Опросник «MIMARA (Multi-Item Measure of Adult Romantic Attachment)» направлен на оценку характеристик романтической привязанности взрослых. Он состоит из 70 утверждений, с которыми респондентам предлагается выразить степень своего согласия по 7-балльной ликертовской шкале. Все утверждения распределяются по 7 шкалам, характеризующим степень выраженности различных аспектов привязанности к романтическому партнеру: фрустрации в отношениях, стремления к близости, самоподдержки, амбивалентности чувств, доверия, ревности/страха быть оставленным, стремления к «слиянию» с партнером. По каждой шкале вычисляется среднее арифметическое ответов. Максимальный балл по шкале – 7.

Опросник привязанности к близким людям Н.В. Сабельниковой и Д.В. Каширского направлен на изучение стиля эмоциональной привязанности к близким людям, он оценивает два основных измерения: степень беспокойства об отношениях и степень выраженности стремления к избеганию близости. Респондентам предлагается выразить степень согласия с 30 утверждениями, используя 7-балльную ликертовскую шкалу. По каждой шкале подсчитывается сумма баллов, максимально возможный балл – 105.

«Опросник психологической сепарации (PSI)» Дж. Хоффмана (Hoffman, 1984) в адаптации В.П. Дзукаевой и Т.Ю. Садовниковой (2014) применялся для оценки степени выраженности различных, выделяемых в теории Дж. Хоффмана, аспектов сепарации, то есть степени сепарированности респондента от отца и от матери. Опросник состоит из двух комплектов утверждений (по 62 пункта в каждом), описывающих разные виды взаимоотношений с каждым из родителей. Предлагается оценить степень согласия с утверждениями, используя 5-балльную шкалу Ликерта. Данные анализировались для каждого родителя по 4 шкалам: стиль сепарации (конфликтологическая независимость), аффективная, когнитивная и поведенческая независимость. Показатели рассчитываются по формулам в соответствии с инструкцией. Максимальный балл по каждой шкале – 4. Высокие баллы по шкале отражают высокую степень психологической независимости от родителей. Из-

начально методика разработана для подростков, но имеется опыт ее применения для людей среднего возраста (Josselson, 1988; Saraiva, Matos, 2012).

Методика диагностики типов этнической идентичности Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой (Солдатова, 1998) применялась для оценки степени выраженности различных типов этнической идентичности, располагающихся в широком диапазоне шкалы этноцентризма: этнонигилизм, этноиндифферентность, позитивная этническая идентичность, этноэгоизм, этноизоляция, этнофанатизм. Опросник состоит из 30 суждений по вопросам межэтнических отношений, к которым предлагается выразить отношение по 5-балльной шкале Ликерта. По каждой шкале баллы суммируются, интервал баллов по шкале: 0–20.

Для статистической обработки использовались методы описательной статистики, *U*-критерий Манна – Уитни, ранговый корреляционный анализ Спирмена.

Результаты исследования и их обсуждение

Этническая идентичность женщин, состоящих в межкультурных и монокультурных браках

Средние показатели этнической идентичности женщин, состоящих в межкультурных и монокультурных браках, а также данные о статистической значимости различий представлены в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Степень выраженности типов этнической идентичности (ЭИ) женщин, состоящих в моноэтнических и межэтнических браках
[The severity of ethnic identity types of women in mono-ethnic and interethnic marriages]

Типы этнической идентичности	Средние значения				Значимость различий	
	Моноэтнические браки (n = 84)		Межэтнические браки (n = 114)		U	p
	M	SD	M	SD		
Этнонигилизм	9,791	4,52	16,28	3,33	1276,00	0,000
Этноиндифферентность	18,21	3,17	8,41	3,91	307,00	0,000
Позитивная этническая идентичность	21,45	3,71	4,18	2,67	48,00	0,000
Этноэгоизм	10,75	4,40	17,38	2,59	1002,50	0,000
Этноизоляция	9,02	4,19	17,42	2,51	530,50	0,000
Этнофанатизм	11,39	4,38	16,54	3,04	3364,50	0,000

Как видно из табл. 1, существенные различия между группами выявлены по всем типам этнической идентичности. При этом женщины, состоящие в межэтнических браках, отличаются более низким уровнем позитивной этнической идентичности и этноиндифферентности. Понятно, что строя семью с представителем другой культуры и живя в инокультурном окружении, эти женщины не могут игнорировать роль этнической принадлежности в их жизни и взаимоотношениях. Снижение уровня позитивной этнической идентичности (то есть способности позитивно воспринимать и свою этническую группу, и другие, принимать свою этничность) мы связываем, во-первых, с тем, что эти женщины предпочли для создания семьи партнера из другой культуры, а также с общей напряженностью темы этничности в межэтническом браке.

Также в этой группе отмечается более высокий уровень обоих экстремальных типов этнической идентичности: как гипер-, так и гипотэтичности. Что также отражает в целом неблагоприятный ход межкультурной адаптации, высокую значимость вопросов этничности, эмоциональную напряженность женщин в связи с этим вопросом.

Мы предположили, что полученные результаты могут объясняться *этапом адаптации респондентов* к своей новой социальной роли и инокультурному окружению. Для проверки этой дополнительной гипотезы вся выборка женщин, состоящих в межкультурном браке, полученная до выравнивания с подвыборкой женщин из монокультурных браков (286 чел.), была разделена на подгруппы в зависимости от стажа брака:

1) стаж 1–5 лет, средний стаж отношений – 4 года, стаж пребывания в стране 2,5 лет (94 человека);

2) стаж 5–10 лет, средний стаж отношений – 6,1 лет, стаж пребывания в стране – 7,0 лет (121 чел.);

3) стаж более 10 лет, средний стаж отношений – 11,8 лет, стаж пребывания в стране – 17,8 лет (71 чел.).

Сравнительный анализ выделенных групп показал статистически значимые различия только по отдельным параметрам этноидентичности. Основные различия проявляются в уровне *этноизоляционизма*, отражающего убежденность в превосходстве своего этноса, и в том числе негативное отношение к межэтническим бракам. В группе молодых супругов этот показатель средний ($M = 17, 24$), в группе со средним стажем – самый высокий (17,92), в группе со стажем более 10 лет – самый низкий (17,1). Статистически значимы различия между 1-й и 2-й ($p = 0,04$) и 2-й и 3-й ($p = 0,02$) группами. То есть в межкультурных браках у женщин, проживающих в странах своих мужей, на средних этапах брака увеличивается этноизоляционизм, который на более поздних стадиях брака снижается даже ниже первоначального уровня. Мы предполагаем, что это может быть связано как с прохождением этапов жизненного цикла семьи, так и с этапами аккультурации. В обоих случаях первые этапы увлеченности, оптимизма и т.п. сменяются неизбежными проблемами, противоречиями, иногда разочарованиями. Возможно, примерно в этот период супруги переживают культурный шок (Триандис, 2007. С. 69). Видимо, на этом фоне супруги приписывают причины разногласий наиболее внешне очевидному различию – этнической принадлежности, начинают видеть не только преимущества, но и недостатки новой культуры. А на следующих этапах принимают все выявленные различия. Эти идеи отчасти подтверждаются и различиями в уровне позитивной идентичности. Хотя по этому показателю нет статистически значимых различий, можно проследить, что позитивные установки в отношении своего и иного этноса несколько снижаются на втором этапе и увеличиваются на третьем. Однако, так как исследование динамики этноидентичности не входило в задачи данного проекта, мы можем по этому поводу только строить предположения. Для проверки данных гипотез необходимо проводить дополнительные исследования, специально формируя выборку для этих целей.

Между 2-й и 3-й группами также были выявлены статистически значимые различия по уровню *этноиндифферентности*, то есть по степени размывания этнической идентичности, ее неопределенности, неактуальности этничности. Во 2-й группе этот показатель ($M = 7,5$) выше, чем в 3-й ($M = 8,7$) ($p = 0,02$). В 1-й группе этот показатель средний ($M = 7,9$) и значимо не различается с другими группами. Эти результаты вполне согласуются с предыдущими.

По уровню *этнонигилизма*, то есть по степени отстранения от собственной этнической группы и стремлению к установлению связей по другим социальным критериям значимо различаются 1-я ($M = 15,9$) и 3-я ($M = 17,0$) группы ($p = 0,04$). Занимает промежуточное положение 2-я группа ($M = 16,0$) и значимо не отличается от 1-й и 3-й групп. То есть по мере увеличения стажа супружеских отношений у женщин в межкультурных браках увеличивается уровень этнонигилизма. Женщины, состоящие довольно долго в межкультурных браках и живущие в инокультурном окружении, чаще игнорируют этнические особенности (собственные и других людей), в большей степени ориентируются на другие социальные характеристики.

Таким образом, выявлена определенная динамика этнической идентичности женщин, состоящих в межкультурных браках, сходная с динамикой процесса аккультурации. На среднем этапе брака (5–10 лет) их идентичность отличается более радикальными формами, преимущественно этноизоляционизмом, но также высока доля и этноиндифферентности, размывания этничности. На более поздних этапах (более 10 лет стажа) отмечается тенденция к этнонигилизму, то есть игнорированию своих этнических особенностей и этничности окружающих.

Стили привязанности к партнеру женщин, состоящих в межкультурных и монокультурных браках

В табл. 2 представлены средние значения показателей романтической привязанности по двум группам и оценки статистической значимости различий. Как видно из табл. 2, две группы женщин также различаются по большинству показателей привязанности на высоком уровне значимости. По результатам опросника «Опыт близких отношений» обнаружены существенные различия по показателям стремления к избеганию близости в отношениях и беспокойства по поводу отношений (страху отвержения). У женщин, состоящих в межэтнических браках, эти показатели значительно ниже, что говорит о более надежной привязанности к партнеру. Возможно, женщины с более надежным стилем привязанности с большей готовностью создают отношения с представителем другой культуры, легче решаются переехать в чужую страну, строить отношения, основываясь на незнакомых им моделях семейных отношений.

По шкалам методики MIMARA не значимыми оказались только различия в степени доверия партнеру. В обеих группах оно на среднем уровне.

В остальном женщины из межэтнических пар также демонстрируют более надежную привязанность. Они в большей степени, чем женщины из монокультурных семей, стремятся к эмоциональной близости со своим партне-

ром, испытывают меньше фрустрации в романтических отношениях, у них отмечается меньше негативных и амбивалентных эмоций в отношениях, они меньше стремятся дистанцироваться либо эмоционально сливаться со своим партнером, устанавливая зависимые отношения, меньше его ревнуют.

Таблица 2 / Table 2

Особенности романтической привязанности женщин, состоящих в моноэтнических и межэтнических браках («Опросник привязанности к близким людям», MIMARA) [Features of romantic attachment of women in mono-ethnic and interethnic marriages (“Attachment to Close People Inventory”, MIMARA)]

Показатели привязанности	Средние значения				U	p
	Моноэтнические браки (n = 84)		Межэтнические браки (n = 114)			
	M	SD	M	SD		
Избегание	75,62	0,82	30,96	0,88	246,00	0,000
Беспокойство	74,40	0,95	41,43	0,78	827,00	0,000
Фрустрация	4,94	0,84	2,90	0,93	561,50	0,000
Стремление к сближению	2,69	0,95	5,53	0,99	161,50	0,000
Самоподдержка (дистанцирование)	4,19	0,93	3,78	1,01	3546,00	0,002
Амбивалентность	4,95	0,85	2,93	1,00	731,00	0,000
Доверие	4,22	0,79	4,06	0,80	4437,50	0,379
Ревность (страх быть брошенной)	3,97	17,24	3,50	8,99	3364,50	0,000
Срастание границ	4,57	16,58	3,31	15,51	1242,00	0,000

Помимо упомянутого выше предположения о личностных особенностях, связанных с готовностью создавать межкультурные браки, эти результаты можно объяснить межкультурными различиями в стилях привязанности (Agishtein, Brumbaugh, 2013) в сочетании с концепцией социальных связей (McElroy-Heltzel et al., 2018). То есть женщины из монокультурных браков в большей степени придерживаются своей культурной традиции построения отношений. Российская специфика романтической привязанности пока еще не описана достаточно четко, но ряд исследователей (например, Agishtein, Brumbaugh, 2013) говорят о том, что в коллективистских культурах люди склонны к более близкой эмоциональной дистанции в паре, а в индивидуалистических культурах – к большей автономии. Но, кроме того, вся история России на протяжении многих десятилетий не способствовала усвоению детьми моделей надежной привязанности в родительских семьях в нескольких поколениях (социальные травмы, изолированность мужчин от семьи, стратегии выживания и т. п.). Все это вместе способствует формированию культурно-специфических паттернов ненадежной привязанности, сочетающих высокую эмоциональную зависимость от партнера и высокую тревогу в отношениях. Хотя, согласно классической теории, типы привязанности к матери формируются в раннем детстве и далее остаются довольно устойчивыми, в теориях привязанности взрослых утверждается, что привязанность может меняться в течение всей жизни под влиянием важных жизненных событий и отношений со значимыми людьми (Hazan, Shaver, 1987; Gaines, Brennan, 2001). Миграция, брак с представителем другой культуры вполне

могут быть теми жизненными событиями, которые меняют стиль привязанности. Женщины, адаптируясь к новой культуре и создавая собственную семейную субкультуру с представителем другой культуры, вполне могут перестраивать паттерны своего поведения в семейных отношениях.

Для проверки этого предположения мы также провели сравнительный анализ трех групп, различающихся по стажу отношений.

По уровням избегания и беспокойства в отношениях различия между группами с малым и средним стажем отношений не значимы. Между 1-й группой и группой со стажем отношений более 10 лет статистически значимо различие по выраженности тенденции к избеганию ($p = 0,006$), как и между 2-й и 3-й группами ($p = 0,01$). В 1-й группе эта тенденция самая слабая ($M = 31,2$), во 2-й – несколько выше ($M = 31,5$), в 3-й – самая высокая ($M = 35,0$). В общем эти данные вполне согласуются с рядом других исследований о том, что с возрастом и стажем брака у супругов усиливается тенденция к избеганию.

По показателю беспокойства в отношениях отмечается небольшой рост беспокойства в средней по стажу группе. В 1-й группе средний уровень ($M = 41,2$), во 2-й группе – несколько ниже ($M = 39,3$), в 3-й – самый высокий ($M = 45,7$), при этом статистически значимы различия между 2-й и 3-й группами ($p = 0,003$). То есть, несмотря на предполагаемый культурный шок, в среднем периоде межкультурного брака беспокойство женщин по поводу своих отношений несколько снижается. С учетом данных по показателю избегания, возможно, тревога снижается за счет увеличения дистанции с супругом, чему также может способствовать адаптация к окружению, приобретение большей социальной автономии.

Сравнительный анализ отдельных аспектов привязанности в группах с разным стажем отношений показал значимые различия между второй и третьей группой по всем переменным, кроме доверия и самоподдержки. Женщины, состоящие в межкультурных отношениях более 10 лет, в меньшей степени стремятся к эмоциональной близости с партнером, в большей степени попадают в межличностную зависимость, переживают фрустрацию, негативные и амбивалентные чувства по поводу отношений, ревность к партнеру ($p =$ от 0,04 до 0,007). Самое больше различие проявляется в уровне фрустрации. В 1-й группе некоторые показатели несколько выше, чем во 2-й, но не статистически значимо. В целом супруги со средним стажем межкультурного брака демонстрируют несколько более надежный стиль привязанности, чем на начальном, а со стажем брака более 10 лет – значительно менее надежный. Эти данные тоже в основном соответствуют общей тенденции, обнаруживаемой в разных исследованиях. Соответственно, данные, показывающие снижение степени надежности привязанности со стажем межкультурного брака, не подтверждает наше предположение о том, что стиль привязанности у женщин этой группы становится более надежным вследствие освоения паттернов новой культуры. Более вероятным оказывается предположение о том, что женщины с более надежным стилем привязанности более склонны вступить в межкультурные браки.

Сепарация от родительской семьи женщин из межкультурных и монокультурных браков

В табл. 3 представлены показатели сепарации от родителей женщин, состоящих в межкультурных и монокультурных браках и оценки статистической значимости различий между этими группами. У женщин из межкультурных пар все показатели сепарации существенно превосходят показатели женщин из монокультурных пар. У женщин в межкультурных браках отмечается гораздо более гармоничный стиль сепарации от обоих родителей, то есть они редко испытывают негативные эмоции в случаях разногласий с родителями, они также в меньшей степени зависят от эмоциональной поддержки родителей, их признания, одобрения. Сильнее всего в двух группах различается поведенческая зависимость от родителей, что, видимо, вполне естественно для женщин, живущих со своими родителями в разных странах.

Таблица 3 / Table 3

**Особенности сепарации от родительской семьи женщин,
состоящих в моноэтнических и межэтнических браках (PSI)
[Features of separation from the parental family of women from
mono-ethnic and interethnic marriages (PSI)]**

Показатели привязанности	Средние значения				U	p
	Моноэтнические браки (n = 84)		Межэтнические браки (n = 114)			
	M	SD	M	SD		
Стиль сепарации от матери	2,35	0,72	3,57	0,72	1252,00	0,000
Стиль сепарации от отца	2,22	0,89	4,09	0,96	805,00	0,000
Аффективная независимость от матери	2,67	0,86	3,36	0,77	2681,00	0,000
Аффективная независимость от отца	2,58	1,14	4,07	1,05	1683,50	0,000
Когнитивная независимость от матери	2,80	0,94	3,27	0,84	3532,00	0,002
Когнитивная независимость от отца	2,85	1,15	3,78	1,17	2898,00	0,000
Поведенческая независимость от матери	2,14	0,82	4,00	0,71	506,00	0,000
Поведенческая независимость от отца	2,00	1,03	4,61	0,69	387,50	0,000

Значимых различий в показателях сепарации от родителей между группами с разным стажем отношений не обнаружено. Эти данные отличаются от данных, полученных в исследовании особенностей сепарации от родительской семьи женщин с разным брачным статусом (Чеботарева, Королева, 2019). В монокультурных браках сепарация от родителей различается у женщин с разным стажем брака и брачным статусом. Это позволяет нам предположить, что для женщин в межкультурном браке отношения с родителями в меньшей степени связаны с их супружескими отношениями.

Связь стиля этнической идентичности с отношениями с близкими людьми женщин, состоящих в межкультурных браках

Для понимания роли стиля этнической идентичности и сепарации от родителей в текущих отношениях с партнером женщин, состоящих в моноэт-

нических и межэтнических браках, был проведен корреляционный анализ методом ранговых корреляций Спирмена. Обнаружен ряд статистически значимых корреляций характеристик романтической привязанности к партнеру как с показателями типа этнической идентичности, так и с показателями сепарации от родителей.

В первую очередь обращает на себя внимание то, что в группе межкультурных браков отмечается гораздо большее число статистически значимых связей между показателями выраженности типов этнической идентичности и привязанности (32 значимые корреляции, $r = 0,21-0,46$), чем в группе моноэтнических браков (6 значимых корреляций, $r = 0,22 = 0,32$), что говорит о более тесной связи стиля этнической идентичности с супружескими отношениями в межкультурных парах. В соотношении сепарации от родителей и привязанности к партнеру ситуация противоположная – в группе межкультурных браков обнаружено 12 ($r = 0,19-0,29$) значимых корреляций, а в группе монокультурных браков – 20 ($r = 0,23-0,44$), что отражает более тесную связь супружеских отношений с отношениями с родителями в монокультурных парах. И, соответственно, большую роль в супружеских отношениях в межкультурных браках этнической идентичности, по сравнению с сепарацией от родителей.

Поскольку объем статьи не позволяет представить здесь таблицы со всеми данными, в табл. 4 представлены наиболее важные – корреляции этнической идентичности и привязанности к партнеру у женщин из межкультурных браков.

Таблица 4 / Table 4

**Корреляции характеристик этнической идентичности
с показателями привязанности у женщин, состоящих в межэтническом браке ($n = 114$)
[Correlation of ethnic identity characteristics with indicators of attachment
in women from interethnic marriages, $n = 114$]**

Показатели привязанности	Типы этнической идентичности					
	Этно-нигилизм	Этноиндифферентность	Позитивная этноидентичность	Этноэгоизм	Этноизоляционизм	Этнофанатизм
Фрустрация	-0,274	0,083	0,462	-0,345	-0,181	-0,127
Стремление к сближению	0,170	-0,132	-0,263	0,213	0,148	0,186
Самоподдержка (дистанцирование)	-0,038	0,015	0,158	-0,070	-0,018	-0,089
Амбивалентность	-0,355	0,161	0,258	-0,316	-0,262	-0,288
Доверие	0,271	-0,252	-0,322	0,251	0,280	0,281
Ревность (страх быть брошенной)	-0,178	0,100	0,251	-0,268	-0,307	-0,239
Срастание границ	-0,177	0,054	0,227	-0,212	-0,173	-0,106
Избегание	-0,155	0,129	0,333	-0,211	-0,167	-0,204
Беспокойство	-0,307	0,081	0,310	-0,306	-0,268	-0,144

Примечание. Полу жирным шрифтом выделены корреляции на уровне значимости $p \leq 0,05$.

Как видно из табл. 4, в этой группе с характеристиками романтической привязанности сильнее всего связаны показатели позитивной этнической

идентичности, этноэгоизма и других показателей гиперидентичности. Эти показатели позитивной идентичности и гиперидентичности противоположным образом взаимодействуют с характеристиками привязанности. Позитивная этническая идентичность прямо связана с показателями ненадежной привязанности и обратно – с показателями надежной. А гиперидентичность – наоборот. Этнонигилизм (как крайняя форма гипоидентичности) обнаруживает корреляции, схожие с гиперидентичностью. То есть в межкультурных браках и инокультурном окружении для поддержания надежных отношений с партнером женщинам необходимо некоторое отклонение от «нормальной» этнической идентичности, преимущественно в сторону усиления значимости собственного этноса. Возможно, создание в семье условий для поддержания культурных традиций женщины, живущей в инокультурном окружении, ассоциируется с хорошим отношением партнера к женщине.

Анализ корреляций в группе женщин из моноэтнических пар обнаружил гораздо меньше статистически значимых связей типов этнической идентичности с характеристиками привязанности к партнеру. В общем экстремальные формы идентичности обратно связаны с показателями ненадежной привязанности, особенно со страхом отвержения.

Итак, приведенный анализ данных показывает, что более жесткие установки в отношении этничности позитивно связаны с надежной привязанностью женщины к партнеру в межэтнической паре. Можно предположить, что установки по поводу этничности связаны с сепарацией от родителей. Однако корреляционный анализ выявил не так много статистически значимых связей. В группе межкультурных браков этих связей меньше (5 значимых корреляций, $r = 0,18-0,32$), чем в группе монокультурных браков (11 значимых корреляций, $r = 0,22-0,32$). То есть стиль этнической идентичности женщин в монокультурных браках в большей степени связан с отношениями с родителями, чем в межкультурных. Общее содержание корреляций в обеих группах сходно. В основном позитивная этническая идентичность обратно связана с показателями благополучной сепарации от родителей, а отклонения в этноидентичности в обе стороны (гипо- и гиперэтничности) связаны с благополучной сепарацией напрямую. Так, женщины, психологически независимые от своих родителей, чаще демонстрируют отклонения от социально желательных установок, видимо, более открыто проявляя свои собственные. В обеих группах в большей степени со стилем этноидентичности связан стиль сепарации (степень ее гармоничности, неконфликтности) и преимущественно – стиль сепарации от матери. При этом для женщин в межкультурных браках он сильнее всего связан с этнонигилизмом, а для женщин в монокультурных браках – с этноэгоизмом. Видимо, благополучная сепарация от родителей в каждой группе проявляет те установки в отношении этничности, которые им более свойственны в зависимости от их социальной ситуации

Заключение

Результаты исследования показали, что у женщин в межэтнических браках, живущих в инокультурном окружении, отношения привязанности как с родителями, так и с супругом более надежны и позитивны, сепарация

от родительской семьи происходит более благополучно, а стиль этнической идентичности более экстремален и связан с внутренней конфликтностью. Это, с одной стороны, отражает продолжающийся процесс адаптации к новой культуре, с другой стороны, возможно, является механизмом сплочения данного вида межэтнических пар.

Динамика этнической идентичности женщин в межкультурных браках в основном воспроизводит кривую аккультурации, то есть на начальных (до 5 лет) и более поздних (более 10) стадиях межкультурного брака стиль этнической идентичности менее экстремален, чем в средний период (5–10 лет брака). Женщины со средним стажем брака более убеждены в превосходстве своего этноса над другими. На более поздних стадиях для женщин в межкультурных браках более характерно отрицание роли этничности в жизни людей. Но, поскольку изучение динамики этнической идентичности не было целью данного исследования, эти результаты являются предварительными и требуют проверки в специально организованном исследовании.

Динамика стиля привязанности к партнеру у женщин в межкультурных браках, в общем, схожа с той, которая отмечается в монокультурных браках в разных культурах. С увеличением стажа брака усиливаются тенденции к увеличению эмоциональной дистанции между партнерами, различные показатели ненадежной привязанности, что не позволяет нам объяснить выявленную более надежную привязанность у женщин этой группы особым статусом их семейного положения (межкультурный брак и инокультурное окружение). В таком случае остается объяснение, что женщины, готовые вступить в брак с представителем другой культуры, изначально отличаются более надежным стилем привязанности.

Характеристики сепарации от родительской семьи у женщин с разным стажем межкультурного брака существенно не различаются, что не согласуется с данными, полученными в исследованиях монокультурных браков. Это позволяет утверждать, в межкультурных браках женщины меньше вовлечены в отношения со своими родителями, эти отношения дальше не развиваются. К сожалению, используемая методика, оценивая степень независимости от родителей в разных сферах, не позволяет оценить степень эмоциональной близости с родителями, то есть насколько действительно произошла перестройка их взаимоотношений; не дифференцирует реальную перестройку отношений и увеличение эмоциональной дистанции (вплоть до эмоционального разрыва). Таким образом, полученные результаты позволяют сделать вывод о большей психологической независимости от родителей женщин в межкультурных браках, о более низкой конфликтности этих отношений, но не о степени психологической зрелости этих отношений. Соответственно, мы не можем утверждать, с чем именно связано отсутствие динамики: с тем, что эти отношения уже с начала брака женщины были достаточно надежными, или с тем, что межкультурный брак женщины увеличил дистанцию в отношениях с родителями и отношения как бы «заморожены». Мы предполагаем, что оба варианта верны, что существуют разные сценарии.

В результате проведенного исследования все выдвинутые гипотезы подтвердились. Доказано, что стиль этнической идентичности тесно связан с от-

ношениями привязанности женщин к супругу. У женщин в моноэтническом браке, проживающих в родной стране, он больше связан с характером сепарации от родителей, а у женщин в межэтническом браке, живущих в чужой стране, – с привязанностью к мужу. В обоих случаях позитивная этническая идентичность связана с ненадежной привязанностью и зависимостью, а экстремальные формы этнической идентичности – с надежной привязанностью и личностной автономией в отношениях. То есть, возможно, в межэтнических парах этнос становится той «аутгруппой», в противостоянии с которой происходит сплочение «ингруппы», то есть супружеской пары. Можно предположить также наличие разных стратегий в зависимости от противопоставления своей пары с родной этнической группой женщины или с этнической группой мужа, являющейся и социальным окружением женщины. Например, одни стратегии приводят к усилению этноизоляционизма, а другие – к усилению этноиндифферентности. Но в данной выборке женщин из межэтнических пар не удалось выделить разные группы, значимо различающиеся по предпочтению гипо- или гиперэтнической идентичности. Большинство женщин этой группы сочетают в себе обе экстремальные тенденции. Возможно, анализ данных явлений на большей выборке позволит прояснить механизмы выявленных взаимосвязей.

Настоящее исследование имеет ряд ограничений, связанных с перспективами дальнейших исследований этой проблемы.

Прежде всего, количественное исследование позволило выделить общие тенденции и выдвинуть ряд новых гипотез о возможных объяснениях выявленных закономерностей. Качественные исследования позволили бы более точно понять механизмы развития этнической идентичности женщин, состоящих в межкультурных браках, и взаимоотношение этой идентичности с отношениями в паре.

Существенным ограничением также является то, что выборка состоит только из женщин. Важно в дальнейшем провести аналогичное исследование на мужской выборке, чтобы вычленить вклады факторов пола и социальной ситуации.

К тому же данная выборка – только один из примеров межкультурных браков. Поэтому выводы, полученные в этом исследовании, следует с осторожностью применять для более широкой популяции. Требуются дальнейшие исследования разных сочетаний культур и характеристик социальной ситуации, чтобы более четко различать вклады разных факторов. В частности, в дальнейшем предполагается проводить аналогичные исследования с участием женщин, состоящих в браке в неевропейских странах, а также проживающих не в стране мужа, а в третьей стране.

Как отмечено выше, данные о динамике изучаемых явлений требуют более тщательной проверки. В частности, важно изучать проявления данных переменных на разных стадиях жизненного цикла семьи, то есть с учетом не только стажа брака, но и возраста детей, важных жизненных событий и т. п.

Мы осознаем, что этническая идентичность и сепарация от родительской семьи – только часть множества психологических факторов, воздействующих на отношения в паре. В дальнейшем следует привлекать и другие фак-

торы, например, уровень личностной зрелости партнеров, личностной автономии, установки по поводу отношений в паре и семейной жизни в целом, жизненные ценности, характер детско-родительских отношений и т. п., и исследовать их взаимосвязи.

Результаты данного исследования позволяют учитывать специфическую социальную ситуацию межэтнических пар в ходе психологической, социальной и прочей помощи таким парам. Понимание механизмов проявления стиля этнической идентичности в супружеских отношениях дает специалистам еще один ориентир для развития их культурной чувствительности (Чеботарева, 2017). В частности, результаты доказывают важность учета стиля этнической идентичности при работе с супружескими отношениями в межкультурной паре. Важно проследивать в каждой конкретной паре, как их представления о своем этносе и этносе партнера встроено в семейное взаимодействие, какими поведенческими паттернами поддерживается этническая идентичность, как это влияет на характер отношений партнеров. Как мы увидели из результатов, позитивная этническая идентичность далеко не всегда способствует более гармоничным супружеским взаимоотношениям, но культурные различия супругов, очевидно, являются полезным ресурсом для развития отношений. Важно выработать конструктивные способы их обсуждения и поддержания.

Изначальное более высокое стремление женщин в межкультурных парах к сближению с партнером важно воплощать в функциональные поведенческие паттерны, которые не приводили бы к чрезмерной эмоциональной зависимости, а в дальнейшем к фрустрации и отдалению. Важно поддерживать у таких женщин оптимальный уровень личностной автономии, в том числе и через развитие их социальных связей в новом окружении.

Список литературы

- Бриш К.Х. *Терапия нарушений привязанности: от теории к практике*. М.: Когито-Центр, 2014. 319 с.
- Делова Л.А. Моно- и межэтническая семья: личностные особенности супругов (экстравертированность – интровертированность) // *Научный альманах*. 2016. Т. 6. № 1. С. 546–548.
- Дзукаева В.П., Садовникова Т.Ю. Опыт использования русскоязычной версии опросника PSI (Psychological Separation Inventory) в изучении сепарации взрослых детей с родителями // *Психологическая диагностика: научно-методический и практический журнал*. 2014. № 3. С. 3–20.
- Кучеренко С.В., Стальмакова М.Л. Методологические основы исследования взаимоотношений супругов в межэтнических браках // *Гуманитарные науки*. 2018. № 4 (44). С. 165–169.
- Малкова А.А. Этническая идентификация у женщин, состоящих в межэтническом браке // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология*. 2017. Т. 10. № 4. С. 83–89. <https://doi.org/10.14529/psy170408>
- Сабельникова Н.В., Каширский Д.В. Опросник привязанности к близким людям // *Психологический журнал*. 2015. Т. 36. № 4. С. 84–97.
- Садовникова Т.Ю., Дзукаева В.П. Роль матери и отца в развитии индивидуации юношей и девушек: кросс-культурный аспект // *Национальный психологический журнал*. 2014. Т. 4. № 16. С. 52–63. <https://doi.org/11621/npj2014.0406>

- Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.
- Стефаненко Т.Г. Социальная психология этнической идентичности: дис. ... д-ра психол. наук. М.: МГУ, 1999.
- Триандис Г.К. Культура и социальное поведение. М.: Форум, 2007. 382 с.
- Хачатрян Л.А., Чадова А.А. Межнациональная семья в современном российском обществе // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 1. С. 127–135. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2016-1-127-135/27-135>
- Чеботарева Е.Ю. Тренинг межкультурной чувствительности семейного психотерапевта // Современное поле семейной психотерапии: материалы научно-практической конференции / НИУ «Высшая школа экономики». М: Изд-во РУДН, 2017. С. 133–146.
- Чеботарева Е.Ю. Согласованность жизненных и семейных ценностей супругов в межэтнических и межконфессиональных браках // Психологические проблемы современной семьи: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2018. С. 384–392.
- Чеботарева Е.Ю., Варга А.Я., Чекалина Е.Ю. Связь уровня дифференциации «Я» и стили привязанности // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы: материалы XI Международной научно-практической конференции. М: РУДН, 2018. С. 257–262.
- Чеботарева Е.Ю., Королева Е.В. Психологическое благополучие женщин среднего возраста с разным брачным статусом. Роль сепарации от родительской семьи // Психология и психотерапия семьи. 2019. № 3. С. 19–44.
- Agishtein P., Brumbaugh C. Cultural variation in adult attachment: The impact of ethnicity, collectivism, and country of origin // *Journal of Social, Evolutionary, and Cultural Psychology*. 2013. Vol. 7. No. 4. Pp. 384–405.
- Ainsworth M.D.S. The Bowlby-Ainsworth attachment theory // *Behavioral and brain sciences*. 1978. Vol. 1. No. 3. Pp. 436–438.
- Alba R., Nee V. *Remaking the American mainstream: Assimilation and contemporary immigration*. Cambridge: Harvard University Press, 2009.
- Brennan K.A., Shaver P.R. Dimensions of adult attachment, affect regulation, and romantic relationship functioning // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1995. Vol. 21. No. 3. Pp. 267–283.
- Brummett E.A., Steuber K.R. To reveal or conceal? Privacy engagement processes among interracial romantic partners // *Western Journal of Communication*. 2015. Vol. 79. Pp. 22–44.
- Chebotareva E. Life satisfaction and intercultural tolerance interrelations in different cultures // *European Journal of Social Science Education and Research*. 2015. Vol. 2. No. 4. Pp. 167–178.
- Chebotareva E.Y., Jaber H.M.A. Life Values of Persons in Cross-Cultural (Arab-Russian) and Monocultural Marriages and Their Representation in Family Sphere // *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2017. Vol. 14. No. 3. Pp. 311–325. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2017-14-3-311-325>
- Coble H.M., Gantt D.L., Mallinckrodt B. Attachment, social competency, and the capacity to use social support // *Handbook of social support and the family*. Boston: Springer, 1996. Pp. 141–172.
- Cokley K. Critical issues in the measurement of ethnic and racial identity: A referendum on the state of the field // *Journal of Counseling Psychology*. 2007. Vol. 54. Pp. 224–234
- Doctors S. Attachment – individuation: Clinical notes toward a reconsideration of “adolescent turmoil” // *Adolescent Psychiatry*. 2000. Vol. 25. Pp. 3–16.
- Feeney J.A. Adult romantic attachment: Developments in the study of couple relationships // *Handbook of attachment: Theory, research and clinical applications* / ed. by J. Cassidy, P.R. Shaver. New York, NY: Guilford Press, 2016. Pp. 435–463.

- Fraley R.C., Shaver P.R.* Adult romantic attachment: Theoretical developments, emerging controversies, and unanswered questions // *Review of General Psychology*. 2000. No. 4. Pp. 132–154.
- Franz C.E., White K.M.* Individuation and attachment in personality development: Extending Erikson's theory // *Journal of Personality*. 1985. Vol. 53. Pp. 224–256.
- Gaines S., Brennan K.* Establishing and maintaining satisfaction in multicultural relationships // *Close Romantic Relationships: Maintenance and Enhancement* / ed. by J. Harvey, A. Wenzel. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Inc., 2001. Pp. 237–253.
- Hazan C., Shaver P.* Romantic love conceptualized as an attachment process // *SocPsychol*. 1987. Vol. 52. Pp. 511–524.
- Heaton T.B.* Factors contributing to increasing marital stability in the United States // *Journal of Family Issues*. 2002. Vol. 23. No. 3. Pp. 392–409.
- Hoffman J.A.* Psychological separation of late adolescents from their parents // *Journal of Counseling Psychology*. 1984. Vol. 31. Pp. 170–178.
- Josselson R.* The embedded self: I and thou revisited // *Self, ego, and identity: Integrative approaches* / ed. by D.K. Lapsley, F.C. Power. New York: Springer, 1988. Pp. 91–108.
- Kelley H.H., Thibaut J.W.* *Interpersonal relations: A theory of interdependence*. New York, NY: Wiley, 1978.
- Kenny M.E., Donaldson G.A.* Contributions of parental attachment and family structure to the social and psychological functioning of first-year college students // *Journal of Counseling Psychology*. 1991. Vol. 38. No. 4. P. 479.
- Killian K.* Dominant and marginalized discourses in inter-racial couples' narratives: Implications for family therapists // *Family Process*. 2002. Vol. 41. Pp. 603–618.
- Kryukova T.L., Ekimchik O.A.* A Russian adaptation of MIMARA or Multi-Item Measure of Adult Romantic Attachment, K.A. Brennan and P.R. Shaver, 1995 // *International Journal of Psychology*. 2016. Vol. 51. 982. <https://doi.org/10.1002/ijop.12345>
- Lehmiller J.J., Agnew C.R.* Marginalized relationships: The impact of social disapproval on romantic relationship commitment // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2006. Vol. 32. Pp. 40–51.
- Marriage Migration and Multicultural Relationships* / ed. by E. Heikkilä, D. Rauhut. Siirtolaisuustutkimuksia: Institute of Migration, 2015.
- Maynigo T.P.* Intercultural couples and families // *Diversity in couple and family therapy: Ethnicities, sexualities, and socioeconomics*. Westport: Praeger, 2017. Pp. 309–336.
- McElroy-Heltzel S.E., Davis D.E., DeBlaere C., Hook J.N., Massengale M., Choe E., Rice K.G.* Cultural humility: Pilot study testing the social bonds hypothesis in interethnic couples // *Journal of counseling psychology*. 2018. Vol. 65. No. 4. Pp. 531–537.
- Mikulincer M., Shaver P.R.* *Attachment in adulthood: structure, dynamics, and change*. New York, NY: Guilford Press, 2007. 573 p.
- Model S., Fisher G.* Unions between Blacks and Whites: England and the US compared // *Ethnic and Racial Studies*. 2002. Vol. 25. Pp. 728–754.
- Myers S.M.* Religious homogamy and marital quality: Historical and generational patterns, 1980–1997 // *Journal of Marriage and Family*. 2006. Vol. 68. Pp. 292–304.
- Novara C., Serio C., Lavanco G., Schirizzi M., Moscato G.* Identity, Couple and Intergroup Dynamics in Intercultural Families: Implications on Life Satisfaction of Partners // *Family process*, 2020. <https://doi.org/10.1111/famp.12437>
- Rusbult C.E.* A longitudinal test of the investment model: The development (and deterioration) of satisfaction and commitment in heterosexual involvements // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1983. Vol. 45. Pp. 101–117.
- Saraiva L.M., Matos P.M.* Separation-individuation of Portuguese emerging adults in relation to parents and to the romantic partner // *Journal of Youth Studies*. 2012. Vol. 15. No. 4. Pp. 499–517.

- Shenhav S., Campos B., Goldberg W.A.* Dating out is intercultural: Experience and perceived parent disapproval by ethnicity and immigrant generation // *Journal of Social and Personal Relationships*. 2017. Vol. 34. No. 3. Pp. 397–422.
- Tillman K.H., Miller B.* The role of family relationships in the psychological wellbeing of interracial dating adolescents // *Social science research*. 2017. Vol. 65. Pp. 240–252.
- Tolentino D.* Adult attachment, marital functioning and satisfaction in intercultural couples: Implications for clinical practice: Doctoral dissertation. Northridge: California State University, 2016.
- Troy A., Lewis-Smith J., Laurenceau J.* Interracial and intraracial romantic relationships: The search for differences in satisfaction, conflict, and attachment style // *Journal of Social and Personal Relationships*. 2006. Vol. 23. Pp. 65–80.
- Wiebe S., Johnson S., Lafontaine M., Moser M., Dagleish T., Tasca G.* Two-Year Follow-up Outcomes in Emotionally Focused Couple Therapy: An Investigation of Relationship Satisfaction and Attachment Trajectories // *Journal of Marital and Family Therapy*. 2017. Vol. 43. No. 2. Pp. 227–244. <https://doi.org/10.1111/jmft.12206>
- Yodanis C., Lauer S.* Multiculturalism in interethnic intimate relationships // *Families, Relationships and Societies*. 2017. Vol. 6. No. 1. Pp. 125–140. <https://doi.org/10.1332/204674315x14479283205364>
- Zaker B.S., Boostanipoor A.* Multiculturalism in counseling and therapy: Marriage and family issues // *International Journal of Psychology and Counselling*. 2016. Vol. 8. No 5. Pp. 53–57. <https://doi.org/10.5897/ijpc2016.0388>
- Zhang Y., Van Hook J.* Marital dissolution among interracial couples // *Journal of Marriage and Family*. 2009. Vol. 71. Pp. 95–107.

История статьи:

Поступила в редакцию: 18 декабря 2019 г.

Принята к печати: 25 января 2020 г.

Для цитирования:

Чеботарева Е.Ю., Кони́на М.А., Руденко А.С. Этническая идентичность русских женщин в межэтнических браках и ее связь с привязанностью к супругу и сепарацией от родителей // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2020. Т. 17. № 1. С. 101–127. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-101-127>

Сведения об авторах:

Чеботарева Елена Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры детской и семейной психотерапии Московского государственного психолого-педагогического университета; доцент департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: chebotarevy@yandex.ru

Кони́на Ми́ра Александровна, руководитель проекта Psypublic.com (Москва, Россия). E-mail: mira@psypublic.com

Руденко Алла Сергеевна, студент магистерской программы «Системная семейная психотерапия» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: allarud1009@gmail.com

Ethnic Identity of Russian Women in Interethnic Marriages and its Relationship with Their Attachment to Spouses and Separation from Parents

Elena Yu. Chebotareva^{1,3}, Mira A. Konina², Alla S. Rudenko³

¹Moscow State University of Psychology and Education
29 Sretenka St., Moscow, 127051, Russian Federation

²Psypublic.com Project

13 Nezhinskaya St., Moscow, 119517, Russian Federation

³National Research University Higher School of Economics
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract. The article presents a comparative study of the types of ethnic identity in conjunction with the styles of attachment in a couple and separation from the parental family of women who are in intercultural and monocultural marriages. The main sample consisted of 198 Russian women aged 21 to 55 years ($M = 36.1$), including 84 women married to representatives of their own culture and living in Russia and 114 women married to representatives of the titular nationality of one of six European countries and living in the countries of their husbands. The study involved the following methods: “Multi-Item Measure of Adult Romantic Attachment – MIMARA”, adapted by T.L. Kryukova, O.A. Ekimchik; “Attachment to Close People Inventory” (N.V. Sabelnikova, D.V. Kashirsky); “Questionnaire of psychological separation” by J. Hoffman, adapted by T.Yu. Sadovnikova, V.P. Dzukaeva; and “Method for diagnosing types of ethnic identity” (G.U. Soldatova, S.V. Ryzhova). In general, the results of the study show that for women in interethnic marriages living in a foreign cultural environment, attachment to both their parents and husbands is more secure and positive, whereas the style of ethnic identity is more extreme and is associated with internal conflict. Women from intercultural marriages revealed different features of ethnic identity depending on the length of their marriage. It is shown that the style of ethnic identity is closely connected with attachment relationships. For women in monoethnic marriages living in their native country, it is more associated with separation from their parents but, for women in interethnic marriages living in a foreign country, it is to a greater extent associated with attachment to their husbands. In both cases, positive ethnic identity is associated with insecure attachment and dependence on their parents and husbands, while extreme forms of ethnic identity are associated with secure attachment and personal autonomy in relationships. The results of this study allow the specialists to take into account the specific social situation of interethnic couples more accurately in the course of psychological, social and other assistance to such couples, to develop constructive ways of discussing and maintaining cultural differences in the couple.

Key words: ethnic identity type, attachment style, romantic attachment, psychological separation, separation from the parents, interethnic couple, intercultural marriage

References

- Agishtein, P., & Brumbaugh, C. (2013). Cultural variation in adult attachment: The impact of ethnicity, collectivism, and country of origin. *Journal of Social, Evolutionary, and Cultural Psychology*, 7(4), 384–405.
- Ainsworth, M.D.S. (1978). The Bowlby-Ainsworth attachment theory. *Behavioral and Brain Sciences*, 1(3), 436–438.

- Alba, R., & Nee, V. (2009). *Remaking the American mainstream: Assimilation and contemporary immigration*. Cambridge: Harvard University Press.
- Brennan, K.A., & Shaver, P.R. (1995). Dimensions of adult attachment, affect regulation, and romantic relationship functioning. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 21(3), 267–283.
- Brish, K.Kh. (2014) *Terapiya Narushenii Privyazannosti: Ot Teorii k Praktike*. Moscow: Kogito-Tsentr Publ. (In Russ.)
- Brummett, E.A., & Steuber, K.R. (2015). To reveal or conceal? Privacy engagement processes among interracial romantic partners. *Western Journal of Communication*, 79, 22–44.
- Chebotareva, E. (2015). Life satisfaction and intercultural tolerance interrelations in different cultures. *European Journal of Social Science Education and Research*, 2(4), 167–178.
- Chebotareva, E.Y. & Jaber, H.M.A. (2017). Life Values of Persons in Cross-Cultural (Arab-Russian) and Monocultural Marriages and Their Representation in Family Sphere. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 14(3), 311–325. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2017-14-3-311-325>
- Chebotareva, E.Yu., & Koroleva, E.V. (2019). Psychological well-being of middle-aged women with different marital status. Role of separation from the parental family. *Psikhologiya i Psikhoterapiya Sem'i*, (3), 19–44. <https://doi.org/10.24411/2587-6783-2019-10002> (In Russ.)
- Chebotareva, E.Yu. (2017). Intercultural sensitivity of the family psychotherapists training. *Sovremennoe Pole Semeinoi Psikhoterapii. Conference Proceedings* (pp. 133–146). Moscow: RUDN University Publ. (In Russ.)
- Chebotareva, E.Yu. (2018). Soglasovannost' zhiznennykh i semeinykh tsennostei suprugov v mezhetnicheskikh i mezhkonnatsionalnykh brakakh. *Psikhologicheskie Problemy Sovremennoi Sem'i. Conference Proceedings* (pp. 384–392). Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University Publ. (In Russ.)
- Chebotareva, E.Yu., Varga, A.Ya., & Chekalina, E.Yu. (2018). Interrelation of differentiation of “I” level and attachment style. *Vysshaya Shkola: Opyt, Problemy, Perspektivy: Conference Proceedings* (pp. 257–262). Moscow: RUDN University Publ. (In Russ.)
- Coble, H.M., Gantt, D.L., & Mallinckrodt, B. (1996). Attachment, social competency, and the capacity to use social support. *Handbook of Social Support and the Family* (pp. 141–172). Springer, Boston, MA.
- Cokley, K. (2007). Critical issues in the measurement of ethnic and racial identity: A referendum on the state of the field. *Journal of Counseling Psychology*, 54, 224–234.
- Delova, L.A. (2016). Mono- i mezhetnicheskaya sem'ya: lichnostnye osobennosti suprugov (ekstravertirovannost' – introvertirovannost'). *Nauchnyi Al'manakh*, 6(1), 546–548. (In Russ.)
- Doctors, S. (2000). Attachment – individuation : Clinical notes toward a reconsideration of “adolescent turmoil”. *Adolescent Psychiatry*, 25, 3–16.
- Dzukaeva, V.P., & Sadovnikova, T.Yu. (2014). Opyt ispol'zovaniya russkoyazychnoi versii oprosnika PSI (Psychological Separation Inventory) v izuchenii separatsii vzroslykh detei s roditelyami. *Psikhologicheskaya Diagnostika: Nauchno-Metodicheskii i Prakticheskii Zhurnal*, (3), 3–20. (In Russ.)
- Feeney, J.A. (2016). Adult romantic attachment: Developments in the study of couple relationships. In J. Cassidy, & P.R. Shaver (Eds.), *Handbook of Attachment: Theory, Research and Clinical Applications* (pp. 435–463). New York, NY: Guildford Press.
- Fraley, R.C., & Shaver P.R. (2000). Adult romantic attachment: Theoretical developments, emerging controversies, and unanswered questions. *Review of General Psychology*, (4), 132–154.

- Franz, C.E., & White, K.M. (1985). Individuation and attachment in personality development: Extending Erikson's theory. *Journal of Personality*, 53, 224–256.
- Gaines, S., & Brennan, K. (2001). Establishing and maintaining satisfaction in multicultural relationships. In J. Harvey, & A. Wenzel (Eds.), *Close Romantic Relationships: Maintenance and Enhancement* (pp. 237–253). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Inc.
- Hazan, C., & Shaver, P. (1987). Romantic love conceptualized as an attachment process. In J. Pers (Ed.), *SocPsychol*, 52, 511–524.
- Heaton, T.B. (2002). Factors contributing to increasing marital stability in the United States. *Journal of Family Issues*, 23(3), 392–409.
- Heikkilä, E., & Rauhut, D. (Eds.). (2015). *Marriage Migration and Multicultural Relationships*. Siirtolaisuustutkimuksia: Institute of Migration.
- Hoffman, J.A. (1984). Psychological separation of late adolescents from their parents. *Journal of Counseling Psychology*, 31, 170–178.
- Josselson, R. (1988). The embedded self: I and thou revisited. In D.K. Lapsley, & F.C. Power (Eds.), *Self, Ego, and Identity: Integrative Approaches* (pp. 91–108). New York: Springer.
- Kelley, H.H., & Thibaut, J.W. (1978). *Interpersonal Relations: A theory of Interdependence*. New York, NY: Wiley.
- Kenny, M.E., & Donaldson, G.A. (1991). Contributions of parental attachment and family structure to the social and psychological functioning of first-year college students. *Journal of Counseling Psychology*, 38(4), 479.
- Khachatryan, L.A., & Chadova, A.A. (2016). Mezhnatsional'naya sem'lya v sovremennom rossiiskom obshchestve. *Vestnik Permskogo Universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*, 1(25), 127–135. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2016-1-127-135/27-135> (In Russ.)
- Killian, K. (2002). Dominant and marginalized discourses in inter-racial couples' narratives: Implications for family therapists. *Family Process*, 41, 603–618.
- Kryukova, T.L., & Ekimchik, O.A. (2016). Russian adaptation of MIMARA or Multi-Item Measure of Adult Romantic Attachment, K.A. Brennan and P.R. Shaver, 1995. *International Journal of Psychology*, 51, 982. <https://doi.org/10.1002/ijop.12345>
- Kucherenko, S.V., & Stalmakova, M.L. (2018). Metodologicheskie osnovy issledovaniya vzaimootnoshenii suprugov v mezhetnicheskikh brakakh. *Gumanitarnye Nauki*, 4(44), 165–169. (In Russ.)
- Lehmiller, J.J., & Agnew, C.R. (2006). Marginalized relationships: The impact of social disapproval on romantic relationship commitment. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 32, 40–51.
- Malkova, A.A. (2017). Etnicheskaya identifikatsiya u zhenshchin, sostoyashchikh v mezhethnicheskom brake. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Psikhologiya*, 10(4), 83–89. <https://doi.org/10.14529/psy170408> (In Russ.)
- Maynigo, T.P. (2017). Intercultural couples and families. *Diversity in Couple and Family Therapy: Ethnicities, Sexualities, and Socioeconomics* (pp. 309–336). Westport: Praeger, 2017.
- McElroy-Heltzel, S.E., Davis, D.E., DeBlare, C., Hook, J.N., Massengale, M., Choe, E., & Rice, K.G. (2018). Cultural humility: Pilot study testing the social bonds hypothesis in interethnic couples. *Journal of Counseling Psychology*, 65(4), 531–537.
- Mikulincer, M., & Shaver P.R. (2007). *Attachment in Adulthood: Structure, Dynamics, and Change*. New York, NY: Guilford Press.
- Model, S., & Fisher, G. (2002). Unions between Blacks and Whites: England and the US compared. *Ethnic and Racial Studies*, 25, 728–754.

- Myers, S.M. (2006). Religious homogamy and marital quality: Historical and generational patterns, 1980–1997. *Journal of Marriage and Family*, 68, 292–304.
- Novara, C., Serio, C., Lavanco, G., Schirinzi, M., & Moscato, G. (2020). Identity, Couple and Intergroup Dynamics in Intercultural Families: Implications on Life Satisfaction of Partners. *Family process*. <https://doi.org/10.1111/famp.12437>
- Rusbult, C.E. (1983). A longitudinal test of the investment model: The development (and deterioration) of satisfaction and commitment in heterosexual involvements. *Journal of Personality and Social Psychology*, 45, 101–117.
- Sabelnikova, N.V., Kashirskii, D.V. (2015). Oprosnik privyazannosti k blizkim lyudyam. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 36(4), 84–97. (In Russ.)
- Sadovnikova, T.Yu., & Dzukaeva, V.P. (2014). Rol' materi i ottsa v razvitii individuatsii yunoshei i devushek: kross-kul'turnyi aspect. *Natsional'nyi Psikhologicheskii Zhurnal*, 4(16), 52–63. <https://doi.org/11621/npj2014.0406> (In Russ.)
- Saraiva, L.M., & Matos, P.M. (2012). Separation-individuation of Portuguese emerging adults in relation to parents and to the romantic partner. *Journal of Youth Studies*, 15(4), 499–517.
- Shenhav, S., Campos, B., & Goldberg, W.A. (2017). Dating out is intercultural: Experience and perceived parent disapproval by ethnicity and immigrant generation. *Journal of Social and Personal Relationships*, 34(3), 397–422.
- Soldatova, G.U. (1998). *Psikhologiya Mezhetnicheskoi Napryazhennosti*. Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)
- Stefanenko, T.G. (1999). *Sotsial'naya Psikhologiya Etnicheskoi Identichnosti*. D.Sc. in Psychology Thesis. Moscow: Lomonosov Moskov State University. (In Russ.)
- Tillman, K.H., & Miller, B. (2017). The role of family relationships in the psychological wellbeing of interracially dating adolescents. *Social Science Research*, 65, 240–252.
- Tolentino, D. (2016). *Adult Attachment, Marital Functioning and Satisfaction in Intercultural Couples: Implications for Clinical Practice*. Doctoral dissertation. Northridge: California State University.
- Triandis, G.K. (2007). *Kul'tura i Sotsial'noe Povedenie*. Moscow: Forum Publ. (In Russ.)
- Troy, A., Lewis-Smith, J., & Laurenceau, J. (2006). Interracial and intraracial romantic relationships: The search for differences in satisfaction, conflict, and attachment style. *Journal of Social and Personal Relationships*, 23, 65–80.
- Wiebe, S., Johnson, S., Lafontaine, M., Moser, M., Dalgleish, T., & Tasca, G. (2017). Two-Year Follow-up Outcomes in Emotionally Focused Couple Therapy: An Investigation of Relationship Satisfaction and Attachment Trajectories. *Journal of Marital and Family Therapy*, 43(2), 181–366. <https://doi.org/10.1111/jmft.12206>
- Yodanis, C., & Lauer, S. (2017). Multiculturalism in interethnic intimate relationships. *Families, Relationships and Societies*, 6(1), 125–140. <https://doi.org/10.1332/204674315x14479283205364>
- Zaker, B.S., & Boostanipoor, A. (2016). Multiculturalism in counseling and therapy: Marriage and family issues. *International Journal of Psychology and Counselling*, 8(5), 53–57. <https://doi.org/10.5897/ijpc2016.0388>
- Zhang, Y., & Van Hook, J. (2009). Marital dissolution among interracial couples. *Journal of Marriage and Family*, 71, 95–107.

Article history:

Received: 18 December 2019

Revised: 24 January 2020

Accepted: 25 January 2020

For citation:

Chebotareva, E.Yu., Konina, M.A., & Rudenko, A.S. (2020). Ethnic Identity of Russian Women in Interethnic Marriages and its Relationship with Their Attachment to Spouses and Separation from Parents. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(1), 101–127. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-101-127>

Bio notes:

Elena Yu. Chebotareva, PhD in Psychology, is Associate Professor of the Department of Child and Family Psychotherapy of Moscow State University of Psychology and Education; Associate Professor of the Department of Psychology of National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia). E-mail: chebotarevy@yandex.ru

Mira A. Konina is the Head of the Psypublic.com Project (Moscow, Russia). E-mail: mira@psypublic.com

Alla S. Rudenko is student of master program “Systemic Family Psychotherapy” of National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia). E-mail: allarud1009@gmail.com

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-1-128-142
УДК 159.923

Исследовательская статья

Трансформация этнической идентичности мигрантов-армян, вовлеченных и не вовлеченных в деятельность национально-культурной автономии

В.В. Константинов, М.В. Бабаева

Пензенский государственный университет
Российская Федерация, 440026, Пенза, ул. Красная, 40

Аннотация. В статье рассматриваются результаты лонгитюдного эмпирического исследования, посвященного изучению типов и выраженности этнической идентичности мигрантов-армян, ее трансформации в зависимости от участия/неучастия представителей армянского этноса в деятельности Армянской национально-культурной автономии г. Пензы. Выборка исследования сформирована из представителей армянского этноса, проживающих на территории Пензенской области – 100 человек при исходной диагностике и 92 человека из их числа при повторной диагностике. Временной период между первым и вторым этапами исследования составил 5 лет. На каждом из этапов исследования выборка включала две равные подгруппы: мигранты-армяне, принимающие и не принимающие участия в деятельности национальной общины. Для диагностики особенностей этнической идентичности использовались методика «Тип этнической идентичности» (ТЭИ) Г.И. Солдатовой и С.В. Рыжовой и методика оценки позитивности и неопределенности этнической идентичности А.Н. Татарко и Н.М. Лебедевой. Для статистической обработки применялся *t*-критерий Стьюдента. Результаты исследования подтверждают предположение о том, что у мигрантов, взаимодействующих на протяжении длительного периода с общинной организацией, менее выражены гиперэтнические установки по типу этноэгоизма и этноизоляциялизма. Повторное измерение дало возможность обнаружить тенденцию к уменьшению в обеих группах количества мигрантов с преобладанием позитивной этнической идентичности и к увеличению мигрантов с этноиндифферентностью, что, скорее всего, является закономерной реакцией на длительное пребывание в другой культуре, адаптацию к ней. Результаты исследования найдут свое применение при разработке программ профилактики межэтнической напряженности в современном обществе, в которых необходимо учитывать роль национально-культурных автономий в процессе адаптации мигрантов в принимающем обществе.

Ключевые слова: этническая идентичность, мигранты, трансформация этнической идентичности, национально-культурная автономия

Введение

Начало XXI века ознаменовалось существенно возросшей интенсивностью межэтнических контактов вследствие активизации миграционных процессов по всему миру. Во время межэтнического взаимодействия человек

непрерывно сопоставляет себя с представителями других культур, подмечая характеристики своего этноса (Стефаненко, 2009). В этнически гомогенном обществе этническая идентичность не значима для человека, однако, как только две или более этнические группы находятся в продолжительном и тесном контакте, эта ситуация кардинально меняется (Phinney et al., 2001).

Большое значение для понимания феномена этнической идентичности представляют труды отечественных ученых: В.В. Гриценко (2019), Л.М. Дробичевой (2008), Н.М. Лебедевой (2017), Ю.В. Мухлынкиной (2015), Г.У. Солдатовой (1998), Т.Г. Стефаненко (2009) и др.

Как справедливо отмечает Т.Г. Стефаненко (2009), этническая идентичность является результатом когнитивно-эмоционального процесса осознания индивидом себя в качестве представителя какого-либо этноса, отождествления себя с ним и обособления от других народов. В данном определении важно то, что этническая идентичность – это не просто знание о своей этнической общности, но и эмоциональное отношение к собственному этносу (чувство гордости, превосходства или, напротив, стыда, униженности и т. п.). Этническая идентичность также вбирает в себя отраженное отношение со стороны других этносов, что может быть причиной негативной этнической идентичности в случае враждебного отношения со стороны других групп.

Приезжая в новую страну, иммигранты решают для себя вопрос, поддерживать ли им свою культуру. Перед лицом реального или воспринимаемого таковым негативного отношения к переселенцам некоторые иммигранты, возможно, частично или даже полностью откажутся от своей этнической идентичности или, наоборот, с достоинством будут отстаивать ее и выражать солидарность со своей группой для преодоления негативных установок (Phinney et al., 2001). На выбор идентичности также может влиять политика государства в отношении иммиграции. Как считает Дж. Берри, для плюралистического общества наиболее желательной является политика мультикультурализма, так как только она признает приоритет стратегии интеграции, результатом которой является идентификация как со старой, так и с новой культурами и сохранение культурного многообразия в целом (Berry, 2007).

Вопрос социально-психологической адаптации мигрантов в принимающем сообществе – один из наиболее изучаемых в современной психологии (Галяпина, 2019; Константинов, 2019; Лебедева, 2017; Лепшокова, 2019; Рябиченко, 2019; Солдатова, 2002; Стефаненко, 2006; Berry, 2019; Seweryn, 2007), тем не менее в данной сфере все еще остается много неисследованных тем. Трансформация этнической идентичности мигрантов в процессе их аккультурации из их числа. Хотя этническая идентичность и является довольно устойчивым образованием личности и редко претерпевает существенные изменения на протяжении жизни, но именно такие радикальные изменения, как миграция, а также тесный контакт с представителями других этнических групп могут привести к ее трансформации (Seweryn, 2007).

На наш взгляд, при изучении этнической идентичности мигрантов важно обращать внимание на членство представителей не доминирующих этносов в региональных общинных организациях. Чем больше эмпирических исследований будет проведено на базе национально-культурных автономий, тем

больше будет накоплено материала, который ляжет в основу комплексных программ психологического сопровождения мигрантов на базе общины. Это, несомненно, внесет весомый вклад в профилактику межэтнической напряженности в современном обществе.

Роль социальных институтов и национально-культурных центров в формировании и трансформации этнической идентичности на сегодняшний день исследовалась в ряде диссертаций по психологии, социологии, истории: С.Л. Бухарева (2005), Д.В. Даен (2003), Т.Л. Смолина (2006), А.Р. Хабибуллина (2010) и др.

Мы считаем, что общинные организации обладают высоким потенциалом в сфере поддержания позитивной этнической идентичности мигрантов в принимающем сообществе, но только в том случае, когда на базе национально-культурных автономий ведется профессиональная психопрофилактическая помощь мигрантам. Наше мнение подтверждает диссертационное исследование С.Л. Бухаревой, которая выявила, что посещение русскими и еврейскими подростками этнически ориентированных учебных центров влияет на формирование их этнической идентичности. При этом автор считает важным при составлении учебно-воспитательных программ по формированию этнической идентичности учитывать тот факт, что не любые мероприятия в рамках этнически ориентированных учебных центров будут способствовать развитию позитивной этнической идентичности и толерантности (Бухарева, 2005. С. 23).

Д.В. Даен, утверждает, что широкое распространение общественных национально-культурных объединений, автономий, центров, ассоциаций приводит нас к пониманию этничности как мобилизационной категории, где социально активные агенты социального действия изменяют социальную реальность посредством регулярных и долговременных практик (Даен, 2003. С. 9). Исследователь делает попытку ответить на вопрос о том, что представляют собой сегодня национально-культурные объединения немцев, какова организационная структура этих объединений и, прежде всего, их функциональные особенности. Отметим, что мы в представленном исследовании делаем акцент на изучении этнической идентичности мигрантов-армян, но следующим шагом как раз должен стать социально-психологический анализ внутренней структуры ряда общинных организаций г. Пензы, так как без него невозможно до конца понять причины трансформаций этнической идентичности членов общин.

Интересно одно из положений, выносимых на защиту А.Р. Хабибуллиной (2010). Она утверждает, что в процессе межэтнических контактов на трансформацию этнической идентичности влияют политические, психологические, социально-экономические факторы, то есть подчеркивает роль государства в жизни этноса посредством историко-культурных центров (Хабибуллина, 2010). На наш взгляд, можно провести параллель с общинными организациями, которые также являются проводниками более общих ценностей принимающего общества и государства и, несомненно, влияют на изменения этнической идентичности мигрантов.

Т.Л. Смолина (2006) делает вывод, что у индивидов с опытом вхождения в другую этнокультурную среду наблюдается трансформация этнической

идентичности по сравнению с людьми, не обладающими подобным опытом. Причем трансформация идет по направлению к универсальным ценностным ориентациям, присущим современному обществу и отходу от гиперэтнических установок. Для нас это исследование интересно тем, что оно, в сущности, доказывает колоссальное влияние опыта пребывания в иной этнокультурной среде на этническую идентичность мигрантов. При этом влияние принимающего сообщества, на наш взгляд, может быть различным в зависимости ситуации, например, когда осуществляется посредством общинных организаций или в профессиональных, семейных, дружеских и других малых группах.

Таким образом, в современной отечественной науке существуют исследования, рассматривающие этническую идентичность личности в контексте функционирования социальных институтов и национально-культурных центров. Еще раз отметим, что для обоснования проведения практической психологической работы с мигрантами на базе общинных организаций важно использовать национально-культурные автономии в качестве площадок для проведения эмпирических исследований.

Проблема данного эмпирического исследования вытекает из противоречия между достаточно тщательной изученностью различных аспектов этнической идентичности в отечественной и зарубежной психологии и недостаточным количеством исследований, рассматривающих этническую идентичность мигрантов в контексте функционирования национально-культурных автономий, а также в динамике на протяжении длительного периода времени. Таким образом, цель исследования состоит в поиске ответа на вопрос: как длительное пребывание в иной этнокультурной среде и вовлеченность в деятельность национальной общины влияют на трансформацию этнической идентичности мигрантов?

Процедура и методы исследования

Для изучения трансформации этнической идентичности мигрантов-армян в зависимости от их участия/неучастия в деятельности национальной общины нами было проведено лонгитюдное эмпирическое исследование.

Исследование проводилось на базе Армянской национально-культурной автономии г. Пензы. Армянская национально-культурная автономия оказывает помощь иммигрантам в адаптации на новом месте жительства, проводит множество культурных и просветительских мероприятий, среди которых концерты армянских исполнителей, выставки армянских художников, ежегодный Международный студенческий форум «Диалог культур» и др.

Стоит отметить, что далеко не все представители армянского этноса, как в течение длительного периода проживающие на территории Пензенской области, так и недавно прибывшие, являются членами Армянской национально-культурной автономии. Это происходит по различным причинам, среди которых личная убежденность в отсутствии реальной помощи со стороны национальной общины, отсутствие времени и желания на ее посещение, незнание о ее существовании, а иногда и просто неактуальность потребности в поддержании контактов с другими армянами в формате внутриобщинного взаимодействия.

Первый этап исследования проходил в 2011 году. Полные результаты по данному этапу отражены в диссертационном исследовании (Вершинина, 2012), а также в серии публикаций (Вершинина, Константинов, 2014). Второй этап исследования осуществлен в 2019 году. При этом мониторинг показателей этнической идентичности проводился ежегодно. В формате данной статьи мы представим некоторые результаты двух крайних точек измерения.

Выборка. Для формирования выборки исследования мы, прежде всего, обратились в Армянскую национально-культурную автономию г. Пензы. В результате взаимодействия с руководством общины мы смогли выйти на членов данной организации – преподавателей армянской воскресной школы, родителей учеников данной школы, артистов творческих коллективов, а также просто посетителей общины. Соответственно, из их числа была сформирована первая группа «мигрантов-армян в общине».

Поиск мигрантов-армян для второй группы «мигрантов-армян вне общины» осуществлялся в основном через социальные сети. Пользователям, подтвердившим свою этническую принадлежность (армяне) и недавнее пребывание на территории Пензенской области (менее 3 лет), было отправлено личное сообщение с предложением принять участие в исследовании. Тем, кто выразил согласие и подтвердил свою полную обособленность от общинной организации, был выслан пакет методик. В данной статье рассматриваются результаты анализа двух методик на этническую идентичность и не затрагиваются стратегии аккультурации, который мы также исследовали с помощью методики Дж. Берри как на первом, так и на втором этапах исследования (Вершинина, 2012).

Таким образом, на первом этапе исследования общая выборка составила 100 человек, разделенных на две группы:

1) «мигранты в общине» – 50 человек: представители армянского этноса, проживающие на территории России менее 2 лет и принимающие участие в деятельности национальной общины (средний возраст испытуемых 26–28 лет, из них: 64,7 % женщин и 35,3 % мужчин, образовательный статус: 76,5 % испытуемых имеют высшее образование, 23,5 % испытуемых имеют среднее специальное образование);

2) «мигранты вне общины» – 50 человек: представители армянского этноса, проживающие на территории России менее 3 лет и не принимающие участия в деятельности национальной общины (средний возраст испытуемых 25–27 лет, из них: 44 % женщин и 56 % мужчин, образовательный статус: 62,5 % испытуемых имеют высшее образование, 37,5 % испытуемых имеют среднее специальное образование).

Средняя продолжительность пребывания всех мигрантов-армян на территории России на момент первого этапа нашего исследования составила около полутора лет.

По истечении пяти лет пребывания мигрантов-армян в принимающем сообществе мы провели повторное исследование, направленное на изучение трансформации их этнической идентичности. Стоит отметить, что из сформированной ранее выборки 5 человек сменили место жительства, поэтому число респондентов первого и второго этапов исследования незначительно

отличается. Прерывание контакта с Армянской национально-культурной автономии по причинам, не связанным с переездом обнаружено не было. Из испытуемых, не участвующих в деятельности национальной общины на первом этапе исследования, 3 человека стали активными участниками мероприятий, проводимых Армянской национально-культурной автономией, поэтому мы их также не включили в повторное исследование для получения более достоверных результатов. Таким образом, на втором этапе измерения в обеих группах оказалось по 46 человек.

Методы, которые применялись в ходе исследования: письменный опрос, метод качественного и количественного анализа данных, математические методы обработки данных (описательная статистика и *t*-критерий Стьюдента для выявления различий и сдвигов в исследуемых признаках).

Для достижения цели исследования нами были применены две **методики**.

1. «Тип этнической идентичности» – ТЭИ. Авторы: Г.И. Солдатова, С.В. Рыжова (Солдатова, 1998. С. 132–136). Диагностика по данной методике позволяет определить этническую идентичность и ее трансформацию в условиях продолжительных межэтнических контактов. ТЭИ состоит из 30 утверждений и содержит шесть шкал, каждая из которых соответствует одному из типов этнической идентичности (этнонигилизм, этническая индифферентность, норма (позитивная этническая идентичность), этноэгоизм, этноизоляционизм, этнофанатизм). Каждая шкала представлена пятью вопросами методики, возможный диапазон – от 0 до 20 баллов. Сравнение между собой результатов по всем шкалам позволяет выделить один или несколько доминирующих типов этнической идентичности.

2. Методика оценки позитивности и неопределенности этнической идентичности А.Н. Татарко, Н.М. Лебедевой (Лебедева, Татарко, 2011) включает две шкалы: первая позволяет оценить эмоциональный компонент этнической идентичности (степень позитивности), а вторая – насколько ясно респондент ощущает себя представителем своего народа (степень неопределенности). Каждая шкала представлена четырьмя пунктами опросника, диапазон баллов – от 0 до 20.

Таким образом, в результате диагностики определялся тип этнической идентичности, выраженность когнитивного и аффективного показателей этнической идентичности мигрантов. Важно отметить, что при исследовании этнической идентичности желательно использовать комплекс различных методик, так как, по справедливому замечанию Т.Г. Стефаненко, само понятие «этнической идентичности» в науке определено неоднозначно (Стефаненко, 2006).

Результаты и их обсуждение

Процентное соотношение доминирующих типов этнической идентичности в группах мигрантов-армян на первом и втором этапах исследования, выявленных с помощью методики «Тип этнической идентичности» (ТЭИ), представлено в табл. 1.

Из данных табл. 1 следует, что на первом этапе в группе респондентов, проживающих на территории России менее 3 лет и участвующих в деятель-

ности национальной общины, доминирующими типами этнической идентичности являются позитивная этническая идентичность и этноиндифферентность, а в группе «мигрантов-армян вне общины» наряду с позитивной этнической идентичностью также выражена и гиперидентичность по типу этноэгоизма и этноизоляционизма. Повторная диагностика (через 5 лет) показала, что в группе «мигрантов-армян в общине» по-прежнему преобладают позитивная этническая идентичность и этноиндифферентность, а в группе «мигрантов-армян вне общины» – позитивная этническая идентичность и этноэгоизм.

Таблица 1 / Table 1

**Доминирующий тип этнической идентичности по методике ТЭИ
при первичной и повторной диагностике**
[The dominant type of ethnic identity during the primary and repeated diagnoses
according to the Type of Ethnic Identity technique]

Доминирующий тип этнической идентичности (шкалы методики ТЭИ)	Первичная диагностика, кол-во человек (%)		Повторная диагностика, кол-во человек (%)	
	«мигранты в общине» (N = 50)	«мигранты вне общины» (N = 50)	«мигранты в общине» (N = 46)	«мигранты вне общины» (N = 46)
Этнонигилизм	2 (4)	1 (2)	0 (0)	0 (0)
Этническая индифферентность	8 (16)	4 (8)	17 (36,9)	8 (17,4)
Норма (позитивная этническая идентичность)	37 (74)	31 (62)	26 (56,5)	20 (43,5)
Этноэгоизм	2 (4)	11 (22)	3 (6,5)	15 (32,6)
Этноизоляционизм	1 (2)	5 (10)	0 (0)	3 (6,5)
Этнофанатизм	0 (0)	0 (0)	0 (0)	0 (0)

В табл. 2 представлены результаты статистической проверки значимости различий в выраженности типов этнической идентичности между двумя исследуемыми группами мигрантов-армян на первом и втором этапах исследования.

Таблица 2 / Table 2

Статистическая оценка различий в выраженности типов этнической идентичности по методике ТЭИ с помощью *t*-критерия Стьюдента для несвязанных выборок
[Statistical evaluation of differences in the manifestations of ethnic identity types according to the TEI technique using Student's *t*-test for unlinked samples]

Тип этнической идентичности (шкалы методики ТЭИ)	Первичная диагностика, средний балл			Повторная диагностика, средний балл		
	«мигранты в общине» (N = 50)	«мигранты вне общины» (N = 50)	<i>t</i> -критерий	«мигранты в общине» (N = 46)	«мигранты вне общины» (N = 46)	<i>t</i> -критерий
Этнонигилизм	2,43	2,16	1,001	1,98	2,33	1,032
Этноиндифферентность	10,19	8,25	1,734	15,49	9,34	2,167*
Норма (позитивная этническая идентичность)	18,65	15,57	1,769	13,94	13,02	1,102
Этноэгоизм	4,84	12,96	2,453*	3,27	13,14	2,418*
Этноизоляционизм	4,9	6,32	1,196	1,64	2,88	1,388
Этнофанатизм	1,56	1,22	0,587	2,54	1,04	0,311

Примечание. * – уровень значимости $p \leq 0,05$.

Сравнение групп по типам этнической идентичности на первом этапе показало, что у представителей исследуемых групп обнаружены статистически значимые различия только по такому типу этнической идентичности, как этноэгоизм. Этноэгоизм – легкая форма гиперидентичности, проявляющаяся на вербальном уровне в таких оборотах речи, как «мой народ», «у моего народа принято». Данный тип этнической идентичности может также выражаться в напряженности и раздражении при общении с представителями других этносов. Таким образом, армяне, не являющиеся членами местной общины, в повседневном общении в большей степени словесно подчеркивают свою этническую принадлежность, «как бы напоминают себе и окружающим о ней». По нашему мнению, это может говорить об актуализации потребности в общении с представителями собственного этноса. В общине данная потребность хотя бы частично реализуется, делая адаптацию мигрантов-армян в принимающем сообществе более плавной, менее болезненной.

На втором этапе исследования, через 5 лет, между представителями исследуемых групп обнаружены статистически значимые различия не только по этноэгоизму, но и по этноиндифферентности (выше у мигрантов, входящих в общину). Этноиндифферентность представляет собой размытую этническую идентичность, что выражается либо в неопределенности этнической принадлежности мигранта, либо в ее неактуальности в настоящий момент времени. Как это ни парадоксально, возможно, именно нахождение в общине «снимает» остроту переживания собственной этнической идентичности, необходимость «демонстрировать» ее окружающим.

Результаты статистической проверки значимости различий в позитивности и неопределенности этнической идентичности (методика А.Н. Татарко и Н.М. Лебедевой) между двумя исследуемыми группами мигрантов-армян на первом и втором этапах исследования представлены в табл. 3.

Таблица 3 / Table 3

Статистическая оценка различий в выраженности показателей этнической идентичности по методике А.Н. Татарко и Н.М. Лебедевой с помощью *t*-критерия Стьюдента для несвязанных выборок
[Statistical evaluation of differences in the manifestations of ethnic identity indicators by the technique of A.N. Tatarko and N.M. Lebedeva, using Student's *t*-test for unlinked samples]

Шкалы методики	Первичная диагностика (средний балл)			Повторная диагностика (средний балл)		
	«мигранты в общине» (N = 50)	«мигранты вне общины» (N = 50)	<i>t</i> -критерий	«мигранты в общине» (N = 46)	«мигранты вне общины» (N = 46)	<i>t</i> -критерий
Позитивность этнической идентичности	13,43	15,09	1,452	15,25	12,5	1,324
Неопределенность этнической идентичности	8,76	14,33	2,235*	6,81	17,29	2,356*

Примечание. * – уровень значимости $p \leq 0,05$.

Сравнение групп по выраженности позитивности/неопределенности этнической идентичности на обоих этапах исследования показало, что у представителей исследуемых групп обнаружены статистически значимые разли-

чия по показателю неопределенности этнической идентичности (табл. 3). Данная шкала позволяет оценить, насколько четко мигрант ощущает себя представителем своего народа. Тенденция к неопределенности этнической идентичности в большей степени присуща «мигрантам-армянам вне общины», что говорит о размывании их представлений о своей этнической принадлежности и, на наш взгляд, может быть связано с резким погружением в новую культурную среду без опоры в лице национальной общины.

По показателю позитивности этнической идентичности статистически значимые различия в исследуемых группах не обнаружены – респонденты обеих групп испытывают эмоции от своей принадлежности к армянскому этносу, другими словами у них присутствует эмоциональная окрашенность этнической идентичности.

Результаты статистической проверки значимости сдвигов в выраженности типов этнической идентичности (методика «Тип этнической идентичности» Г.И. Солдатовой и С.В. Рыжовой) у мигрантов-армян обеих групп по истечении пяти лет представлены в табл. 4. Отметим, что мы выровняли количество участников первого и второго измерения, исключив из первого измерения в обеих группах результаты выбывших при повторном измерении участников. Таким образом, число измерений в обеих группах при первичной и повторной диагностике составило 46.

Таблица 4 / Table 4

Статистическая оценка сдвигов в выраженности типов этнической идентичности по методике «Тип этнической идентичности» с помощью *t*-критерия Стьюдента для связанных выборок [Statistical evaluation of shifts in the manifestations of ethnic identity types according to the TEI technique using Student's *t*-test for linked samples]

Тип этнической идентичности (шкалы методики ТЭИ)	«Мигранты в общине» (средний балл)			«Мигранты вне общины» (средний балл)		
	1 этап (<i>N</i> = 46)	2 этап (<i>N</i> = 46)	<i>t</i> -критерий	1 этап (<i>N</i> = 46)	2 этап (<i>N</i> = 46)	<i>t</i> -критерий
Этнонигилизм	2,33	1,98	1,009	2,18	2,33	1,121
Этноиндифферентность	9,21	15,49	2,308*	8,07	9,34	1,178
Позитивная этническая идентичность	17,97	13,94	2,202*	16,78	13,02	2,196*
Этноэгоизм	4,82	3,27	1,327	13,06	13,14	1,028
Этноизоляция	4,84	1,64	1,703	5,11	2,88	1,612
Этнофанатизм	1,59	2,54	1,163	1,22	1,04	1,136

Примечание. * – уровень значимости $p \leq 0,05$.

Как следует из табл. 4, обнаружен статистически значимый сдвиг в выраженности этноиндифферентности в группе «мигрантов-армян в общине». По истечении пяти лет этноиндифферентность начинает преобладать у большего числа мигрантов-армян, являющихся членами национально-культурной автономии. Это подтверждает высказанное ранее (при интерпретации данных табл. 2) предположение о том, что, возможно, нахождение в общине «снимает» остроту переживания этнической идентичности и необходимость ее «демонстрации» окружающим.

По шкале позитивной этнической идентичности (нормы) в обеих группах установлено достоверное снижение в сравнении с первым измерением.

Скорее всего, это является закономерной реакцией на достаточно долгое пребывание в другой культуре.

Результаты статистической проверки значимости сдвигов в позитивности и неопределенности этнической идентичности (методика А.Н. Татарко и Н.М. Лебедевой) в обеих группах через пять лет представлены в табл. 5.

Таблица 5 / Table 5

Статистическая оценка сдвигов в выраженности показателей этнической идентичности по методике А.Н. Татарко и Н.М. Лебедевой с помощью *t*-критерия Стьюдента для связанных выборок
[Statistical evaluation of shifts in the manifestations of ethnic identity indicators by the technique of A.N. Tatarko and N.M. Lebedeva, using Student's *t*-test for linked samples]

Шкалы методики	«Мигранты в общине» (средний балл)		<i>t</i> -критерий	«Мигранты вне общины» (средний балл)		<i>t</i> -критерий
	Этапы диагностики			Этапы диагностики		
	1 этап (<i>N</i> = 46)	2 этап (<i>N</i> = 46)	1 этап (<i>N</i> = 46)	2 этап (<i>N</i> = 46)		
Позитивность этнической идентичности	13,21	14,97	1,225	15,09	12,5	1,533
Неопределенность этнической идентичности	8,06	6,55	1,324	14,33	17,29	1,665

Обращаясь к табл. 5, можно подытожить, что, несмотря на незначительные изменения средних значений в группах мигрантов-армян по шкалам методики А.Н. Татарко, Н.М. Лебедевой, достоверность возможных сдвигов статистически не подтвердилась, что свидетельствует об устойчивости этнической идентичности, которую подчеркивают многие исследователи.

Заключение

Этническая идентификация личности является тонко чувствующим барометром социальных, политических, экономических преобразований и настроений в обществе. Функциональная нагрузка этнической идентичности особенно проявляется в переходные периоды жизни личности и общества, когда социальные структуры ослабевают или трансформируются. В кризисной, нестабильной ситуации социально-культурного развития значимость этнической идентичности существенно повышается, тогда как в спокойные периоды ослабевает.

Результаты проведенного лонгитюдного исследования говорят о том, что от длительности пребывания мигранта в принимающем сообществе и членства в общинной организации зависят некоторые показатели его этнической идентичности.

Членство в общинной организации влияет на такие показатели этнической идентичности, как неопределенность этнической идентичности и гиперэтнические установки – у «мигрантов-армян в общине» и то и другое ниже, вне зависимости от длительности проживания в России.

В обеих группах со временем произошло увеличение числа мигрантов, выбирающих этноиндифферентность, воспринимаемую как неактуальность на данный момент этнического фактора в жизни. Такая трансформация этнической идентичности не связана с участием в общине. Возможно, в этом слу-

чае на этническую идентичность мигрантов действуют глобальные процессы: политические решения в миграционной сфере, общественные настроения, то есть это является следствием длительного аккультурационного процесса в поликультурном сообществе. Отметим, что данный вывод подтверждают результаты, полученные Т.Л. Смолиной (2006).

Еще раз обратимся к тому, что вне зависимости от срока пребывания в принимающем сообществе в группе «мигрантов-армян вне общины» больше респондентов, обладающих гиперэтническими установками, представленными такими типами этнической идентичности, как этноэгоизм и этнофанатизм. С одной стороны, мы не можем с полной уверенностью исключить другие факторы, влияющие на данный результат, а с другой стороны, он заставляет серьезно задуматься о роли национально-культурных автономий в профилактике межэтнической напряженности в современном обществе. Полученный результат требует дальнейшего изучения, так как пока остается невыясненным вопрос, какие именно воздействия или мероприятия наилучшим образом способствуют профилактике гиперэтнических установок, достигается ли это комплексом мер или, может быть, стихийным воздействием других членов общины.

Таким образом, участие мигрантов в деятельности общинной организации имеет большое значение для сохранения этнической идентичности на уровне, исключающем гиперэтнические установки, враждебность, межэтническую напряженность и другие нежелательные явления.

Немаловажно, что число мигрантов в обеих группах с нормативным типом этнической идентичности, хоть и снижается, но все равно остается достаточно высоким. Позитивная этническая идентичность проявляется в положительном отношении как к собственному народу, так и к представителям других культур, сочетает в себе высокую толерантность и готовность к межэтническим контактам. Данный тип этнической идентичности выступает важнейшим условием вхождения в новую социокультурную среду и одновременно показателем успешности социально-психологической адаптации.

Рассмотренные в работе особенности типов этнической идентичности, а также ее трансформация могут явиться основой для последующих исследований, не ограничивающихся изучением влияния вовлеченности мигрантов в деятельность национально-культурной автономии на их этническую идентификацию, а рассматривающих более широкий социально-экономический и политический контекст, в котором протекает процесс аккультурации мигрантов. В то же время организационная структура общинных организаций также нуждается в тщательном анализе. Именно эти аспекты в исследуемой проблематике представляются нам наиболее перспективными в плане дальнейшего изучения.

Список литературы

- Берри Дж., Пуртинга А.Х., Сигалл М.Х., Дасен П.Р.* Кросс-культурная психология. Исследования и применение. Харьков: Гуманитарный центр, 2007. 560 с.
- Бухарева С.Л.* Особенности формирования этнической идентичности у подростков в этнически ориентированных учебных центрах: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: ПИ РАО, 2005. 26 с.

- Вершинина М.В.* Особенности этнической идентичности мигрантов-армян в зависимости от длительности их проживания в инокультурной среде и вовлеченности в деятельность национальной общины: дис. ... канд. психол. наук. Саратов: Саратовский гос. ун-т имени Н.Г. Чернышевского, 2012. 151 с.
- Даен Д.В.* Этническая идентичность в контексте развития национально-культурных объединений: дис. ... канд. социол. наук. Саратов: Саратовский гос. ун-т имени Н.Г. Чернышевского, 2003. 166 с.
- Дробижеева Л.М.* Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Институт социологии РАН, 2008. Вып. 7. С. 214–228.
- Константинов В.В., Вершинина М.В.* Взаимосвязь этнической идентичности мигрантов-армян и условия их проживания в принимающем сообществе // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 71–79.
- Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Кросс-культурный анализ социально-психологических факторов этнической толерантности и типичные стратегии межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России // Этническая толерантность в поликультурных регионах России. М.: Изд-во РУДН, 2002. С. 252–285.
- Межкультурные отношения на постсоветском пространстве: монография / под ред. Н.М. Лебедевой. М.: Менеджер, 2017. 492 с.
- Мухлынкина Ю.В.* К вопросу формирования этнической идентичности // Научный вестник московского государственного технического университета гражданской авиации. 2015. № 5. С. 27–33.
- Смолина Т.Л.* Особенности этнического самосознания молодежи в зависимости от опыта проживания в инокультурной среде: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т имени А.И. Герцена, 2006. 23 с.
- Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.
- Стефаненко Т.Г.* Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2009. № 2. С. 3–17.
- Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология: практикум: учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2006. 208 с.
- Татарко А.Н.* Интеграционная политика общества и отношение к мигрантам принимающего населения: исследование в 17 европейских странах // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 16. № 2. С. 216–231. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-2-216-231>
- Татарко А.Н., Лебедева Н.М.* Методы этнической и кросс-культурной психологии: учебно-методическое пособие. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2011. 236 с.
- Хабидуллина А.Р.* Историко-культурные центры как форма оптимизации этнической идентичности и межэтнических коммуникаций в Республике Башкортостан: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ижевск: УдГУ, 2010. 52 с.
- Хухлаев О.Е., Александрова Е.А., Гриценко В.В., Константинов В.В., Кузнецов И.М., Павлова О.С., Рыжова С.В., Шорохова В.А.* Идентификация с религиозной группой и этнонациональные установки буддистской, мусульманской и православной молодежи // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 14. № 3. С. 71–82. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150308>
- Berry J.W., Galyapina V.N., Lebedeva N.M., Lepshokova Z.Kh., Ryabichenko T.A.* Intercultural relations in Georgia and Tajikistan: A post-conflict model // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2019. Vol. 16. No. 2. Pp. 232–239. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-2-232-249>
- Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P.* Immigrant youth: Acculturation, identity and adaptation. *Applied Psychology*. 2006. Vol. 55. No. 3. Pp. 303–332. <https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.2006.00256.x>

- Phinney J., Horenczyk G., Liebkind K., Vedder P.* Ethnic identity, immigration, and well-being: an interactional perspective // *Journal of Social Issues*. 2001. Vol. 57. No. 3. Pp. 493–510.
- Seweryn O.* Identity Change as a Consequence of the Migration Experience// *Imaging frontiers, contesting identities* / ed. by Steven G. Ellis, L. Klusakova. Pisa: Edizioni Plus – Pisa University Press, 2007. Pp. 21–42.
- Wang S., Li S.* Exploring Generational Differences of British Ethnic Minorities in Smoking Behavior, Frequency of Alcohol Consumption, and Dietary Style // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2019. Vol. 16. No. 12. P. 2241. <https://doi.org/10.3390/ijerph16122241>

История статьи:

Поступила в редакцию: 12 декабря 2019 г.

Принята к печати: 15 февраля 2020 г.

Для цитирования:

Константинов В.В., Бабаева М.В. Трансформация этнической идентичности мигрантов-армян, вовлеченных и не вовлеченных в деятельность национально-культурной автономии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2020. Т. 17. № 1. С. 128–142. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-128-142>

Сведения об авторах:

Константинов Всеволод Валентинович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии Пензенского государственного университета (Пенза, Россия). ORCID iD: 0000-0002-1443-3195. E-mail: konstantinov_vse@mail.ru

Бабаева Марина Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии Пензенского государственного университета (Пенза, Россия). ORCID iD: 0000-0001-5235-5485. E-mail: m.verschinina2010@yandex.ru

Research article

Transformation of Ethnic Identity of Armenian Migrants Involved and Non-Involved in the Activities of Their National Cultural Autonomy

Vsevolod V. Konstantinov, Marina V. Babaeva

Penza State University
40 Krasnaya St., Penza, 440026, Russian Federation

Abstract. The paper discusses the results of a longitudinal empirical study on the types and manifestations of ethnic identity of Armenian migrants, its transformation depending on the participation/non-participation of representatives of the Armenian ethnos in the activities of the Armenian national cultural autonomy of Penza. The survey sample was formed from representatives of the Armenian ethnic group living in the Penza region: 100 during the initial diagnosis and 92 of them after the repeated diagnosis. The time period between the first and

second stages of the study was 5 years. At each stage the sample included two equal subgroups: Armenian migrants who participated and did not participate in the activities of the national community. The features of ethnic identity were diagnosed by means of the Type of Ethnic Identity (TEI) technique (G.I. Soldatova and S.V. Ryzhova) and the technique for assessing the positivity and uncertainty of ethnic identity (A.N. Tatarko and N.M. Lebedeva). Student's *t*-test was used for statistical data processing. The results of the study confirm the assumption that migrants who interact over a long stretch of time with their community organisation have less pronounced hyper-ethnic attitudes like ethno-egoism and ethno-isolationism. The repeated diagnosis revealed a decreasing tendency in the number of migrants in both groups with predominant positive ethnic identity and an increasing tendency in the number of migrants with ethno-indifference, which is most likely a natural reaction to their long staying in another culture and adaptation to it. The results of the study are likely to be useful in developing programs for the prevention of inter-ethnic conflicts in modern society, when it is necessary to take into account the role of national cultural autonomies in the process of migrants' adaptation in the host society.

Key words: ethnic identity, migrants, transformation of ethnic identity, national cultural autonomy

References

- Berry, J.W., Galyapina, V.N., Lebedeva, N.M., Lepshokova, Z.Kh., & Ryabichenko, T.A. (2019). Intercultural Relations in Georgia and Tajikistan: A Post-Conflict model. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 16(2), 232–239. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-2-232-249>
- Berry, J.W., Phinney, J.S., Sam, D.L., & Vedder, P. (2006). Immigrant youth: Acculturation, identity and adaptation. *Applied Psychology*, 55(3), 303–332. <https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.2006.00256.x>
- Berry, J.W., Poortinga, Y.H., Segall, M.H., & Dasen, P.R. (2007). *Cross-Cultural Psychology: Research and Applications*. Kharkov: Gumanitarnyi Tcentr. (In Russ.)
- Buhareva, S.L. (2005). *Osobennosti Formirovaniya Etnicheskoi Identichnosti u Podrostkov v Etnicheski Orientirovannykh Uchebnykh Centrakh*. Ph.D. in Psychology Thesis. Moscow: Psychological Institute of RAE. (In Russ.)
- Daen, D.V. (2003). *Etnicheskaya Identichnost v Kontekste Razvitiya Nacional'no-Kul'turnykh Ob"Edinenii*. Ph.D. in Sociology. Saratov: Chernyshevsky Saratov State University. (In Russ.)
- Drobizheva, L.M. (2008). Nacional'no-grazhdanskaya i etnicheskaya identichnost: Problemy pozitivnoi sovместимости. In M.K. Gorshkov (Ed.), *Rossiya Reformiruyushchayasya* (issue 7, pp. 214–228). Moscow: Institute of Sociology RAS. (In Russ.)
- Habibullina, A.R. (2010). *Istoriko-Kul'turnye Tsentry kak Forma Optimizatsii Etnicheskoi Identichnosti i Mezhetnicheskikh Kommunikacii v Respublike Bashkortostan*: Dr.Sc. in History Thesis. Izhevsk: Udmurt State University. (In Russ.)
- Khukhlaev, O.Ye., Aleksandrova, E.A., Gritsenko, V.V., Konstantinov, V.V., Kuznetsov, I.M., Pavlova, O.S., Ryzhova, S.V., & Shorokhova, V.A. (2019). Religious Group Identification and Ethno-National Attitudes in Buddhist, Muslim and Orthodox Youth. *Cultural-historical psychology*, 15(3), 71–82. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150308> (In Russ.)
- Konstantinov, V.V., & Vershinina, M.V. (2014). Correlation between ethnic identity of migrants-Armenian and their living conditions in host community. *Psikhologicheskij Zhurnal*, 35(1), 71–79. (In Russ.)
- Lebedeva, N.M. (2017). *Mezhkul'turnye Otnosheniya na Postsovetskom Prostranstve*. Moscow: Menedzher Publ. (In Russ.)
- Lebedeva, N.M., & Tatarko, A.N. (2002). Krosskul'turnyi analiz sotsial'no-psikhologicheskikh faktorov etnicheskoi tolerantnosti i tipichnye strategii mezhgruppovogo vzai-

- modeistviya v polikul'turnykh regionakh Rossii. In N.M. Lebedeva, & A.N. Tatar-ko (Eds.), *Etnicheskaya Tolerantnost' v Polikul'turnykh Regionakh Rossii* (pp. 252–285). Moscow: RUDN Publ. (In Russ.)
- Muhlynkina, Yu.V. (2015). On the formation of ethnic identity. *Civil Aviation High Technologies*, (5), 27–33. (In Russ.)
- Phinney, J., Horenczyk, G., Liebkind, K., & Vedder, P. (2001). Ethnic identity, immigration, and well-being: an interactional perspective. *Journal of Social Issues*, 57(3), 493–510.
- Seweryn, O. (2007). Identity Change as a Consequence of the Migration Experience. In S.G. Ellis, & L. Klusakova (Eds.), *Imaging Frontiers, Contesting Identities* (pp. 21–42). Pisa: Edizioni Plus – Pisa University Press.
- Smolina, T.L. (2006). *Osobennosti Etnicheskogo Samosoznaniya Molodezhi v Zavisimosti ot Opyta Prozhivaniya v Inokul'turnoj Srede*. Ph.D. in Psychology Thesis. Saint Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University. (In Russ.)
- Soldatova, G.U. (1998). *Psikhologiya Mezhetnicheskoi Napryazhennosti*. Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)
- Stefanenko, T.G. (2006). *Etnopsihologiya: Praktikum*. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russ.)
- Stefanenko, T.G. (2009). Ethnic identity: from ethnology to social psychology. *Moscow University Psychology Bulletin*, (2), 3–17. (In Russ.)
- Tataro, A.N. (2019). Integration Policy of Society and Attitudes of the Host Population towards Migrants: A Study in 17 European Countries. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 16(2), 216–231. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-2-216-231> (In Russ.)
- Tataro, A.N., & Lebedeva, N.M. (2011). *Metody Etnicheskoi i Kross-Kul'turnoi Psikhologii*. Moscow: Higher School of Economics Publ. (In Russ.)
- Vershinina, M.V. (2012). *Osobennosti Etnicheskoi Identichnosti Migrantov-Armyan v Zavisimosti ot Dlitel'nosti ih Prozhivaniya v Inokul'turnoj srede i Vovlechennosti v Deyatel'nost' Natsional'noj Obshchiny*. Ph.D. in Psychology Thesis. Saratov: Chernyshevsky Saratov State University. (In Russ.)
- Wang, S., & Li, S. (2019). Exploring Generational Differences of British Ethnic Minorities in Smoking Behavior, Frequency of Alcohol Consumption, and Dietary Style. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 16(12), 2241. <https://doi.org/10.3390/ijerph16122241>

Article history:

Received: 12 December 2019

Revised: 28 January 2020

Accepted: 15 February 2020

For citation:

Konstantinov, V.V., & Babaeva, M.V. (2020). Transformation of Ethnic Identity of Armenian Migrants Involved and Non-Involved in the Activities of Their National Cultural Autonomy. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(1), 128–142. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-128-142>

Bio notes:

Vsevolod V. Konstantinov, Dr.Sc. in Psychology, is Head of the Chair of General Psychology at Penza State University (Penza, Russia). ORCID iD: 0000-0002-1443-3195. E-mail: konstantinov_vse@mail.ru

Marina V. Babaeva, Ph.D. in Psychology, is Assistant Professor of the Chair of General Psychology at Penza State University (Penza, Russia). ORCID iD: 0000-0001-5235-5485. E-mail: m.verschinnina2010@yandex.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-1-143-158
УДК 159.99

Исследовательская статья

Психолингвистический анализ ассоциаций концептов «мужчина» и «женщина» у тюркоязычных народов Сибири

А.И. Егорова

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова
Российская Федерация, 677000, Якутск, ул. Белинского, 58

Аннотация. Предметом данного исследования явились ассоциации, связанные с понятиями «мужчина» и «женщина» у представителей тюркоязычных народов Сибири – алтайцев, тувинцев, хакасов и якутов. Целью исследования было выявление семантических полей стимулов, связанных с понятиями «мужчина» и «женщина», обусловленных этнокультурным контекстом. В исследовании проверялась гипотеза о том, что в содержательном смысле ядро ассоциативных полей, связанных с данными понятиями, у представителей тюркоязычных этнических групп – алтайцев, тувинцев, хакасов и якутов – будет иметь больше сходства, нежели различий. Исследовано 487 представителей тюркоязычных народов Сибири, в том числе 80 алтайцев, 157 тувинцев, 126 хакасов и 124 якута в возрасте от 18 до 65 лет, из них 230 мужчин и 257 женщин, в том числе 145 человек со средним, 73 человека со средним специальным и 269 человек с высшим образованием. Основным методом исследования был опрос с элементами ассоциативного эксперимента. Всего было получено 1844 ассоциации, из них 914 на стимул «мужчина» и 930 на стимул «женщина». В ходе контент-анализа все ответы были разделены на шесть категорий, в составе которых были выделены подкатегории и разные индикаторы: «Физические характеристики», «Статусно-ролевые характеристики», «Человек», «Предмет, природа, абстракция, образ», «Личностные качества», «Поведенческие характеристики». Первые три ранга по количеству упоминаний в образах «мужчины» и «женщины» занимают «Статусно-ролевые характеристики», «Личностные качества» и «Физические характеристики». В ядро ассоциативных полей концепта «мужчина» у тюркоязычных народов были включены индикаторы «Сильный», «Защитник, может постоять за семью, умеет отстаивать права семьи, опора семьи, плечо, советчик», «Добытчик, кормилец», «Отец, папа, родитель», «Глава семьи», «Мужественный»; у тувинцев и хакасов – «Умный»; у тувинцев и якутов – «Смелый, бесстрашный, храбрый, отважный»; у алтайцев – «Держит слово»; якутов – «Волевой». В ядро ассоциативных полей концепта «женщина» у тюркоязычных народов были включены индикаторы «Красивая, яркая, ухоженная, привлекательная, приятная, милая», «Мама», «Хозяйка дома, хранительница очага», «Женственная, мягкая», «Нежная», «Добрая, ласковая, добросердечная, великодушная, отзывчивая, искренняя», «Умная», «Жена», «Заботливая». Результаты исследования могут быть использованы при разработке концепций и программ гендерной и семейной политики государства, а также найти применение в работе служб социально-психологической помощи семье в национальных регионах РФ.

Ключевые слова: гендерные стереотипы, ассоциации, концепты, мужчины, женщины, тюркоязычные народы Сибири, алтайцы, тувинцы, хакасы, якуты

© Егорова А.И., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Введение

Гендерные стереотипы и их репрезентации в языковой системе, представляющие большой научный интерес в различных областях гуманитарного знания, в настоящее время изучены недостаточно. Об этом свидетельствует анализ работ, посвященных исследованию лингвистических аспектов гендера (Кирилина, 1999). Как справедливо отмечает А.В. Кирилина, «гендер не является лингвистической категорией», в то же время его содержание «в значительной мере может быть раскрыто путем анализа структур языка», гендер «необходимо изучать как когнитивный феномен, проявляющийся в стереотипах, фиксируемых языком...» (Кирилина, 1999).

Гендерный код, заложенный в языковой системе, определяет не только модели и паттерны общения, но и нормы и стандарты мужского и женского поведения, существующие в обыденном сознании. Одним из основных источников информации о характере и содержании гендерных отношений являются ассоциативные образы мужчин и женщин, закрепленные в обыденном сознании представителей различных этнических групп.

Теоретической основой нашего исследования явились работы в области гендерной психологии (Best et al., 1977; Best, 2001; Бем, 2004; Берн, 2007; Клецина, 2009 и др.) и гендерной психолингвистики (Lakoff, 1973; Bodine, 1975; *Language and Sex...*, 1975; *Language, Gender and Society*, 1983; *Sex Differences in Language...*, 1983; Халеева, 1999; Кириллина, 1999; Горошко, 2001 и др.).

Кросс-культурные исследования гендерных стереотипов в зарубежной социальной психологии проводятся, как правило, в контексте сравнения наборов характеристик, приписываемых мужчинам и женщинам, либо в форме сопоставления гендерных ролей у представителей тех или иных этнических групп. Так, сравнительные исследования гендерных стереотипов, предпринятые в США, Англии, Ирландии в 1977 г., во Франции, Германии и Норвегии – в 1979 г., проведенные J. Williams и др., были направлены на выявление сходства и различия в содержании психологических характеристик мужчин и женщин как представителей гомогенных (имеющих общую языковую историю) и гетерогенных (разных) культур. В целом была обнаружена высокая степень сходства в содержании гендерных стереотипов во всех исследованных этнических культурах, тем не менее степень их сходства в гомогенных (англоязычных) культурах оказалась выше, чем в гетерогенных (Best et al., 1977).

В контексте антропоориентированного подхода пол рассматривается как «социально и культурно» конструируемый феномен, динамический, изменчивый продукт развития человеческого общества, поддающийся социальному моделированию (Кирилина, 2002). Как отмечает А.В. Кирилина, «признание культурной обусловленности пола, его институциональности и ритуализированного характера ведет и к признанию его конвенциональности, неодинаково проявляющейся в различных культурных и языковых сообществах на различных этапах их развития» (Кирилина, 1999).

В научной литературе представлено достаточное количество исследований гендерных концептов, закрепленных в представлениях носителей раз-

ного языкового сознания, в том числе русских (Кавинкина, 2006; Адонина, 2008; Ефремов, 2010), якутов (Хохолова, 2013), бурят (Бадмаева, 2010), хакасов (Боргоякова, 2003; Боргоякова, Покоякова, 2015; Покоякова, 2016). Данные исследования осуществлены преимущественно на основе анализа ассоциаций, некоторые работы проведены на основе анализа паремий и фразеологии. Социально-психологический анализ и сравнение гендерных стереотипов тюркоязычных народов Сибири отдельно не проводились, отсутствуют и работы, позволяющие сравнить гендерные стереотипы малочисленных народов отдельного региона. Наше основное исследование выполнено на междисциплинарной основе, оно включает этнографический, психолингвистический и этнопсихологический аспекты изучения гендерных стереотипов на основе психолого-антропологического и кросс-культурного подходов. В данной работе представлена психолингвистическая часть исследования, а именно анализ ассоциаций, связанных с концептами «мужчина» и «женщина».

Несмотря на некоторые общие моменты в историческом прошлом, определенное языковое сходство и параллели мифологического сознания, центрально-азиатские тюркские народы – алтайцы, тувинцы и хакасы – дифференцируют себя от якутов, поскольку географически и территориально они находятся ближе друг к другу, межэтнические контакты у них более интенсивны.

Гендерные стереотипы якутов – сложные социальные конструкты, сочетающие две культурные традиции. С одной стороны, якуты идентифицируют себя с тюркоязычными народами, поэтому исторически гендерные отношения якутов основаны на традиционных семейно-родовых отношениях, характерных для тюркских народов, которые базируются на патриархальных установках, на строгой регламентации гендерных различий и дихотомизации мужского и женского начала, иерархии статуса мужчин и женщин. Психолингвистический анализ паремий (поговорок и пословиц), содержащих гендерные стереотипы, показал, что наиболее близкими друг другу по степени выраженности андроцентризма и сексизма являются хакасы и якуты. Паремии алтайцев и тувинцев о мужском и женском поведении более лояльны, они содержат меньше запретов и экспектаций, особенно по отношению к женщинам (Егорова, Чочкина, Сарбашева, 2019). В семейно-родовых отношениях традиционных алтайцев, тувинцев, хакасов и якутов доминировали идеи о неравенстве полов, относительно женщин были характерны обычаи и запреты экзогамного брака: избегания (запрета называть по имени родственников мужа), умыкания и карамчения (насильственного увоза невесты), уплаты калыма и т. п. В целом тюркоязычные культуры были маскулинно ориентированными и отличались тенденцией к андроцентричности, по отношению к женщинам существовала традиция ограничений и многочисленных экспектаций. С другой стороны, якуты являются частью арктической культуры, поэтому в традициях гендерных отношений якутов достаточно много запретов, ритуалов, обрядов, обычаев, характерных для северных народов: долганов, эвенов, эвенков, юкагиров и чукчей.

Предметом данного исследования явились ассоциации, связанные с понятиями «мужчина» и «женщина» у представителей тюркоязычных народов Сибири – алтайцев, тувинцев, хакасов и якутов. На основании анализа

литературы, кратко представленного выше, мы выдвинули *гипотезу* о том, что в содержательном смысле ядро ассоциативных полей, связанных с понятиями «мужчина» и «женщина», у представителей тюркоязычных этнических групп – алтайцев, тувинцев, хакасов и якутов – будет иметь больше сходства, нежели различий. Соответственно, *целью* исследования было выявление семантических полей стимулов, связанных с понятиями «мужчина» и «женщина», обусловленных этнокультурным контекстом.

Задачи исследования: 1) выявление ассоциативных полей концептов «мужчина» и «женщина» в обыденном сознании алтайцев, тувинцев, хакасов и якутов; 2) сравнение ассоциаций, связанных с понятиями «мужчина» и «женщина», у алтайцев, тувинцев, хакасов и якутов мужского и женского пола, и выявление их содержательного сходства и различий.

Процедура и методы исследования

Выборка. Данное исследование проводилось в рамках научной экспедиции среди представителей тюркоязычных этнических групп Сибири¹. Объем выборки – 487 человек в возрасте от 18 до 65 лет, из них 80 алтайцев, 157 тувинцев, 126 хакасов и 124 якута, из которых – 230 мужчин и 257 женщин; 145 человек со средним, 73 человека со средним специальным и 269 человек с высшим образованием.

Методы. Респондентам было предложено дать ассоциации на словесные стимулы «мужчина» и «женщина», предъявленные на двух языках для каждой этнической выборки: алтайском/русском, тувинском/русском, хакасском/русском, якутском/русском (табл. 1). Ответы давались по выбору респондентов на родном или на русском языке, предпочтение языка определялось самим респондентом. Среди ответивших на родном языке было больше тувинцев и якутов, меньше алтайцев и хакасов. Все ассоциации, данные респондентами на родном языке, были переведены на русский язык (Словарь личностных качеств..., 2018, Якутско-русский словарь..., 2007).

Обработка заключалась в контент-анализе полученного массива ассоциаций по содержанию категорий и индикаторов. По каждой категории подсчитывалась частота упоминаний тех или иных индикаторов, затем проводилось ранжирование. По содержанию ассоциаций были проведены анализ и сравнение связанных семантических полей между отдельными стимулами у категорий испытуемых: у мужчин и женщин и у отдельных этнических групп.

Таблица 1 / Table 1

Понятия «мужчина» и «женщина» у тюркоязычных народов Сибири
[The concepts 'man' and 'woman' typical of the Siberian Turkic peoples]

Понятия	Алтайский язык	Тувинский язык	Хакасский язык	Якутский язык
Мужчина	эр кижі	эр	ир кізі	эр киһи
Женщина	уй кижі	херээжен	ипчі	дьахтар

¹ В экспедиционном исследовании приняли участие алтайцы, тувинцы, хакасы, якуты, проживающие в г. Горно-Алтайск, п. Онгудай, с. Боочы, п. Улаган Республики Алтай; г. Кызыл Республики Тыва; в г. Абакан, п. Шира, п. Аскиз Республики Хакасия; г. Якутске, г. Вилуйске, п. Жиганск Республики Саха (Якутия).

Результаты и их обсуждение

Всего было получено 1844 ассоциаций, из них 914 на стимул «мужчина» и 930 на стимул «женщина». Все ответы были разделены на шесть категорий, в составе которых были выделены подкатегории и разные индикаторы (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Содержание категорий и индикаторов ассоциаций концептов «мужчина» и «женщина» у тюркоязычных народов Сибири
[The content of associative categories and indicators of the concepts 'man' and 'woman' typical of the Siberian Turkic peoples]

Категории	Индикаторы
1. Физические характеристики	
1.1. Внешность, телесные описания	усы, борода, волосы, коса, высокий рост, тип телосложения, талия, стройный, спортивный, спортивное телосложение
1.2. Одежда и аксессуары	
1.2.1. Мужская	костюм
1.2.2. Женская	каблучки, платье, помада
1.3. Красота	красивый, здоровый, привлекательный, ухоженный
1.4. Мужественность/женственность	
1.4.1. Мужественность	сильный, мощный, мужественный
1.4.2. Женственность	нежный, изящный, хрупкий, женственный
2. Статусно-ролевые характеристики	
2.1. Профессиональные роли	воин, богатырь, охотник, рыбак, сенокосчик
2.2. Общественные роли	предводитель, лидер, успешный, состоявшийся человек, народ, общество
2.3. Семейные роли	
2.3.1. Мужские семейные роли	брат, сын, дядя, дедушка, муж отец, папа, родитель
2.3.2. Женские семейные роли	мама, сестра, дочь, тетя, бабушка, жена, родительница, воспитатель детей
2.4. Домашние роли, обязанности, функции	глава семьи, продолжатель рода добытчик, кормилец, опора семьи, плечо, богатство семьи хозяин дома, хранитель очага защитник, может постоять за семью, умеет отстаивать права семьи, советчик
3. Человек	человек, животное
3.1. Мужчина	существо мужского пола, самец, сильный пол, готовый ко взрослой жизни человек, мужик, не женщина
3.2. Женщина	женщина, слабый пол, прекрасная половина человечества
4. Предмет, природа, абстракция, образ	
4.1. Предмет	автомобиль, дом, очаг, стена, молоток, свет, еда, оберег
4.2. Природа	лес, тайга, цветок, вода
4.3. Абстракция	чистота, легкость, тепло, счастье, любовь, муза
4.4. Конкретный исторический образ, герои произведений, знаменитости	Батыр, Нюргун Боотур, Далбар Хотун, Урунг Айыы Хотун, Жар-птица
4.5. Иные образы	маньяк, ведьма, стерва, кровь, зло
5. Личностные качества	
5.1. Интеллектуальные качества	умный, мудрый, логичный, стратег, любознательный, эрудированный, хитрый, простодушный
5.2. Эмоциональные свойства	спокойный, уравновешенный, чувствительный, ранимый, обидчивый, капризный

Окончание табл. 2 / Table 2, ending

Категории	Индикаторы
5.3. Волевые качества	сильный, слабый, волевой, стойкий, твердый, решительный, смелый, храбрый, отважный, бесстрашный, держит слово, отвечает за слова и поступки, строгий, требовательный, выносливый, осторожный
5.4. Отношение к цели, жизни, труду, себе	активный, трудолюбивый, самостоятельный, самодостаточный, гордый, целеустремленный, уверенный, ответственный, властный, доминирующий, должен стремиться покорять, уступчивый
5.5. Коммуникативные качества	добрый, великодушный, любящий, заботливый, немногословный, внимательный
5.6. Моральные качества	честный, лживый, справедливый, порядочный, верный, надежный
6. Поведенческие характеристики	должна подчиняться мужу, создана для мужчины, не должна быть похожей на мужчину, умеет поддержать, должна хорошо выглядеть, умеет находить общий язык со всеми, должна стремиться создать семью

Образ «мужчины» у представителей тюркоязычных народов

На стимул «мужчина» было названо 914 ассоциаций, в том числе испытуемыми мужчинами 286 и испытуемыми женщинами 628 ассоциаций (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Категории ассоциаций концепта «мужчина» у мужчин и женщин
[The associative categories of the concept "man" in men and women of the Siberian Turkic peoples]

Категории	Мужчины	%	Ранг	Женщины	%	Ранг	Все	%	Ранг
1. Физические характеристики	65	22,7 %	2	164	26,1 %	3	229	25 %	3
2. Статусно-ролевые характеристики	119	41,6 %	1	217	34,55 %	1	336	36,7 %	1
3. Человек	39	13,6 %	4	42	6,7 %	4	81	8,86 %	4
4. Предмет, природа, абстракция, образ	7	2,44 %	5	7	1,11 %	5	14	1,5 %	5
5. Личностные качества	55	19,2 %	3	197	31,3 %	2	252	27,6 %	2
6. Поведенческие характеристики	1	0,3 %	6	1	0,15 %	6	2	0,21 %	6
Всего	286			628			914		

В целом по выборке для стимула «мужчина» наибольшее число ассоциаций было дано по категории «Статусно-ролевые характеристики» (336), в том числе максимальное число индикаторов было получено по шкале «Домашние роли, обязанности, функции» (209). По категории «Личностные качества» названо 252 слов, в том числе по шкале «Волевые качества» (78). По категории «Физические характеристики» названо 229 слов, в том числе по шкале «Мужественность/женственность» (189). Наиболее часто образ «мужчины» ассоциируется с такими индикаторами как «Сильный» (140), «Существо мужского пола, самец, сильный пол» (98), «Смелый, бесстрашный, храбрый, отважный» (43), «Умный» (31) и др.

Для испытуемых мужчин первый ранг в образе «мужчины» занимают «Статусно-ролевые характеристики», второй ранг – «Физические характеристики», третий ранг – «Личностные качества». Наиболее часто в образе «мужчины» мужчинами упоминаются индикаторы: «Сильный» (44), «Существо мужского пола, самец, сильный пол, готовый к взрослой жизни человек, мужчина, мужик» (27), «Отец, папа, родитель» (26), «Добытчик, кормилец» (22), «Защитник, может постоять за семью, умеет отстаивать права семьи, опора семьи, плечо, советчик» (18) (табл. 3).

Для испытуемых женщин первый ранг в образе «мужчины» занимают «Статусно-ролевые характеристики», второй ранг – «Личностные качества», третий ранг – «Физические характеристики». Наиболее часто в образе «мужчины» женщинами упоминаются индикаторы: «Сильный» (96), «Защитник, может постоять за семью, умеет отстаивать права семьи, опора семьи, плечо, советчик» (64), «Мужественный» (37), «Глава семьи» (35), «Отец, папа, родитель» (28), «Добытчик, кормилец» (28), «Смелый, бесстрашный, храбрый, отважный» (30), «Умный» (23) и др.

Таблица 4 / Table 4

**Категории ассоциаций концепта «мужчина» у представителей разных этнических групп
[The associative categories of the concept “man” among the different Siberian Turkic ethnic groups]**

Категории	Якуты			Алтайцы			Тувинцы			Хакасы			Все		
	Ранг	%	Число	Ранг	%	Число	Ранг	%	Число	Ранг	%	Число	Ранг	%	Число
1. Физические характеристики	3	22,4 %	50	3	19,7 %	36	2	30,2 %	91	2	25,1 %	52	2	25 %	229
2. Статусно-ролевые характеристики	1	33,6 %	75	1	39,5 %	71	1	34,2 %	103	1	42 %	87	1	36,8 %	336
3. Человек	4	11,2 %	25	4	8,7 %	16	4	6,3 %	19	4	10,1 %	21	4	8,9 %	81
4. Предмет, природа, абстракция, образ	5	2,2 %	5	5	1,6 %	3	5	1,3 %	4	5	0,9 %	2	5	1,5 %	14
5. Личностные качества	2	29,6 %	66	2	31,1 %	57	3	27,9 %	84	3	21,7 %	45	3	27,6 %	252
6. Поведенческие характеристики	6	0,9 %	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0,2 %	2
Всего			223			183			301			207			914

Как следует из табл. 4, у алтайцев первый ранг в образе «мужчины» занимают «Статусно-ролевые характеристики», второй ранг – «Личностные качества», третий ранг – «Физические характеристики». Наиболее часто в образе «мужчины» алтайцами упоминаются индикаторы: «Сильный» (21), «Защитник, может постоять за семью, умеет отстаивать права семьи, опора семьи, плечо, советчик» (20), «Глава семьи» (13), «Существо мужского пола, самец, сильный пол» (11), «Добытчик, кормилец» (10), «Держит слово» (10) и др.

У тувинцев первый ранг в образе «мужчины» занимают «Статусно-ролевые характеристики», второй ранг – «Физические характеристики», тре-

тий ранг – «Личностные качества». Наиболее часто в образе «мужчины» тувинцами упоминаются индикаторы: «Сильный» (48), «Защитник, может постоять за семью, умеет отстаивать права семьи, опора семьи, плечо, советчик» (29), «Мужественный» (25), «Отец, папа, родитель» (24), «Глава семьи» (14), «Добытчик, кормилец» (14), «Смелый, бесстрашный, храбрый, отважный» (14), «Умный» (13), «Ответственный» (12) и др.

У хакасов первый ранг в образе «мужчины» занимают «Статусно-ролевые характеристики», второй ранг – «Личностные качества», третий ранг – «Физические характеристики». Наиболее часто в образе «мужчины» хакасами упоминаются индикаторы: «Сильный» (38), «Защитник, может постоять за семью, умеет отстаивать права семьи, опора семьи, плечо, советчик» (18), «Добытчик, кормилец» (14), «Глава семьи» (12), «Отец, папа, родитель» (10), «Мужественный» (9), «Умный» (8) и др.

У якутов первый ранг в образе «мужчины» занимают «Статусно-ролевые характеристики», второй ранг – «Личностные качества», третий ранг – «Физические характеристики». Наиболее часто в образе «мужчины» якутами упоминаются индикаторы: «Сильный» (33), «Защитник, может постоять за семью, умеет отстаивать права семьи, опора семьи, плечо, советчик» (15), «Отец, папа, родитель» (13), «Добытчик, кормилец» (12), «Смелый, бесстрашный, храбрый, отважный» (12), «Мужественный» (8), «Глава семьи» (9), «Волевой» (8) и др.

Таким образом, в ядро ассоциативных полей концепта «мужчина» у тюркоязычных народов были включены: «Сильный» (28,7 %), «Защитник, может постоять за семью, умеет отстаивать права семьи, опора семьи, плечо, советчик» (16,8 %), «Отец, папа, родитель» (11 %), «Добытчик, кормилец» (10,3 %), «Мужественный» (9,65 %), «Смелый, бесстрашный, храбрый, отважный» (8,8 %), «Умный» (6,4 %). Первый ранг у всех этнических групп занимает индикатор «Сильный», второй ранг «Защитник», кроме тувинцев, у которых данный ранг занимает индикатор «Отец, папа» (табл. 5).

Таблица 5 / Table 5

Ядро ассоциативных полей концепта «мужчина» у тюркоязычных народов Сибири
[The core of the associative fields of the concept "man" among the different Siberian Turkic peoples]

ЯАП	Алтайцы	Ранг	Тувинцы	Ранг	Хакасы	Ранг	Якуты	Ранг	Все	Ранг
Сильный	26,25 %	1	30,6 %	1	30,16 %	1	26,6 %	1	28,7 %	1
Защитник	18,75 %	2	12,7 %	3	23 %	2	14,5 %	2	16,8 %	2
Отец, папа	8,75 %	6	15,3 %	2	7,9 %	4	10,5 %	3	11 %	3
Добытчик, кормилец	12,5 %	3	8,9 %	5	11,1 %	3	9,7 %	4	10,3 %	4
Мужественный	12,5 %	4	12,7 %	4	7,14 %	5	6,5 %	6	9,65 %	5
Смелый	11,25 %	5	8,9 %	6	6,3 %	6	9,7 %	5	8,8 %	6
Умный	7,5 %	7	6,4 %	7	6,3 %	7	5,6 %	7	6,4 %	7

Следовательно, у испытуемых всех этнических групп образ «мужчины» ассоциируется с такими индикаторами, как «Сильный», «Защитник, может постоять за семью, умеет отстаивать права семьи, опора семьи, плечо, советчик», «Добытчик, кормилец», «Отец, папа, родитель», «Глава семьи», «Мужественный», у тувинцев и хакасов – «Умный», у тувинцев и якутов – «Сме-

лый, бесстрашный, храбрый, отважный», у алтайцев – «Держит слово», у якутов – «Волевой».

В нашем исследовании в ассоциативное ядро образа мужчины также вошло качество *күчтү* (алт.), *күштүг* (тув.), *күстиг* (хак.), *күүстээх* (як.) «сильный». В исследовании образа мужчины у хакасов, проведенном Т.Г. Боргояковой, К.А. Покояковой (2015), помимо семейных ролей наиболее часто встречается ассоциация *күстиг* (хак.) «сильный». Результаты исследования русского языкового сознания, предпринятого В.А. Ефремовым (2009), также свидетельствуют о том, что в стереотипе мужчины самой частотной синтагматической реакцией является «сильный».

Образ «женщины» у представителей тюркоязычных народов

На стимул «женщина» названо 930 ассоциаций, из них испытуемыми мужчинами – 293 и испытуемыми женщинами – 637 ассоциаций (табл. 6).

Таблица 6 / Table 6

Категории ассоциаций концепта «женщина» у мужчин и женщин
[The associative categories of the concept “woman”
among men and women of the Siberian Turkic peoples]

Категории	Мужчины	%	Ранг	Женщины	%	Ранг	Все	%	Ранг
1. Физические характеристики	76	26 %	2	179	28 %	2	255	27,4 %	3
2. Статусно-ролевые характеристики	114	39,6 %	1	178	28 %	3	292	31,4 %	1
3. Человек	27	9,21 %	4	15	2,4 %	5	42	4,5 %	5
4. Предмет, природа, абстракция, образ	14	4,8 %	5	51	8 %	4	65	7 %	4
5. Личностные качества	60	20,4 %	3	209	32,8 %	1	269	29 %	2
6. Поведенческие характеристики	2	0,7 %	6	5	0,8 %	6	7	0,75 %	6
Всего	293			637			930		

В целом по выборке в образе «женщины» наибольшее число ассоциаций было дано по категории «Статусно-ролевые характеристики» (292), в том числе максимальное число индикаторов было обнаружено по шкале «Семейные роли» (153). По категории «Личностные качества» названо 269 слов, в том числе по шкале «Коммуникативные качества» (110). По категории «Физические характеристики» названо 255 слов, в том числе по шкале «Красота» (127). Наиболее часто образ «женщины» ассоциируется с такими индикаторами, как «Красивая, яркая, ухоженная, привлекательная, приятная, милая» (114), «Хозяйка дома, хранительница очага» (100), «Мама» (91), «Добрая, ласковая, добросердечная, великодушная, отзывчивая, искренняя» (58), «Умная» (56), «Нежная» (44), «Женственная, мягкая» (36), «Жена» (31), «Заботливая» (28) и др.

Для испытуемых мужчин первый ранг в образе «женщины» занимают «Статусно-ролевые характеристики», второй ранг – «Физические характери-

стики», третий ранг – «Личностные качества». Наиболее часто в образе «женщины» мужчинами упоминаются индикаторы «Красивая, яркая, ухоженная, привлекательная, приятная, милая» (39), «Мама» (34), «Хозяйка дома, хранительница очага» (32), «Женственная, мягкая» (13) (табл. 6).

Для испытуемых женщин первый ранг в образе «женщины» занимают «Статусно-ролевые характеристики», второй ранг – «Личностные качества», третий ранг – «Физические характеристики». Наиболее часто в образе «женщины» женщинами упоминаются индикаторы: «Красивая, яркая, ухоженная, привлекательная, приятная, милая» (75), «Мама» (57), «Хозяйка дома, хранительница очага» (62), «Добрая, ласковая, добросердечная, великодушная, отзывчивая, искренняя» (48), «Умная» (45), «Нежная» (33), «Женственная, мягкая» (23), «Заботливая» (22), «Жена» (21), «Трудолюбивая» (10) и др.

Таблица 7 / Table 7

**Категории ассоциаций концепта «женщина» у представителей этнических групп
[The associative categories of the concept “woman” among the different Siberian Turkic ethnic groups]**

Категории	Якуты			Алтайцы			Тувинцы			Хакасы			Все			
	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	
1. Физические характеристики	63	31 %	1	32	18,7 %	3	101	30,5 %	2	59	26,2 %	3	255	27,4 %	3	
2. Статусно-ролевые характеристики	61	30 %	2	61	35,7 %	1	95	28,7 %	3	75	33,3 %	1	292	31,4 %	1	
3. Человек	15	7,3	4	7	4,1 %	5	12	3,6 %	4	8	3,6 %	5	42	4,5 %	5	
4. Предмет, природа, абстракция, образ	14	6,9 %	5	21	12,3 %	4	9	2,7 %	5	21	9,3 %	4	65	7 %	4	
5. Личностные качества	49	24 %	3	45	26,3 %	2	113	34,1 %	1	62	27,6 %	2	269	29 %	2	
6. Поведенческие характеристики	1	0,5 %	6	5	2,9 %	6	1	0,3 %	6	–	–	–	7	0,75 %	6	
Всего	203		171		331			225			930					

У алтайцев первый ранг в образе «женщины» занимают «Статусно-ролевые характеристики», второй ранг – «Личностные качества», третий ранг – «Физические характеристики». Наиболее часто в образе «женщины» алтайцами упоминаются индикаторы: «Хозяйка дома, хранительница очага» (29), «Мама» (13), «Красивая, яркая, ухоженная, привлекательная, приятная, милая» (11), «Женственная, мягкая» (10), «Добрая, ласковая, добросердечная, великодушная, отзывчивая, искренняя» (11) «Умная» (11) и др. (табл. 7).

У тувинцев первый ранг в образе «женщины» занимают «Статусно-ролевые характеристики», второй ранг – «Физические характеристики», третий ранг – «Личностные качества». Наиболее часто в образе «женщины» тувинцами упоминаются индикаторы: «Красивая, яркая, ухоженная, привлекательная, приятная, милая» (53), «Мама» (34), «Хозяйка дома, хранительница

очага» (26), «Умная» (24), «Добрая, ласковая, добросердечная, великодушная, отзывчивая, искренняя» (19), «Нежная» (15), «Трудолюбивая» (12), «Женственная, мягкая» (10) и др.

У хакасов первый ранг в образе «женщины» занимают «Статусно-ролевые характеристики», второй ранг – «Личностные качества», третий ранг – «Физические характеристики». Наиболее часто в образе «женщины» хакасами упоминаются индикаторы: «Красивая, яркая, ухоженная, привлекательная, приятная, милая» (30), «Хозяйка дома, хранительница очага» (25), «Мама» (19), «Умная» (14), «Добрая, ласковая, добросердечная, великодушная, отзывчивая, искренняя» (16), «Женственная, мягкая» (11), «Нежная» (8) и др.

У якутов первый ранг в образе «женщины» занимают «Физические характеристики», второй ранг – «Статусно-ролевые характеристики», третий ранг – «Личностные качества». Наиболее часто в образе «женщины» якутами упоминаются индикаторы: «Мама» (25), «Красивая, яркая, ухоженная, привлекательная, приятная, милая» (20), «Хозяйка дома, хранительница очага» (20), «Нежная» (15), «Женственная, мягкая» (12), «Добрая, ласковая, добросердечная, великодушная, отзывчивая, искренняя» (12) и др.

Таким образом, в ядро ассоциативных полей концепта «женщина» у тюркоязычных народов были включены: «Красивая, яркая, ухоженная, привлекательная, приятная, милая» (23,4 %), «Хозяйка дома, хранительница очага» (20,5 %), «Мама» (18,7 %), «Добрая, ласковая, добросердечная, великодушная, отзывчивая, искренняя» (11,9 %), «Умная» (11,5 %), «Нежная» (9 %), «Женственная, мягкая» (7,4 %), «Жена» (6,4 %), «Заботливая» (5,8 %) (табл. 8).

Таблица 8 / Table 8

Ядро ассоциативных полей концепта «женщина» у тюркоязычных народов Сибири
[The core of the associative fields of the concept "woman" among the different Siberian Turkic peoples]

ЯАП	Алтайцы	Ранг	Тувинцы	Ранг	Хакасы	Ранг	Якуты	Ранг	Все	Ранг
Красивая	25 %	2	28 %	1	23,8 %	1	16,1 %	2	23,4 %	1
Хозяйка дома	36,3 %	1	16,6 %	3	19,9 %	2	16,1 %	3	20,5 %	2
Мама	17 %	3	19,1 %	2	15,1 %	3	20,2 %	1	18,7 %	3
Добрая	11 %	5	12,1 %	5	10 %	5	9,7 %	5	11,9 %	4
Умная	15 %	4	12,7 %	4	11,1 %	4	5,6 %	7	11,5 %	5
Нежная	9 %	7	7,6 %	6	6,3 %	7	12 %	4	9 %	6
Женственная	6,25 %	9	5 %	8	8,7 %	6	9,7 %	6	7,4 %	7
Жена	10 %	6	4,5 %	9	6,3 %	8	4,8 %	9	6,4 %	8
Заботливая	8 %	8	6,3 %	7	2,3 %	9	5,6 %	8	5,8 %	9

Следовательно, у респондентов всех этнических групп образ «женщины» ассоциируется с такими индикаторами, как «Красивая, яркая, ухоженная, привлекательная, приятная, милая», «Мама», «Хозяйка дома, хранительница очага», «Женственная, мягкая», «Нежная», «Добрая, ласковая, добросердечная, великодушная, отзывчивая, искренняя», «Умная», «Жена», «Заботливая».

Наше исследование в целом подтверждает данные, полученные другими учеными. В работе Т.Г. Боргояковой, К.А. Покояковой (2015) образ женщины у хакасов, помимо семейных ролей, ассоциируется с внешней красотой. По результатам нашего исследования, у тюркоязычных народов встречаются

ассоциации *јараи* (алт.), *чараи* (тув.), *сіліг* (хак.), *кэрэ* (як.) «красивая». В работе В.А. Ефремова отмечено, что наиболее частой реакцией на стимул «женщина» в обыденном сознании русских является признак «красивая» (Ефремов, 2009. С. 104). По данным исследования Т.Г. Боргояковой, К.А. Покояковой (2015), у хакасов концептуализация образов мужчины и женщины отражает преимущественно антропосферу, то есть номинации человека и его характеристик: внешних (семейные роли, внешность и т. д.) и внутренних (черты характера, душевные свойства и т. д.), что в целом соответствует нашим данным.

Заключение

В результате исследования мы пришли к выводу о том, что автостереотипы концептов «мужчина» и «женщина» в обыденном сознании представителей тюркоязычных народов – алтайцев, тувинцев, хакасов и якутов – оказались в содержательном плане схожими. Первый ранг в ассоциациях к образу «мужчины» и «женщины» во всех группах занимают «Статусно-ролевые характеристики», второй ранг – «Личностные качества», третий ранг – «Физические характеристики».

В ядро ассоциативных полей концепта «мужчина» у тюркоязычных народов были включены «Сильный», «Защитник, может постоять за семью, умеет отстаивать права семьи, опора семьи, плечо, советчик», «Добытчик, кормилец», «Отец, папа, родитель», «Глава семьи», «Мужественный», у тувинцев и хакасов – «Умный», у тувинцев и якутов – «Смелый, бесстрашный, храбрый, отважный», у алтайцев – «Держит слово», у якутов – «Волевой».

В ядро ассоциативных полей концепта «женщина» у тюркоязычных народов были включены «Красивая, яркая, ухоженная, привлекательная, приятная, милая», «Мама», «Хозяйка дома, хранительница очага», «Женственная, мягкая», «Нежная», «Добрая, ласковая, добросердечная, великодушная, отзывчивая, искренняя», «Умная», Жена», «Заботливая».

В целом мы можем заключить, что ассоциации, связанные с гендерными концептами, отражают существующие гендерные стереотипы. В результате анализа ассоциаций, возникающих в обыденном сознании современных представителей тюркоязычных этнических групп Сибири на стимулы «мужчина» и «женщина», обнаружено больше универсалий, чем различий, как в гендерных, так и в этнических группах. В наибольшей степени сходство проявилось в ядре ассоциативных полей концепта «женщина».

Результаты, полученные в ходе проведенного нами исследования, могут быть использованы при разработке концепций и программ гендерной и семейной политики государства, служить основой для создания модели гендерной социализации в национальных регионах РФ, а также могут быть использованы в практике работы служб социально-психологической помощи семье.

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-013-00212.

Список литературы

- Адолина Л.В.* Концепт «женщина» в русском языковом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж: Воронежский гос. университет, 2008. 23 с.
- Бадмаева Е.С.* Концептуальные пространства маскулинности и фемининности (на материале фразеологизмов и паремий): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ: Бурятский гос. университет, 2010. 24 с.
- Бем С.Л.* Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: РОССПЕН, 2004. 336 с.
- Берн Ш.* Гендерная психология. Законы мужского и женского поведения. СПб.: Питер, 2007. 318 с.
- Боргоякова А.П.* Образ мира в языковом сознании этноса (Хакасы. Русские. Англичане). М.: Советский писатель, 2003. 152 с.
- Боргоякова Т.Г., Покоякова К.А.* Гендерный аспект ассоциативного исследования оппозиции «мужчина/женщина» в хакасском и русском языковом сознании // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 9. С. 48–52.
- Горошко Е.И.* Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. М. – Харьков: Ра-Каравелла, 2001. 320 с.
- Егорова А.И., Чочкина М.П., Сарбашева С.Б.* Психолингвистический анализ гендерных стереотипов в алтайских и якутских пословицах // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019. № 2. С. 51–63.
- Ефремов В.А.* «Мужчина» и «женщина в русской языковой картине мира. СПб.: РГПУ имени А.И. Герцена, 2009. 184 с.
- Кавинкина И.Н.* Проявление гендера в речевом поведении носителей русского языка. Гродно: ГрГУ имени Я. Купалы, 2006. 153 с.
- Кирилина А.В.* Возможности гендерного подхода в антропоориентированном изучении языка и коммуникации // Кавказоведение. Causosiology. 2002. № 2. С. 134–141.
- Кирилина А.В.* Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 1999. 189 с.
- Клёцина И.С.* Гендерная психология. СПб.: Питер, 2009. 496 с.
- Покоякова К.А.* О стереотипе маскулинности в хакасском и русском языковом сознании // Приволжский научный вестник. 2016. № 6. С. 64–66.
- Словарь личностных качеств на тюркских языках сибирско-алтайской группы / под ред. А.И. Егоровой. Якутск: ИД СВФУ, 2018. 44 с.
- Халева И.И.* Гендер как интрига познания // Гендер как интрига познания. М.: Рудомин, 2002. С. 7–14.
- Хохолова И.С.* Читательские (концептуальные) проекции «мужественность» и «женственность» в межкультурном общении (на материале якутского эпоса «Нюр-гун Боотур Стремительный») // Сибирский филологический журнал. 2013. № 2. С. 69–76.
- Якутско-русский словарь лексико-семантических вариантов прилагательных, обозначающих личностные свойства. Русско-якутский словарь лексико-семантических вариантов прилагательных, обозначающих личностные свойства (словарь) / сост. С.Д. Егинова, А.И. Егорова. Якутск: Изд-во ЯГУ, 2007. 26 с.
- Best D.L.* Gender Concepts: Convergence in Cross-Cultural Research and Methodologies // Cross-Cultural Research. 2001. No. 1. Pp. 23–43.
- Best D.L., Williams J.E., Cloud J.M., Davis S.W., Robertson L.S., Edwards J.R., Giles H., Fowles J.* Development of sex-trait stereotypes among young children in the United States, England, and Ireland. Child Development. 1977. Vol. 48. Pp. 1375–1384.
- Bodine A.* Sex Differentiation in Language // Language and Sex: Difference and Dominance / ed. by B. Thorne, N. Henley. Rowley, Massachusetts: Newbury House, 1975. Pp. 130–151.

Lakoff R. Language and Women's Place // *Language in Society*. 1973. Vol. 2. Pp. 45–79.
Language and Sex: Difference and Dominance / ed. by B. Thorne, N. Henley. Rowley, Massachusetts: Newbury House, 1975. 311 p.
Language, Gender and Society / ed. by B. Thorne, Ch. Kramarae, N. Henley. Rowley, Massachusetts: Newbury House, 1983. 356 p.
Poynton C. Language and Gender: Making the difference. Oxford: Oxford University Press, 1989. 104 p.

История статьи:

Поступила в редакцию: 18 апреля 2019 г.

Принята к печати: 15 января 2020 г.

Для цитирования:

Егорова А.И. Психолингвистический анализ ассоциаций концептов «мужчина» и «женщина» у тюркоязычных народов Сибири // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 1. С. 143–158.
<http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-143-158>

Сведения об авторе:

Егорова Аида Июньевна, кандидат психологических наук, директор Института психологии Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова (Якутск, Россия). ORCID iD: 0000-0002-7985-4134, Researcher ID: F-9556-2014. E-mail: aidaego@mail.ru

Research article

Psycholinguistic Analysis of the Associations of the Concepts “Man” and “Woman” Typical of the Siberian Turkic Peoples

Aida I. Egorova

North-Eastern Federal University
58 Belinsky St., Yakutsk, 677000, Russian Federation

Abstract. This study examines the associations of the concepts “Man” and “Woman” typical of the Turkic peoples of Siberia, i.e. Altaians, Tuvans, Khakas, and Yakuts. The objective of the study was to identify the semantic fields of stimuli associated with these concepts determined by the ethnocultural context. The study tested the hypothesis that the core of the associative fields of these concepts, in a meaningful sense, will have more similarities than differences among the Turkic ethnic groups mentioned above. The study involved 487 representatives of the Siberian Turkic peoples, namely 80 Altaians, 157 Tuvans, 126 Khakas, and 124 Yakuts, including 230 men and 257 women aged 18–65, of whom 145 were with a secondary general education, 73 were technical school graduates and 269 had an academic degree. The main research method was a survey with elements of an associative experiment. A total of 1844 associations were revealed, including 914 for the stimulus “man” and 930 for the stimulus “woman”. During the content analysis, all the answers were divided into six categories, which included subcategories and various indicators, i.e. ‘Physical characteristics’, ‘Status-role cha-

racteristics', 'Man', 'Subject, nature, abstraction, image', 'Personal qualities', and 'Behavioural characteristics'. By the number of references in the images "man" and "woman", the first three ranks belong to 'Status-role characteristics', 'Personal qualities' and 'Physical characteristics'. As for the core of the associative fields of the concept "man", the respondents included the following indicators in it: 'strong', 'defender', 'can stand up for his family', 'can defend the rights of his family', 'supporter of the family', 'shoulder', 'adviser', 'provider', 'breadwinner', 'father', 'dad', 'parent', 'master of the house', 'courageous'; and specifically: 'smart' (Tuvans and Khakas); 'brave', 'fearless', 'bold', 'valiant' (Tuvans and Yakuts); 'stands by his word' (Altaians); 'strong-willed' (Yakuts). The core of the associative fields of the concept "woman" included such indicators as: 'beautiful', 'striking', 'well-groomed', 'attractive', 'nice', 'sweet', 'mom', 'mistress of the house', 'guardian of the hearth', 'feminine', 'soft', 'tender', 'kind', 'affectionate', 'kind-hearted', 'generous', 'helpful', 'sincere', 'smart', 'wife', 'caring'. The results of the study can be used for developing concepts and programmes of gender and family policy of the state as well as find application in the work of services of social and psychological assistance to families in the national regions of the Russian Federation.

Key words: gender stereotypes, associations, concepts, men, women, Turkic peoples of Siberia, Altaians, Tuvans, Khakas, Yakuts

Acknowledgements and Funding. The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 18-013-00212.

References

- Adonina, L.V. (2008). *Koncept "Zhenshchina" v Russkom Yazykovom Soznanii*. Ph.D. in Philology Thesis Abstract. Voronezh: Voronezh State University. (In Russ.)
- Badmaeva, E.S. (2010). *Konceptual'nye Prostranstva Maskulinnosti i Femininnosti (na materiale frazeologizmov i paremij)*. Ph.D. in Philology Thesis Abstract. Ulan-Ude: Buryat State University. (In Russ.)
- Bem, S.L. (1993). *The Lenses of Gender. Transforming the Debate on Sexual Inequality*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Best, D.L., Williams, J.E., Cloud, J.M., Davis, S.W., Robertson, L.S., Edwards, J.R., Giles, H., & Fowles J. (1977). Development of sex-trait stereotypes among young children in the United States, England, and Ireland. *Child Development*, 48, 1375–1384.
- Best, D.L. (2001). Gender Concepts: Convergence in Cross-Cultural Research and Methodologies. *Cross-Cultural Research*, (1), 23–43.
- Bodine, A. (1975). Sex Differentiation in Language. In B. Thorne, & N. Henley (Eds.), *Language and Sex: Difference and Dominance* (pp. 130–151). Rowley, Massachusetts: Newbury House.
- Borgoyakova, T.G., & Pokoyakova, K.A. (2015). Gendernyj aspekt associativnogo issledovaniya oppozicii "muzhchina/zhenshchina" v hakasskom i russkom yazykovom soznanii. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*, (9), 48–52. (In Russ.)
- Borgoyakova, A.P. (2003) *Obraz mira v yazykovom soznanii etnosa (Hakasy. Russkie. Anglichane)*. Moscow: Sovetskii pisatel Publ. (In Russ.)
- Burn, S.M. (1996). *The Social Psychology of Gender*. New York: McGraw-Hill, 1996.
- Efremov, V.A. (2009). "Muzhchina" i "Zhenshchina" v Russkoj Yazykovoj Kartine Mira. Saint Petersburg: A.I. Herzen RSPU. (In Russ.)
- Eginova, S.D., & Egorova, A.I. (Eds.). (2007). *Yakutsko-Russkij Slovar' Leksiko-Semanticheskikh Variantov Prilagatel'nyh, Oboznachayushchih Lichnostnye Svoystva. Russko-Yakutskij Slovar' Leksiko-Semanticheskikh Variantov Prilagatel'nyh, Oboznachayushchih Lichnostnye Svoystva (Slovar')*. Yakutsk: YAGU Publ. (In Russ.)

- Egorova, A., Chochkina, M., & Sarbasheva, S. (2019). Psycholinguistic analysis of gender stereotypes in Altai and Yakut proverbs. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, (2), 51–63. (In Russ.)
- Egorova, A.I. (Ed.). (2018). *The Dictionary of Personal Qualities in the Turkic Languages of the Siberian-Altai Group*. Yakutsk, Publishing House of NEFU.
- Goroshko, E.I. (2001). *Integrativnaya Model' Svobodnogo Associativnogo Eksperimenta*. Moscow, Kharkov: Ra-Karavella Publ. (In Russ.)
- Kavinkina, I.N. (2006). *Proyavlenie Gendera v Rechevom Povedenii Nositelej Russkogo Yazyka*. Grodno: Ya. Kupala GSU. (In Russ.)
- Khaleeva, I.I. (1999). Gender kak intriga poznaniya. *Gender kak Intriga Poznaniya* (pp. 7–14). Moscow: Rudomin Publ. (In Russ.)
- Khokholova, I.S. (2013). Chitatel'skie (konceptual'nye) proekcii “muzhestvennost” i “zhenstvennost” v mezhkul'turnom obshchenii (na materiale yakutskogo eposa “Nyurgun Bootur Stremitel'nyj”). *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, (2), 69–76. (In Russ.)
- Kirilina, A.V. (1999). *Gender: Linguistic Aspects*. Moscow: Institut Sociologii RAN Publ. (In Russ.)
- Kirilina, A.V. (2002). Vozmozhnosti gendernogo podhoda v antropoorientirovannom izuchenii yazyka i kommunikacii. *Kavkazovedenie. Causosiology*, (2), 134–141. (In Russ.)
- Klyocina, I.S. (2009). *Gendernaya Psihologiya*. Saint Petersburg: Piter Publ.
- Lakoff, R. (1973). Language and Women's Place. *Language in Society*, 2, 45–79.
- Pokoyakova, K.A. (2016). O stereotipe maskulinnosti v hakasskom i russskom yazykovom soznanii. *Privolzhskij Nauchnyj Vestnik*, (6), 64–66. (In Russ.)
- Poynton, C. (1989). *Language and Gender: Making the difference*. Oxford: Oxford University Press.
- Thorne, B., & Henley, N. (Eds.). (1975). *Language and Sex: Difference and Dominance*. Rowley, Massachusetts: Newbury House.
- Thorne, B., Kramarae, Ch., & Henley, N. (Eds.). (1983). *Language, Gender and Society*. Rowley, Massachusetts: Newbury House.

Article history:

Received: 18 April 2019

Revised: 26 November 2020

Accepted: 25 January 2020

For citation:

Egorova, A.I. (2020). Psycholinguistic Analysis of the Associations of the Concepts “Man” and “Woman” Typical of the Siberian Turkic Peoples. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(1), 143–158. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-143-158>

Bio note:

Aida I. Egorova, Ph.D. in Psychology, is Director of Institute of Psychology, North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russia). ORCID iD: 0000-0002-7985-4134, Researcher ID: F-9556-2014. E-mail: aidaego@mail.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-1-159-167
УДК 159.99

Биографическая статья

Вклад Т.Г. Стефаненко в развитие этнопсихологии в РУДН: вдохновляющее лидерство

И.А. Новикова¹, О.В. Маслова^{1,2}

¹Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

²Первый Московский государственный медицинский университет

имени И.М. Сеченова Министерства здравоохранения РФ

Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Трубецкая, д. 8, стр. 2

Аннотация. В статье описываются разные формы сотрудничества Татьяны Гавриловны Стефаненко с преподавателями, аспирантами и студентами кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов, самого многонационального вуза России. Представлен вклад Татьяны Гавриловны в развитие этнопсихологической науки и практики в РУДН: в преподавание этнопсихологии, проведение тренингов межкультурной компетентности, организацию совместных научных исследований межкультурной адаптации иностранных студентов и других этнопсихологических проблем.

Ключевые слова: Т.Г. Стефаненко, РУДН, этнопсихология, иностранные (международные) студенты, тренинг этнокультурной компетентности, межкультурная адаптация

Первая встреча и знакомство обоих авторов с Т.Г. Стефаненко произошли в середине 80-х годов XX века на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. В то время Татьяна Гавриловна Стефаненко была секретарем комсомольской организации факультета психологии, а О. Маслова – студенткой 2-го курса и членом комитета комсомола факультета. В памяти остались принципиальность, честность, очень демократичный стиль руководства Татьяны и ее неформальность как в комсомольской работе, так и в общении в целом, которые сохранились и в дальнейшем. И. Новикова была

© Новикова И.А., Маслова О.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

В основу статьи легло выступление авторов на 20-ом Круглом столе заведующих кафедрами и преподавателей кафедр социальной психологии и кафедр, ведущих подготовку по социально-психологическим дисциплинам, вузов Москвы и Московского региона, посвященном памяти Татьяны Гавриловны Стефаненко, 27 ноября 2018 года на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова (полный отчет см.: <http://www.psy.msu.ru/science/conference/ethnopsychology/2018/index.html>)

студенткой кафедры социальной психологии и слушала спецкурс Татьяны Гавриловны «Этнопсихология», который, вероятно, был первым и в то время единственным в стране. Так как одна из ее близких подруг писала курсовую, а потом и дипломную работу под руководством Татьяны Гавриловны, то ей посчастливилось поучаствовать в проведении одного из немногих психологических кросс-культурных исследований, которые тогда только начались в Советском Союзе.

Символично, что авторы статьи познакомились друг с другом, а чуть позже начали сотрудничество с Т.Г. Стефаненко (уже как коллеги), благодаря РУДН. Ведь для РУДН этнопсихология – это не только наука, но и сама жизнь. Российский университет дружбы народов (РУДН) с момента своего создания в 1960 году является самым многонациональным вузом нашей страны. В настоящее время в РУДН обучается около 9000 иностранных студентов из 155 стран мира. Именно межкультурное пространство – «визитная карточка» РУДН – то, что создает его особую атмосферу. В связи с этим вполне логично, что этнопсихология и как наука, и как практика в РУДН играет важную роль.

Даже самые первые учебные планы бакалавриата направления «Психология» в РУДН, которое было открыто в 1999 году, предусматривали изучение этнопсихологии, хотя ГОС второго поколения, на основе которого тогда шло обучение, не включал этот предмет в число обязательных дисциплин. Первый курс «Этнопсихология» был прочитан для студентов-психологов РУДН в 2003–2004 учебном году, и, конечно, *основным* учебником являлся (и является до сих пор) учебник Т.Г. Стефаненко, а с 2006 года – ее практикум «Этнопсихология». Вспоминается, как один из студентов-второкурсников, который писал курсовую работу по межкультурной проблематике, читая учебник Татьяны Гавриловны в метро, проехал свою остановку и дал такую оценку учебнику: «Читается, как детектив!».

Говоря о вкладе Т.Г. Стефаненко в преподавание этнопсихологии, нельзя не сказать о том, что в октябре 2008 года она инициировала проведение 1-го Круглого стола заведующих кафедрами и преподавателей кафедр социальной психологии и кафедр, ведущих подготовку по социально-психологическим дисциплинам, вузов Москвы и Московского региона, на заседание которого, конечно же, были приглашены представители кафедры социальной и дифференциальной психологии РУДН. Важнейшим вопросом, который был поставлен Татьяной Гавриловной на этом заседании, был вопрос о сохранении и возможном увеличении социально-психологических дисциплин в новом образовательном стандарте (тогда шла разработка и обсуждение ФГОС ВПО третьего поколения). Во многом благодаря ее усилиям и усилиям коллег, которых ей удалось организовать, в базовую часть профессионального цикла современных образовательных стандартов бакалавриата по направлению «Психология» входит не только «Социальная психология», но и «Этнопсихология». Татьяна Гавриловна всегда подчеркивала уникальность этого сообщества преподавателей социально-психологических дисциплин, отличающихся от преподавателей других психологических дисциплин. Сама идея организации и проведения этих Круглых столов на абсолютно бескорыстной

основе при огромной загруженности научной, методической, управленческой работой, еще раз подчеркивает многогранность личности Татьяны Гавриловны, ее преданность любимому делу (Соловьева, 2019). При жизни Т.Г. Стефаненко было проведено девятнадцать заседаний Круглого стола, двадцатое, юбилейное, в ноябре 2018 года прошло уже без нее и было посвящено ее памяти. Отраднo, что и после ухода Татьяны Гавриловны эта ее инициатива живет: благодаря усилиям О.В. Соловьевой и О.Б. Крушельницкой в октябре 2019 года состоялся 21-й Круглый стол на тему «Отечественная социальная психология: прошлое, настоящее, будущее».

Общеизвестно, что Т.Г. Стефаненко внесла огромный вклад в становление и развитие этнопсихологии в нашей стране. Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что она сыграла важную роль в развитии этнопсихологии в РУДН и много сделала для того, чтобы эта наука не была оторвана от практики. Именно Татьяна Гавриловна, отвечая на вопрос одного из авторов (клинического психолога), приглашенного для работы в РУДН при открытии направления «Психология», о том, что возможно изучать и делать полезного в РУДН, однозначно и быстро сказала: «Заниматься межкультурной адаптацией», тем самым определив вектор будущей совместной практической и исследовательской работы на долгие годы.

Межкультурное взаимодействие в РУДН – норма жизни, поэтому и студентам, и преподавателям, прежде всего, необходимо развивать межкультурную компетентность (МКК). Межкультурный тренинг как основной метод развития межкультурной компетентности в России стал развиваться относительно недавно. Пионерами развития межкультурного тренинга в нашей стране являются Т.Г. Стефаненко, О.В. Лунева, Н.М. Лебедева, М.Ю. Мартынова (Лебедева и др., 2003, 2004, 2004а, 2004б). Татьяна Гавриловна стояла у истоков такой работы и в РУДН. В силу необходимости и интереса авторы проводили тренинги по развитию МКК, опираясь главным образом на опубликованные работы вышеназванных авторов, но обучать, не будучи участниками, не пропустив через себя – проблематично. Поэтому большой удачей для преподавателей, аспирантов и студентов кафедры социальной и дифференциальной психологии была **программа повышения квалификации** «Межкультурное взаимодействие и развитие этнокультурной компетентности в международно ориентированном университете» (72 ч.), реализованная под руководством Т.Г. Стефаненко непосредственно в стенах РУДН осенью 2008 года. Изюминкой программы был 3-дневный обучающий тренинг развития МКК, проведенный Т.Г. Стефаненко и О.В. Луневой. И хотя некоторые элементы тренинга уже были известны участникам по литературе, осталось совершенно непередаваемое ощущение от того, **как должно** проводить каждое упражнение и тренинг в целом, яркие воспоминания отдельных эпизодов, диалогов и обсуждений. Этот опыт участия в межкультурном тренинге, безусловно, был очень полезен всем участникам, в дальнейшем стал использоваться и применяться шире и с большей уверенностью – для обучения студентов и коллег.

Безусловно, что благодатная многокультурная среда РУДН не могла не стать **«полем»** для научно-исследовательской работы. Т.Г. Стефаненко сыграла одну из ключевых ролей в организации этнопсихологических и кросс-

культурных исследований в РУДН. При непосредственном участии Татьяны Гавриловны нам удалось выиграть конкурс и реализовать одну из первых Федеральных целевых программ «Межкультурная адаптация иностранных студентов в России: диагностика и пути оптимизации» (2009–2013 годы; Г/К 02.740.11.0377 от 20 июля 2009 года). Татьяна Гавриловна помогала в формулировке темы, ее ценные рекомендации помогли выигрышно представить актуальность проблемы. Позже она дала возможность пользоваться своей богатейшей личной библиотекой, главным образом книгами на английском языке, в числе которых *The Cambridge Handbook of Acculturation Psychology* (ed. by D.L. Sam & J.W. Berry), *Handbook of Intercultural Training* (ed. by D. Landis, J.M. Bennett & M.J. Bennett), *The Psychology of Culture Shock* (by C. Ward, S. Bochner & A. Furnham), *Improving Intercultural Interactions* (ed. by K. Cushner, R.W. Brislin). Это было очень важно, так как тогда еще не было широкого свободного доступа к зарубежным базам данных. Наши студенты и аспиранты переводили работы классиков кросс-культурной психологии, мы все вместе впервые знакомились с первоисточниками, обсуждали исследования зарубежных коллег, планировали собственные. Участие в этой программе дало мощный импульс для проведения научных исследований в сфере этнопсихологии, межкультурной коммуникации и межкультурной адаптации преподавателями, аспирантами, студентами кафедры социальной и дифференциальной психологии РУДН, что нашло отражение в сотнях курсовых и дипломных работ, десятках диссертационных исследований, выигранных грантах РГНФ и РФФИ. Результаты этой работы были представлены на десятках, если не сотнях, научных форумах разного уровня в России и за рубежом, опубликованы в монографиях, энциклопедиях, статьях в рецензируемых журналах, индексируемых в РИНЦ, Scopus, WoS, PsycINFO и др. (Маслова, Джидарьян, 2016; Chebotareva, 2011; Maslova, 2018; Novikova, Vorobeyva, 2019 и др.).

Вспоминаются традиционные этнопсихологические конференции в Смоленском гуманитарном университете и в МГППУ, во время которых состоялись незабываемые и душевные встречи с Татьяной Гавриловной преподавателей, аспирантов, студентов кафедры социальной и дифференциальной психологии РУДН. В свою очередь, она сама и коллеги с кафедры социальной психологии МГУ имени М.В. Ломоносова участвовали в нашей традиционной конференции «Личность в межкультурном пространстве» (Бовина, 2008; Стефаненко и др., 2009 и др.).

Отдельно нужно сказать об отношении Татьяны Гавриловны к аспирантам и студентам: как своим, так и «чужим», тем более, что этот аспект также затрагивает ее взаимоотношения с РУДН. С одной стороны, Татьяна Гавриловна всегда старалась помочь в сборе данных своим ученикам, и мы помогали в организации эмпирических исследований ее аспирантов и студентов. С другой стороны, приглашая нас на различные мероприятия в МГУ, она всегда просила приходить *со студентами*, и мы с удовольствием участвовали в конференциях, мастер-классах, дискуссиях. Студенты чувствовали ее заинтересованное доброе отношение и с удовольствием включались в диалог. Татьяна Гавриловна особенно любила работать с иностранными (меж-

дународными) студентами, любила культурный колорит во всех его проявлениях. И когда она проводила обучающие тренинги по развитию межкультурной компетентности, то требовала обязательного включения в группу иностранных участников, чтобы была не имитация, а реальная межкультурная коммуникация. Студенты нашей кафедры неоднократно участвовали в работе подсекции «Этнопсихология» Международного научного форума студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова (этой подсекцией до 2017 года традиционно руководила Т.Г. Стефаненко). Блестящий доклад студента бакалавриата РУДН Кейтли Джонатона Томаса (Антигуа и Барбуда) на тему «Особенности межкультурной адаптации африканских студентов в России» в 2017 году был признан лучшим не только в подсекции «Этнопсихология», но и в секции «Психология» в целом. В 2018 году доклад студентки магистратуры нашей кафедры Отго Жамбал (Монголия) об адаптации «Опросника адаптации личности к новой социокультурной среде» (АЛКСС) на монгольском языке был отмечен в номинации «Актуальность и новизна исследования» на секции по этнопсихологии. Отметим, что русскоязычный вариант этой методики в авторской адаптации в свое время передала нам лично Татьяна Гавриловна, когда мы только начинали исследования межкультурной адаптации иностранных студентов.

Студент РУДН Кейтли Джонатон Томас (Антигуа и Барбуда) с Т.Г. Стефаненко (слева) и с ректором МГУ имени М.В. Ломоносова В.А. Садовничим (справа): вручение сертификата и диплома за лучший доклад на секции «Психология» Международного форума «Ломоносов», апрель 2017 года

[RUDN University student Kaithly Jonaton Salvador Thomas (Antigua and Barbuda) with Tatiana G. Stefanenko (left) and Viktor A. Sadovnichiy (right), Lomonosov Moscow State University rector: presentation of a certificate and diploma for the best report in the Psychology section at the Lomonosov International Forum, April 2017]

Мы считаем, что во многом благодаря такой активной учебной, практической и научно-исследовательской работе по кросс-культурной и этнопсихологической проблематике, которая с помощью Т.Г. Стефаненко соответствовала международным трендам и самым высоким стандартам, именно

в РУДН в 2013 году было открыто первое в России отделение Международного психологического общества почета Psi Chi. Членство в данном обществе во всем мире считается подтверждением качества психологического образования и опыта научных исследований студентов. 15 ноября 2018 года в рамках программы Международной конференции молодых ученых «Психологическая наука и практика» состоялся круглый стол, посвященный 5-летию отделения Psi Chi в РУДН, которое и спустя 5 лет остается единственным в России (Novikova et al., 2019). В своем приветственном письме на имя ректора РУДН профессор Гарольд Такушьян написал: «Хотя в России существует много выдающихся университетов, РУДН уже 5 лет остается единственным среди 1100 вузов в России, в котором открыто отделение Psi Chi, продолжающее служить образцом для других учебных заведений. Передаю сердечные поздравления и благодарность РУДН за ваше вдохновляющее лидерство!».

Этот эпитет «вдохновляющее лидерство» (inspiring leadership) с полным правом можно отнести к Татьяне Гавриловне, ее роли в развитии этнопсихологии в РУДН как учебной дисциплины, направления научных исследований и практических разработок. Она увлекала (и продолжает увлекать) изучающих этнопсихологию своими учебниками: содержательно четкими, но неформальными; заражала (и заразила на всю жизнь) своей влюбленностью в этнопсихологию; вдохновляла (и продолжает вдохновлять) на изучение все новых и новых психологических проблем в кросс-культурном аспекте, за что мы ей всегда будем искренне благодарны!

Список литературы

- Бовина И.Б.* «Риск – благородное дело!»: социальные представления о риске среди молодежи // *Личность в межкультурном пространстве: материалы Международной конференции, посвященной 100-летию социальной психологии.* М.: РУДН, 2008. Ч. 1. С. 287–290.
- Лебедева Н.М., Лунева О.В., Стефаненко Т.Г.* Тренинг этнической толерантности для школьников: учебное пособие для студентов психологических специальностей. М.: Привет, 2004. 358 с.
- Лебедева Н.М., Лунева О.В., Стефаненко Т.Г.* Тренинг этнической толерантности для школьников: учебное пособие для студентов психологических специальностей. 2-е изд. М.: МАКС Пресс, 2012. 360 с.
- Лебедева Н.М., Лунева О.В., Стефаненко Т.Г., Мартынова М.Ю.* Межкультурный диалог: тренинг этнокультурной компетентности. М.: Изд-во РУДН, 2003. 268 с.
- Лебедева Н.М., Стефаненко Т.Г., Лунева О.В.* Межкультурный диалог в школе. Кн. 1. Теория и методология. М.: Изд-во РУДН, 2004а. 195 с.
- Лебедева Н.М., Стефаненко Т.Г., Лунева О.В.* Межкультурный диалог в школе. Кн. 2. Программа тренинга. М.: Изд-во РУДН, 2004б. 300 с.
- Маслова О.В., Джидарьян И.А.* Представления о любви и культура: результаты эмпирического исследования // *Вестник Кемеровского государственного университета.* 2016. № 2. С. 114–119
- Соловьева О.В.* На стыке социальной психологии, этнопсихологии и культуры: к 70-летию со дня рождения Татьяны Гавриловны Стефаненко (24.11.1949 –

28.01.2018) // Национальный психологический журнал. 2019. № 4. С. 28–34.
<http://dx.doi.org/10.11621/npj.2019.0403>

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. 5-е изд. М.: Аспект Пресс, 2014. 352 с.

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: практикум. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2013. 224 с.

Стефаненко Т.Г., Бовина И.Б., Тихомандрицкая О.А., Малышева Н.Г., Голынчик Е.О. Представления о России в современном мире // Личность в межкультурном пространстве: материалы IV Международной конференции, посвященной 50-летию Российского университета дружбы народов. М.: РУДН, 2009. Ч. I. С. 301–307.

Chebotareva E.J. Intercultural adaptation to Russia of students from Asia, Africa, Latin America and the Middle East // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2011. No. 3. Pp. 6–11.

Maslova O.V. Value shifts in Vietnamese students studying in Russia // Psychology in Russia: State of the Art. 2018. Vol. 11. No. 2. Pp. 17–27. <http://dx.doi.org/10.11621/pir.2018.0202>

Novikova I.A., Tarkhova V.S., Kardashova S.Z., Kharitonenko A.A. First and Only Russian Psi Chi Chapter: 5 years at the RUDN University! // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2019. Vol. 16. No. 1. Pp. 101–109. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-1-101-109>

Novikova I.A., Vorobyeva A.A. The Five-Factor Model: Contemporary Personality Theory // Cross-Cultural Psychology: Contemporary Themes and Perspectives / ed. by K.D. Keith. Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell, 2019. Pp. 685–706. <http://dx.doi.org/10.1002/9781119519348.ch33>

История статьи:

Поступила в редакцию: 27 декабря 2019 г.

Принята к печати: 25 января 2020 г.

Для цитирования:

Новикова И.А., Маслова О.В. Вклад Т.Г. Стефаненко в развитие этнопсихологии в РУДН: вдохновляющее лидерство // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 1. С. 159–167. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-159-167>

Сведения об авторах:

Новикова Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). E-mail: novikova-ia@rudn.ru

Маслова Ольга Васильевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов, доцент кафедры педагогики и медицинской психологии Первого Московского государственного медицинского университета имени И.М. Сеченова (Москва, Россия). E-mail: maslova-ov@rudn.ru

Tatiana G. Stefanenko's Contribution to the Development of Ethnopsychology at RUDN University: Inspiring Leadership

Irina A. Novikova¹, Olga V. Maslova^{1,2}

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

²I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University)
8 Trubetskaya St., bldg. 2, Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract. The article describes Tatiana G. Stefanenko's cooperation with teachers and students of the Social and Differential Psychology Department of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), the most international university in Russia. The authors focus on contribution of T.G. Stefanenko's contribution to the development of ethnopsychological science and practice at the RUDN University: teaching ethnopsychology, conducting intercultural competence trainings, organising joint scientific research on the intercultural adaptation of international students and other ethnopsychological problems.

Key words: Tatiana G. Stefanenko, RUDN University, ethnopsychology, international students, ethnocultural competence training, intercultural adaptation

References

- Bovina, I.B. (2008). "Risk – blagorodnoe delo!": Sotsial'nye predstavleniya o riske sredi molodezhi. *Lichnost' v Mezhkul'turnom Prostranstve: Conference Proceedings* (vol. 1, pp. 287–290). Moscow: RUDN University Publ. (In Russ.)
- Chebotareva, E.J. (2011). Intercultural adaptation to Russia of students from Asia, Africa, Latin America and the Middle East. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (3), 6–11.
- Lebedeva, N.M., Luneva, O.V., & Stefanenko, T.G. (2004). *Trening Etnicheskoi Tolerantnosti dlya Shkol'nikov*. Moscow: Privet Publ. (In Russ.)
- Lebedeva, N.M., Luneva, O.V., & Stefanenko, T.G. (2012). *Trening Etnicheskoi Tolerantnosti dlya Shkol'nikov*. 2nd ed. Moscow: MAKS Press. (In Russ.)
- Lebedeva, N.M., Luneva, O.V., Stefanenko, T.G., & Martynova, M.Yu. (2003). *Mezhkul'turnyj Dialog: Trening Etnokul'turnoj Kompetentnosti*. Moscow: RUDN University Publ. (In Russ.)
- Lebedeva, N.M., Stefanenko, T.G., & Luneva, O.V. (2004a). *Mezhkul'turnyi Dialog v Shkole. Book 1. Teoriya i Metodologiya*. Moscow: RUDN Publ. (In Russ.)
- Lebedeva, N.M., Stefanenko, T.G., & Luneva, O.V. (2004b). *Mezhkul'turnyi Dialog v Shkole. Book 2. Programma Treninga*. Moscow: RUDN Publ. (In Russ.)
- Maslova, O.V. (2018). Value shifts in Vietnamese students studying in Russia. *Psychology in Russia: State of the Art*, 11(2), 17–27. <http://dx.doi.org/10.11621/pir.2018.0202>
- Maslova, O.V., & Dzhidaryan, I.A. (2016). Concepts of love and culture: the results of an empirical study. *Bulletin of Kemerovo State University*, (2), 114–116. (In Russ.)

- Novikova, I.A., & Vorobyeva, A. A. (2019). The Five-Factor Model: Contemporary Personality Theory. In K.D. Keith (Ed.), *Cross-Cultural Psychology: Contemporary Themes and Perspectives* (pp. 685–706). Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell. <http://dx.doi.org/10.1002/9781119519348.ch33>
- Novikova, I.A., Tarkhova, V.S., Kardashova, S.Z., & Kharitonenko, A.A. (2019). First and Only Russian Psi Chi Chapter: 5 years at the RUDN University! *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(1), 101–109. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-1-101-109>
- Solovyova, O.V. (2019). Across social psychology, ethnopsychology and culture: on the 70th birthday of Tatyana Gavrilovna Stefanenko (11/24/1949 – 01/28/2018). *National Psychological Journal*, 2(4), 28–34. <http://dx.doi.org/10.11621/npj.2019.0403>
- Stefanenko, T.G. (2013). *Etnopsikhologiya: Praktikum*. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russ.)
- Stefanenko, T.G. (2014). *Ethnopsychology*. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russ.)
- Stefanenko, T.G., Bovina, I.B., Tikhomandritskaya, O.A., Malysheva, N.G., & Golynchik E.O. (2009). Predstavleniya o Rossii v sovremennom mire. *Lichnost' v Mezkul'turnom Prostranstve: Conference Proceedings* (vol. 1, pp. 301–307). Moscow: RUDN University Publ. (In Russ.)

Article history:

Received: 27 December 2019

Revised: 20 January 2020

Accepted: 25 January 2020

For citation:

Novikova, I.A., & Maslova, O.V. (2020). Tatiana G. Stefanenko's Contribution to the Development of Ethnopsychology at RUDN University: Inspiring Leadership. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(1), 159–167. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-159-167>

Bio notes:

Irina A. Novikova, Ph.D. in Psychology, Associate Professor, is Associate Professor at the Social and Differential Psychology Department of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia). E-mail: Novikova_ia@pfur.ru

Olga V. Maslova, Ph.D. in Psychology, Associate Professor, is Associate Professor at I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University) and at the Social and Differential Psychology Department of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia). E-mail: maslova-ov@rudn.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-1-168-173
УДК 159.99

Биографическая статья

Татьяна Гавриловна Стефаненко – пример профессионализма, образованности, скромности

В.В. Гриценко

Московский государственный психолого-педагогический университет
Российская Федерация, 127051, Москва, ул. Сretenка, 29

Аннотация. Статья посвящена незабываемым воспоминаниям о встречах автора с удивительным человеком Т.Г. Стефаненко. В ней рассказано о Татьяне Гавриловне как об известном ученом, внесшем заметный вклад в науку, о ее роли в организации смоленских этнопсихологических конференций, о любви к живописи, музыке, театру. Приведены примеры проявления Татьяной Гавриловной доброжелательности, отзывчивости, душевной теплоты.

Ключевые слова: Т.Г. Стефаненко, этнопсихология, культура

Судьба свела меня с Татьяной Гавриловной в 2002 году, когда Диссертационным советом Института психологии РАН она была утверждена оппонентом моей докторской диссертации. На тот момент имя Стефаненко Татьяны Гавриловны было уже очень хорошо известно широкой научной общественности. Ее научные труды отличались высоким профессионализмом: глубоким теоретическим анализом, опорой на результаты эмпирических исследований. Авторский учебник «Этнопсихология», по сути, стал первым отечественным учебником, настольной книгой как для преподавателей, так и для студентов в области изучения межэтнических и межкультурных отношений. Я была знакома с работами Татьяны Гавриловны и испытывала, с одной стороны, восторженный трепет перед встречей с ней, а с другой – легкий страх от того, какой вердикт она мне вынесет, какие замечания выскажет по поводу содержания моей диссертации. Однако опасения мои оказались напрасными. С первой минуты знакомства я почувствовала внимательное, доброжелательное отношение ко мне, искреннее участие и неподдельный интерес к теме моей работы. Мы проговорили с ней около двух часов.

С тех пор наше профессиональное общение было хоть и не частым, но достаточно регулярным: мы встречались на конференциях, переписывались по электронной почте, выступали в роли рецензентов кандидатских диссертаций наших аспирантов. Ее замечания всегда были корректные, вежливые и всегда по существу. Мои подопечные очень дорожили ее оценкой.

© Гриценко В.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Татьяна Гавриловна с удовольствием откликнулась на мое предложение организовать и проводить регулярные конференции по этнической и кросс-культурной психологии, а также на мою просьбу войти в Программный комитет конференции, тем самым она выступила идейным вдохновителем ее проведения в регионе – в г. Смоленске. Так, благодаря содействию и поддержке со стороны Татьяны Гавриловны, а также других ведущих российских ученых в Смоленском гуманитарном университете, начиная с 2008 года, прошло пять конференций, посвященных обсуждению таких фундаментальных проблем, как природа этничности и формирование этнической, религиозной, гражданской идентичности; взаимосвязь культуры и личности/группы; механизмы межкультурного взаимодействия и предотвращение межэтнических конфликтов; психология миграций и аккультурации; содержание институтов этнической социализации и пути развития поликультурного образования.

Уверена, тот факт, что данные научные форумы вызвали широкий резонанс среди научной общественности, неоднократно были поддержаны Российским гуманитарным научным фондом и Российским фондом фундаментальных исследований, итоги их были опубликованы в ведущих психологических изданиях – «Психологическом журнале» и «Вопросах психологии», заслуга и Татьяны Гавриловны Стефаненко.

Рис. 1. Т.Г. Стефаненко – председатель секционного заседания на Международной научной конференции «Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии», Смоленский гуманитарный университет, май 2008 года

[Figure 1. Tatiana G. Stefanenko chairs the session at the International Scientific Conference on “Theoretical Problems of Ethnic and Cross-Cultural Psychology”, Smolensk University for Humanities, May 2008]

На пленарном заседании первой конференции «Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии» в 2008 году Татьяна Гавриловна была одним из главных докладчиков. Ее доклад на тему: «Содержание

и соотношение понятий “этническое самосознание”, “этничность” и “этническая идентичность”» поставил высокую планку для последующих обсуждений на секционных заседаниях конференции (рис. 1).

В своем докладе Татьяна Гавриловна подчеркнула отсутствие в психологической науке понятийного единообразия. Проанализировав каждое из представленных понятий с точки зрения существующих в отечественной и зарубежной науке основных подходов к этничности: примордиалистского, конструкционистского и инструменталистского, она пришла к выводу об отсутствии между указанными подходами серьезных различий и считала, что этническую идентичность правомерно рассматривать как «результат когнитивно-эмоционального процесса самоопределения индивида в конкретном социальном контексте и социальном пространстве относительно многих этносов. Это не только осознание, но и восприятие, понимание, оценивание, *переживание* своей принадлежности к этнической общности» (Стефаненко, 2008. С. 180). Опираясь на весьма емкое понимание термина «переживание» в концептуальных построениях Г.Г. Шпета и Л.С. Выготского, Татьяна Гавриловна в заключение своего доклада говорит о плодотворности рассмотрения «этнической идентичности как переживания отношений Я и этнической среды – своего тождества с одной этнической общностью и отделения от других» (Стефаненко, 2008. С.180).

На следующих смоленских конференциях Татьяну Гавриловну всегда с нетерпением ждали, участники конференции неизменно задавали один и тот же вопрос: а Т.Г. Стефаненко будет выступать?

Из пяти конференций, которые состоялись в Смоленском гуманитарном университете, Татьяна Гавриловна принимала очное участие в работе первой (2008 год) и последней (2016 год). На Пятой конференции в 2016 году ее доклад «О коллективных переживаниях и социальных эмоциях» был посвящен анализу теоретических исследований механизмов и факторов, определяющих специфику коллективных переживаний социальных проблем, представляя собой квинтэссенцию исследований, проводимых сотрудниками кафедры социальной психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова под руководством Т.Г. Стефаненко. Были уточнены категории переживаний, коллективных переживаний и социальных эмоций. Предложено понимание коллективных переживаний как когнитивно-эмоционального единства личности и группы. Подчеркнуто при этом особое место категории *perezhivanie* в русской ментальности (Стефаненко, Липатов, 2016).

Участники конференции, по праву считали Т.Г. Стефаненко основоположником отечественной этнической психологии, живым классиком этнопсихологии. И сейчас, когда Татьяна Гавриловна ушла от нас, она остается «живым» классиком этнической психологии, так как остаются ее статьи, книги, учебники, по которым, я уверена, будет учиться не одно поколение студентов.

Она любила Смоленск. Ей нравилось приезжать в этот древний город еще и потому, что конференции традиционно проходили в конце мая, как раз во время проведения Всероссийского музыкального фестиваля имени Михаила Ивановича Глинки. И Татьяна Гавриловна после работы на пленар-

ном и секционных заседаниях, как правило, торопилась в Смоленскую филармонию на концерты симфонических оркестров, которые проводились в рамках Глинковского фестиваля. В один из своих приездов мы вместе с ней побывали в родовом имении русского композитора М.И. Глинки в с. Новоспаское.

Она была заядлым театралом, любила посещать музеи, выставки. В апреле 2015 года я оппонировала кандидатскую диссертацию в диссертационном совете при Санкт-Петербургском государственном университете, членом которого являлась Татьяна Гавриловна (рис. 2). Вечером она уговорила меня пойти вместе с ней в Мариинский театр оперы и балета на балет «Медный всадник». Татьяна Гавриловна заблаговременно приобрела билет по интернету, а я пошла наобум, на удачу. Мне повезло, билет удалось купить с рук. В театре мы сидели, конечно, не рядом, но Татьяна Гавриловна провела меня до места, указанного в моем билете. Когда мы встретились в антракте, я видела, как горят у нее глаза, как она воодушевлена. В этот приезд в Санкт-Петербург она побывала и в Государственном Русском музее, и в Музее Фаберже на выставке Фриды Кало.

Рис. 2. Т.Г. Стефаненко, В.В. Гриценко, В.Н. Куницына, А.К. Болотова (слева направо), Санкт-Петербургский государственный университет, апрель 2015 года
[Figure 2. Tatiana G. Stefanenko, Valentina V. Gritsenko, Valentina N. Kunitsyna, Alla K. Bolotova (from left to right), Saint Petersburg State University, April 2015]

Татьяна Гавриловна хорошо разбиралась в живописи, она приобретала альбомы, открытки с репродукциями картин известных художников. И вот она узнала, что такая серия открыток печаталась в одной из типографий Смоленска и захотела приобрести некоторые буклеты, которых у нее не было. В киосках и магазинах я таких буклетов не обнаружила и вышла на типографию. Оказалось, что они действительно печатали такие буклеты, но было это всего один раз, по заказу какого-то смоленского любителя искусства, и в типографии таких буклетов также не осталось. Но, так как я неоднократно

но печатала в этой типографии сборники конференций, работники типографии меня хорошо знали и, покопавшись в своих записях, нашли телефон этого любителя. Я созвонилась с ним, он приехал к началу конференции. Татьяна Гавриловна встретила с ним, приобрела несколько наборов открыток с репродукциями картин известных русских и зарубежных художников и была на седьмом небе от счастья.

Когда закончилась конференция и разъехались почти все участники конференции, Татьяна Гавриловна, Таня (мы были с ней на ты), в знак благодарности пригласила меня в небольшой ресторанчик, где мы проговорили с ней весь вечер. Прежде всего, о работе. Она вспоминала совместную с коллегами работу над книгой «Коллективные переживания социальных проблем», которая незадолго до конференции вышла в издательстве «Смысл». Если по ходу обсуждения рабочих дел она упоминала коллег, студентов или друзей, то я заметила, что ни о ком Татьяна Гавриловна не сказала ни одного плохого слова, наоборот, она тепло отзывалась о всех, о ком заходила речь, например очень была благодарна Оле Луновой за дружбу с ней.

Таня приглашала меня к себе в гости «на дачу». Так называла она небольшую квартиру в Подмоскowie, где она, как говорила, «отдыхала и душой, и телом».

Сейчас мне безумно жаль, что я не успела воспользоваться этим приглашением и насладиться общением с умным, интеллигентным, удивительно скромным и добрым человеком.

Список литературы

- Стефаненко Т.Г.* Этническое самосознание, этничность, этническая идентичность – соотношение и содержание понятий // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии: материалы Международной научной конференции, 29–30 мая 2008 г.: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. В.В. Гриценко. Смоленск: Универсум, 2008. С. 172–182.
- Стефаненко Т.Г., Липатов С.А.* О коллективных переживаниях и социальных эмоциях // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии: материалы Пятой Международной научной конференции, 27–28 мая 2016 г.: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. В.В. Гриценко. Смоленск: Изд-во Смоленского гуманитарного университета, 2016. С. 46–51.

История статьи:

Поступила в редакцию: 16 декабря 2019 г.

Принята к печати: 15 января 2020 г.

Для цитирования:

Гриценко В.В. Татьяна Гавриловна Стефаненко – пример профессионализма, образованности, скромности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 1. С. 168–173. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-168-173>

Сведения об авторе:

Гриценко Валентина Васильевна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования Московского государственного психолого-педагогического университета (Москва,

Россия). WoS ResearcherID: 7107-2016, Scopus AuthorID: 7101892674, ORCID iD: 0000-0001-3345-6789, eLIBRARY SPIN-код: 5812-0770. E-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Biographical article

Tatiana G. Stefanenko – an Example of Professionalism, Education, Modesty

Valentina V. Gritsenko

Moscow State University of Psychology & Education
29 Sretenka St., Moscow, 127051, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to unforgettable memories of the author's meetings with an amazing person, Tatiana G. Stefanenko. She was an outstanding scientist whose contribution to Russian Ethnopsychology cannot be overestimated. She played a key role in organizing Smolensk ethnopsychological conferences. However, her interests were by no means limited only to scientific activity – she was fond of painting, music and theater. In addition, Tatiana will be remembered as a kind-hearted, sympathetic, sincere and surprisingly modest person.

Key words: Tatiana G. Stefanenko, ethnopsychology, culture

References

- Stefanenko, T.G. (2008). Etnicheskoe samosoznanie, etnichnost', etnicheskaya identichnost' – sootnoshenie i sodержanie ponyatii [Ethnic self-consciousness, ethnicity, ethnic identity – the ratio and content of concepts]. In V.V. Gritsenko (Ed.), *Teoreticheskie Problemy Etnicheskoi i Kross-Kul'turnoi Psikhologii: Conference Proceedings* (vol. 2, pp. 172–182). Smolensk: Universum Publ. (In Russ.)
- Stefanenko, T.G., & Lipatov, S.A. (2016). About collective perezhivaniyah and social emotions. In V.V. Gritsenko (Ed.), *Theoretical Problems of Ethnic and Cross-Cultural Psychology: Conference Proceedings* (vol. 1, pp. 46–51). Smolensk: Publishing House of the Smolensk University for Humanities. (In Russ.)

Article history:

Received: 16 December 2019

Revised: 26 December 2019

Accepted: 15 January 2020

For citation:

Gritsenko, V.V. (2020). Tatiana G. Stefanenko – an Example of Professionalism, Education, Modesty. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(1), 168–173. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-168-173>

Bio note:

Valentina V. Gritsenko, Doctor Sc. of Psychology, Full Professor, is Professor at Department of Cross-Cultural Psychology and Multicultural Education, Moscow State University of Psychology & Education (Moscow, Russia). WoS ResearcherID: 7107-2016, Scopus AuthorID: 7101892674, ORCID iD: 0000-0001-3345-6789, eLIBRARY SPIN-code: 5812-0770. E-mail: gritsenko2006@yandex.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-1-174-182
УДК 159.99

Биографическая статья

Тренинг межкультурного взаимодействия: памяти Татьяны Гавриловны Стефаненко посвящается

О.В. Лунева

Московский гуманитарный университет
Российская Федерация, 111395, Москва, ул. Юности, 5

Аннотация. Статья посвящена памяти Татьяны Гавриловны Стефаненко, профессора факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, которая внесла большой вклад в развитие этнопсихологии и подготовки этнопсихологов в нашей стране. Представлено участие Татьяны Гавриловны в проекте разработки и апробации тренинга межкультурного взаимодействия, показаны некоторые черты ее личности.

Ключевые слова: Т.Г. Стефаненко, тренинг межкультурного взаимодействия, этнопсихология, личность в науке

С Татьяной Гавриловной Стефаненко меня познакомила в 2002 г. известный российский этнопсихолог Надежда Михайловна Лебедева. Произошло это при следующих обстоятельствах. Надежда Михайловна, работая заведующей сектором кросс-культурных исследований в Институте этнологии и антропологии Российской академии наук, стала руководителем проекта «Разработка механизмов повышения эффективности межконфессионального и межэтнического диалога» в рамках Федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» (2001–2005 гг.). На первом этапе реализации проекта сотрудниками Российской академии наук было проведено эмпирическое исследование с изучением двадцати этнических групп, в результате которого были выявлены социально-психологические факторы, влияющие на проявления этнической толерантности/интолерантности в сфере межгруппового взаимодействия и взаимовосприятия. На втором этапе предстояло разработать и апробировать программу тренинга межкультурного взаимодействия, ориентированную на развитие характеристик, выявленных исследователями. Для этой работы Н.М. Лебедева пригласила профессионального этнопсихолога Т.Г. Стефаненко и меня, социального психолога, – в качестве тренера.

Весной 2002 г. мы с Надеждой Михайловной приехали на факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, где Татьяна Гавриловна работала

© Лунева О.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

заместителем декана факультета психологии по работе с иностранными студентами. Именно в ее кабинете мы начали большую совместную работу, длившуюся несколько лет, которая в дальнейшем перешла в постоянное сотрудничество и дружбу. Главными характеристиками старта этого проекта можно назвать азарт, вдохновение и радость от профессионального общения, дискуссий, а также коллективное желание сделать качественную программу тренинга этнокультурной компетентности. Главной идеей разрабатываемой программы было сочетание научных данных этнопсихологии и современной методики социально-психологического тренинга как формы активного (в современном варианте – интерактивного, иммерсивного) обучения и развития личности и группы. Научными и методическими источниками проекта стали достижения мировой этнопсихологии и работы участников проекта (Лебедева, 1999; Стефаненко, 1999; Лунева, 2002).

Летом 2002 г. программа тренинга была нами доработана, и его апробация в форме тренинга-семинара была запланирована на конец ноября. Целью тренинга было формирование компетентности личности в межкультурном русско-кавказском взаимодействии. Для проведения занятий был выбран один из подмосковных пансионатов.

В группу участников вошли представители двух культур (русской и народов Северного Кавказа) и двух конфессий (христиане и мусульмане). Они должны были приехать из Москвы и разных регионов Северного Кавказа. Но 23 октября 2002 г. в Москве произошел террористический акт в Театральном центре на Дубровке. Группа вооруженных чеченских боевиков во главе с Мовсаром Бараевым захватила и удерживала заложников (работников, зрителей и актеров мюзикла «Норд-Ост»). Более 130 человек погибло. Атмосфера в стране была очень тяжелая и трагичная, возникли опасения, что представители Северного Кавказа не смогут прибыть в Подмоскowie. Но, к счастью, группа из 22 человек собралась. В процессе тренинга ярко проявилась сила ее мотивации, направленная на поиски взаимопонимания двух культур.

Занятия начались 24 ноября 2002 г., в день рождения Татьяны Гавриловны. Начало любого проекта, связанного с взаимодействием многих людей, тем более разных культур, обычно вызывает у организаторов некоторую тревожность, которую надо преодолеть. И первый день работы, особенно при таких социально-драматических обстоятельствах и настроений в обществе, стал особенно важным. Занятия первого дня нашего тренинга-семинара прошли продуктивно и интересно. И очень важным было итоговое обсуждение, где участники – молодые ученые – квалифицированно анализировали как все происходящее в группе, так и свои состояния и действия. А затем вся группа отмечала день рождения Татьяны Гавриловны. Она сказала, что это самый необычный в ее жизни день рождения – апробация тренинга межкультурного взаимодействия, и пожелала успешной совместной работы в тренинге. Так начало тренинга было согрето праздничным событием.

По оценке всех участников, тренинг русско-кавказского взаимодействия оказался значимым, полезным и важным как с точки зрения личного, так и профессионального опыта. Татьяна Гавриловна провела в этом тренинге и за-

нятие по своей любимой теме «Культурный ассимилятор». Участники группы, получив ее разъяснения, активно подбирали и придумывали ситуации, разрабатывали на их основе культурные ассимиляторы и представляли свои мини-спектакли по этому материалу. Они делали все очень активно и весело. На этой же волне Татьяна Гавриловна с юмором комментировала результаты работы. У нее хорошо получалось совмещение веселого и серьезного, она умело переводила группу от бурных эмоций, веселья к научной дискуссии и очень деликатно обсуждала сложные проблемы русско-кавказского взаимодействия.

Рис. 1. Татьяна Гавриловна Стефаненко. Методический тренинг межкультурного взаимодействия для психологов и учителей Северного Кавказа. День первый.

Тема «Пословицы и поговорки разных культур». Кисловодск, май, 2006 г.

[**Figure 1.** Tatiana G. Stefanenko. Cross-Cultural Communication Training for psychologists and teachers of the North Caucasus. The first day topic “Proverbs and sayings of different cultures”. Kislovodsk, May 2006]

После проведенного семинара-тренинга, его содержание было скорректировано и дополнено с учетом результатов апробации (Лебедева и др., 2003). Начала формироваться команда, включавшая студентов, аспирантов, молодых преподавателей вузов, желающих участвовать в реализации этого проекта в различных регионах России. Команда специалистов, в состав которой вошли представители Института этнологии и антропологии Российской академии наук, кафедры социальной психологии МГУ имени М.В. Ломоносова и кафедры социальной и этнической психологии Московского гуманитарного университета, под руководством Н.М. Лебедевой продолжила проект апробации тренинга в различных регионах России. Сначала школьные психологи и преподаватели проходили тренинг как участники. После цикла теоретиче-

ских и практических занятий они уже сами проводили тренинги со школьниками и студентами при участии членов команды разработчиков тренинга в качестве ассистентов, консультантов, экспертов. Постепенно в процессе работы отработывалась и корректировалась методика тренинга, анализировался получаемый опыт и формировалось представление о возможностях и перспективах его использования. Тренинг межкультурного взаимодействия вошел в Программу сотрудничества Европейского Союза и России (ТАСИС) «Улучшение межэтнических отношений и развитие толерантности в России» (2002/030-499).

Рис. 2. Татьяна Гавриловна Стефаненко. Методический тренинг межкультурного взаимодействия для психологов и учителей Северного Кавказа. День второй. Тема «Культурный ассимилятор». Кисловодск, май, 2006 г.

[**Figure 2.** Tatiana G. Stefanenko. Cross-Cultural Communication Training for psychologists and teachers of the North Caucasus. The second day topic "Cultural assimilator". Kislovodsk, May 2006]

Татьяна Гавриловна Стефаненко участвовала в проведении обучающих тренингов межкультурного взаимодействия на Северном Кавказе (рис. 1–3), в Краснодарском крае, Мордовии и Москве. Самыми сложными можно назвать группы школьников Северного Кавказа. Еще продолжалась Вторая чеченская война. Боевые столкновения, теракты и полицейские операции происходили не только на территории Чечни, но и на территориях Ингушетии, Дагестана,

и Кабардино-Балкарии. На отдельных территориях неоднократно временно вводился режим контртеррористической операции (КТО), а в Чечне этот режим был отменен только через десять лет, 16 апреля 2009 г. Взрослые участники тренинга из этих регионов могли управлять своими эмоциями, у них было большое желание защитить психику и мировоззрение детей. А вот детям приходилось сложнее. Они могли зарыдать или проявлять агрессию при обсуждении характеристик какой-то этнической группы. У некоторых школьников наблюдались психотравматические синдромы. Татьяна Гавриловна Стефаненко активно участвовала в анализе этих проблем, помогала найти правильные решения, моделировать поведение тренера в различных ситуациях, проявляя при этом гуманизм и деликатность.

Подготовленные в этом проекте тренеры проводили затем тренинги межкультурного взаимодействия в разных регионах России, в том числе и на Северном Кавказе, где еще действовал режим КТО. По результатам проведенной работы было издано несколько книг и учебных пособий (Лебедева, Стефаненко, Лунева, 2004а, 2004б; Лебедева, Лунева, Стефаненко, 2004, 2012).

После завершения проекта под руководством Н.М. Лебедевой, участницы команды продолжали проводить тренинги межкультурного взаимодействия, поскольку спрос на него в поликультурном обществе существует всегда. Так, мы с Татьяной Гавриловной провели в Российском университете дружбы народов тренинг «Межкультурное взаимодействие и развитие этнокультурной компетентности в международно-ориентированном университете» (72 ч.) в ноябре – декабре 2008 г. Участниками тренинга были преподаватели и студенты старших курсов. В дальнейшем они распространяли идеи тренинга, проводя его с разными группами.

Конечно, тренинг межкультурного взаимодействия только часть жизни Татьяны Гавриловны. Но в работе в этом проекте отразились разные стороны ее личности, которые раскрывались как в рабочем процессе, так и в дружеском взаимодействии вне работы. Профессия и все с нею связанное занимали в жизни Татьяны Гавриловны первое место. Прежде всего, это относится к кафедре социальной психологии, факультету психологии Московского государственного университета. Она говорила, что ее семья – это кафедра, и очень эмоционально, включалась в проблемы кафедры, переживала за каждого преподавателя и сотрудника. И, будучи заведующей кафедрой, старалась помочь всем, кто в чем-то нуждался. Она была истинным патриотом факультета психологии и университета и очень гордилась, что работает в этих стенах.

Отличительной чертой Татьяны Гавриловны была любознательность. Прежде всего, это относится к научной работе. Она вплоть до своего ухода искала, заказывала, читала и изучала книги со всего мира по специальности.

Татьяна Гавриловна была разносторонним человеком, что делало ее привлекательной и интересной для самых разных людей и, конечно, обогащало ее общение с молодежью. Причем эти увлечения не были поверхностными. Так, она серьезно интересовалась музыкой, театром, живописью, постоянно читала книги и была в курсе литературных новинок. Татьяна Гавриловна собрала большую (более 2000 экземпляров) коллекцию открыток с репродукциями картин. С радостью вспоминаю наши походы в музеи, где мы

сравнивали оригиналы с изображением и отбирали в коллекцию наиболее удачные открытки. Все открытки хранились в идеальных условиях и располагались в строгом архивном порядке, несмотря на то, что она их часто доставала, рассматривала и представляла или дарила гостям. Бывая в разных городах в командировках и экспедициях с тренингом межкультурного взаимодействия, Татьяна Гавриловна непременно посещала театры и музеи, привлекая коллег.

Одним из сильных увлечений ее последних лет стали экскурсии по Москве. Она знала всех хороших экскурсоводов, проводивших авторские экскурсии. Иногда в один день ей удавалось побывать на двух экскурсиях, и она радовалась этому как ребенок, рассказывая о новых знаниях про любимый город и своих впечатлениях.

Доброта Татьяны Гавриловны к людям проявлялась в терпимости, осторожности оценок и суждений. Она старалась помогать всем нуждавшимся, с кем сводила ее судьба. Поэтому все самое ценное, что у нее было, она завещала тем, кому это было нужно. В торговом центре «Европейский» возле ее дома перед Новым годом появлялась «Елка желаний», на которой были развешены просьбы детей из детских домов. Татьяна Гавриловна снимала карточки желаний и покупала заказанные подарки. Почему-то чаще всего ей попадались письма от мальчиков-подростков, которых она стремилась порадовать, точно выполняя их пожелания, что не всегда было просто сделать. Например, найти диски с записями выступлений определенных певцов и групп.

И в этом проявлялось одно из главных качеств Татьяны Гавриловны – ответственность. Она была очень надежным человеком. Если за что-то бралась – всегда выполняла, чего бы это ни стоило. И требовала этого же от других. Татьяна Гавриловна была ранимым человеком, по-детски трогательно огорчалась, переживая непонимания и обиды, но быстро отходила. Она не любила конфликтов и была позитивным человеком. Другим ярко выраженным ее качеством, по-моему, была потребность в справедливости. И если на ее глазах этот принцип нарушался, ущемлялись чьи-то права, она предпринимала решительные действия для восстановления справедливости. Подобные ситуации возникали и в тренингах межкультурного взаимодействия, когда обсуждались характеристики разных народов, этносов, инаковость других людей и групп. Иногда в процессе работы группы появлялись некорректные высказывания и реплики, принятые в региональных паттернах обыденного поведения, обидные для кого-то поговорки и пословицы. Уверенность Татьяны Гавриловны в своих убеждениях, умение подобрать нужные слова, эмоциональность и твердое намерение отстаивать и разъяснять свою точку зрения, выражать свои чувства заставляли всех прислушиваться к ее мнению и являлись действенным инструментом влияния на участников группы.

Еще одной сферой ее интересов были домашние животные. Она обожала своего чудесного кота Клауса. Татьяна Гавриловна помогала приютам для кошек. А в каждом городе, где мы бывали вместе, она находила локации бездомных животных, чтобы их подкармливать. Ей удалось собрать коллекцию, включившую более 2500 фигурок кошек. Окружение Татьяны Гавриловны знало об этой коллекции и постоянно пополняло ее к обоюдной радости, доставляя фигурки из разных стран мира и российских регионов.

В одном из фильмов о тренинге межкультурного взаимодействия есть кадры, в которых показано обсуждение результатов занятий. Каждый из участников говорит о том, что дал им этот тренинг, как повлиял на них и какие планы позволяет выстраивать. В последнем кадре видно, что Татьяна Гавриловна Стефаненко резюмируя обсуждение, говорит такие слова: «Вот слушаю вас и понимаю, что моя жизнь прошла не зря».

Рис. 3. Татьяна Гавриловна Стефаненко. Методический тренинг межкультурного взаимодействия для учителей и психологов Северного Кавказа. День пятый. Тема «Подведение итогов тренинга». Кисловодск, май, 2006 г.

[Figure 3.] Tatiana G. Stefanenko. Cross-Cultural Communication Training for psychologists and teachers of the North Caucasus. The fifth day topic "Summing up the training". Kislovodsk, May 2006]

После этих слов она еще очень многое сделала на стезе преданного служения своему делу. Очевидно, что жизнь Татьяны Гавриловны Стефаненко, доктора психологических наук, профессора, для многих – Учителя, творческого и преданного своему делу человека, прошла не зря. И она навсегда останется в памяти многочисленных почитателей: коллег, учеников, читателей, близких людей...

Список литературы

- Лебедева Н.М., Лунева О.В., Стефаненко Т.Г.* Тренинг этнической толерантности для школьников: учебное пособие для студентов психологических специальностей. М.: Привет, 2004. 358 с.
- Лебедева Н.М., Лунева О.В., Стефаненко Т.Г.* Тренинг этнической толерантности для школьников: учебное пособие для студентов психологических специальностей. 2-е изд. М.: МАКС Пресс, 2012. 360 с.

- Лебедева Н.М., Лунева О.В., Стефаненко Т.Г., Мартынова М.Ю. Межкультурный диалог: тренинг этнокультурной компетентности. М.: Изд-во РУДН, 2003. 268 с.
- Лебедева Н.М., Стефаненко Т.Г., Лунева О.В. Межкультурный диалог в школе. Кн. 1. Теория и методология. М.: Изд-во РУДН. 2004а. 195 с.
- Лебедева Н.М., Стефаненко Т.Г., Лунева О.В. Межкультурный диалог в школе. Кн. 2. Программа тренинга. М.: Изд-во РУДН, 2004б. 300 с.
- Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: Ключ-С, 1999. 224 с.
- Лунева О.В. Социально-психологический тренинг: мастер-класс. М.: Изд-во МГСА, 2002. 36 с.
- Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, Академический проект, 1999. 320 с.

История статьи:

Поступила в редакцию: 27 декабря 2019 г.

Принята к печати: 25 января 2020 г.

Для цитирования:

Лунева О.В. Тренинг межкультурного взаимодействия: памяти Татьяны Гавриловны Стефаненко посвящается // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 1. С. 174–182. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-174-182>

Сведения об авторе:

Лунева Ольга Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной и этнической психологии Московского гуманитарного университета. E-mail: ksep@mosgu.ru

Biographical article

Cross-Cultural Communication Training: Dedicated to the Memory of Tatiana G. Stefanenko

Olga V. Luneva

Moscow University for the Humanities
5 Yunosti St., Moscow, 111395, Russian Federation

Abstract. The article is dedicated to the memory of Tatiana G. Stefanenko, Professor of the Department of Social Psychology, Lomonosov Moscow State University, who made a significant contribution to ethnopsychology as well as to the training of ethnopsychologists. The focus is on her participation in developing and testing the cross-cultural communication training project and some facets of the researcher's personality.

Key words: Tatiana G. Stefanenko, cross-cultural communication training, ethnopsychology, personality in science

References

- Lebedeva, N.M. (1999). *Vvedenie v Etnicheskuyu i Kross-Kul'turnuyu Psikhologiyu*. Moscow: Klyuch-S Publ. (In Russ.)
- Lebedeva, N.M., Luneva, O.V., & Stefanenko, T.G. (2004). *Trening Etnicheskoi Tolerantnosti dlya Shkol'nikov*. Moscow: Privet Publ. (In Russ.)
- Lebedeva, N.M., Luneva, O.V., & Stefanenko, T.G. (2012). *Trening Etnicheskoi Tolerantnosti dlya Shkol'nikov*. 2nd ed. Moscow: MAKS Press. (In Russ.)
- Lebedeva, N.M., Luneva, O.V., Stefanenko, T.G., & Martynova, M.Yu. (2003). *Mezhkul'turnyj Dialog: Trening Etnokul'turnoj Kompetentnosti*. Moscow: RUDN University Publ. (In Russ.)
- Lebedeva, N.M., Stefanenko, T.G., & Luneva, O.V. (2004a). *Mezhkul'turnyi Dialog v Shkole. Book 1. Teoriya i Metodologiya*. Moscow: RUDN Publ. (In Russ.)
- Lebedeva, N.M., Stefanenko, T.G., & Luneva, O.V. (2004b). *Mezhkul'turnyi Dialog v Shkole. Book 2. Programma Treninga*. Moscow: RUDN Publ. (In Russ.)
- Luneva, O.V. (2002). *Social'no-Psikhologicheskii Trening: Master-Klass*. Moscow: MGSA Publ. (In Russ.)
- Stefanenko, T.G. (1999). *Etnopsihologiya*. Moscow: Institut psikhologii RAN, Akademicheskii proekt Publ. (In Russ.)

Article history:

Received: 27 December 2019

Revised: 20 January 2020

Accepted: 25 January 2020

For citation:

Luneva, O.V. (2020). Cross-Cultural Communication Training: Dedicated to the Memory of Tatiana G. Stefanenko. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(1), 174–182. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-174-182>

Bio note:

Olga V. Luneva, Ph.D. in Psychology, Associate Professor, is Professor at Department of Social and Ethnic Psychology, Moscow University for the Humanities. E-mail: ksep@mosgu.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-1-183-188
УДК 159.99

Биографическая статья

Светлому Человеку – светлая память

А.И. Тащёва

Южный федеральный университет
Российская Федерация, 344038, Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13

Аннотация. Данный материал – воспоминания об уникальном человеке, профессоре факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущем российском специалисте-этнопсихологе Татьяне Гавриловне Стефаненко.

Ключевые слова: Т.Г. Стефаненко, личность, ученый, этнопсихология

С Татьяной Гавриловной (Таней) я познакомилась в 1983 году, поступив в очную аспирантуру к Галине Михайловне Андреевой на кафедру социальной психологии факультета психологии М.В. Ломоносова, где Таня тогда работала переводчиком.

В 34 года, несомненно, сложно отрываться от дома, адаптироваться к новым условиям работы и быта в столице, в МГУ – Таня стала одной из первых, кто протянул мне руку дружеской помощи, поддержал в сложных жизненных обстоятельствах, проявил ко мне искренние и корректные заботу и участие: она знакомила меня с традициями кафедры, с ее талантливыми, энергичными, своеобразными сотрудниками, каждый из которых был ей по-своему дорог. С особым пиететом Таня относилась к основателям кафедры: Г.М. Андреевой, Л.А. Петровской, Н.И. Богомоловой.

Танечка познакомила меня и с замечательными родителями, людьми с уникальными судьбами: так как папа, Гавриил Федорович, работал в Китае, семья долгое время жила там как раз во времена сложных отношений с СССР. Безгранично добрая Галина Михайловна – мама Татьяны – не раз приглашала меня в гости на скромные, но очень уютные дачу и квартиру, где я слышала множество теплых рассказов о жизни в Китае, о национальных традициях и культуре его многочисленных народов, преимущественно – ханьцев, составляющих теперь около 92 % населения страны. Возможно, именно в Китае сформировались всегдашние корректность, выдержанность и безграничная скромность Татьяны Гавриловны.

Защитив кандидатскую диссертацию «Атрибутивные процессы в супружеских конфликтах» под руководством Г.М. Андреевой, я вернулась в

© Тащёва А.И., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ростовский государственный университет (РГУ, с 2007 года – Южный федеральный университет, ЮФУ) родного города, где работаю и сейчас.

В 1992–1994 гг. Тая и я участвовали в научном исследовании Северо-Кавказского научного центра, осуществляя первое на Северном Кавказе эмпирическое исследование представлений различных групп населения о людях разных национальностей. Результаты этой большой комплексной междисциплинарной работы позже вылились в монографии, учебники, учебные пособия, легли в основу ряда кандидатских, а затем и докторских диссертаций, защищенных на Северном Кавказе, в других регионах страны.

Студенты РГУ/ЮФУ уже много лет учатся по учебнику «Этнопсихология», изданному в 1998 г. и переизданному в 1999, 2003, 2006 и 2014 гг. (Стефаненко, 2014), находя все новые психологические изюминки, появляющиеся в каждом из этих замечательных изданий.

В 2016 г. «на четверых», в соавторстве с С.В. Гридневой и О.А. Тихомандрицкой, вышла наша статья «Этнически смешанные браки сквозь призму феномена удовлетворенности супружеством» в Российском психологическом журнале (Ташёва и др., 2016).

В 1995 году при Ростовском государственном университете был создан первый на Северном Кавказе диссертационный совет по психологическим наукам, в котором в течение 13,5 лет я работала ученым секретарем.

В состав нашего кандидатского, а с 2007 г. докторского диссертационных советов по психологии и педагогике вошли ведущие специалисты факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова: психофизиологи – доктора психологических наук, профессора Нина Николаевна Данилова и Чингис Абиляфович Измайлов, а также специалист по социальной и этнической психологии и в то время кандидат психологических наук – Татьяна Гавриловна Стефаненко. Московские коллеги сделали очень многое для становления и достойной работы наших советов. Одной из самых квалифицированных, ответственных, доброжелательных, добросовестных и скромных членов этих советов стала Т.Г. Стефаненко.

Следуя традициям Г.М. Андреевой, кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени В.В. Ломоносова, Татьяна Гавриловна чрезвычайно бережно относилась к работам соискателей кандидатских и докторских ученых степеней, к научному творчеству их научных руководителей, неизменно удивляя не только претендентов на научные степени, но и их руководителей, членов советов, перечисляя дополнительные достоинства защищаемых работ, демонстрируя научные и практические перспективы каждой из них. Татьяна Гавриловна поражала коллективы наших советов и тем, что реализовывала эту замечательную традицию кафедры социальной психологии МГУ независимо от того, являлась ли она официальным оппонентом конкретной диссертации, представляла ли защищаемую работу от имени ведущей организации или же участвовала в заседании просто как член диссертационных советов. Выступления Татьяны Гавриловны на защитах всегда выслушивались с особым пиететом, приветствовались благодарными аплодисментами. Будучи здоровой, она приезжала на защиты психологов в любое время года и всегда была выдержанной, приветливой, принимающей,

человеком с высочайшим самоконтролем в любых обстоятельствах, также ее отличало тонкое чувство юмора.

Танечка очень любила историю и литературу во всех проявлениях, самозабвенно любила свою кошку. Будучи практически бескорыстной, из всех подарков даже от близких друзей она принимала лишь оригинальные, авторские изображения кошек. В редкие минуты отдыха в Ростове ее удавалось позвать в гости, вывезти на экскурсию в уникальные музеи Ростовской области или на природу (рис. 1), пригласить и ко мне домой (рис. 2).

Рис. 1. Т.Г. Стефаненко (справа) и А.И. Ташчёва у Тихого Дона, Азов, июль 2005 г.
[Figure 1. Tatiana G. Stefanenko (right) and Anna I. Tashcheva near Don river, Azov, July 2005]

В июне 2008 г. моя племянница С.В. Гриднева возила Татьяну Гавриловну на экскурсию в музей-заповедник А.П. Чехова, состоящий из семи мемориальных музеев (чеховских мест) в Таганроге. Попасть в тот день им удалось лишь в музей «Домик А.П.», где родился будущий писатель и который после его смерти стал первым чеховским музеем в России. В «Домике А.П.» имеется богатейшая экспозиция документов о жизни и творчестве писателя, но, когда Танечка стала рассказывать очень квалифицированному экскурсоводу о судьбе Антона Павловича, все свободные от экскурсий сотрудники музея собрались в зале дискуссии и около полутора часов слушали Танину психологическую интерпретацию произведений А.П. Чехова. А потом все собравшиеся в зале с удовольствием долго аплодировали профессору-психологу из Москвы, звали ее в экскурсоводы их музея, обещали под ее светлое имя и колоссальную эрудицию заполучить для нее персональную ставку от Министерства культуры Ростовской области... Лишь запредельная скромность московского профессора «спасла» кафедру социальной психоло-

гии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова и наш диссертационный совет от потерь...

В тот насыщенный день обе экскурсантки вернулись в Ростов, пребывая буквально в восторге от замечательной экспозиции музея, от высокой квалификации и чувства юмора его сотрудников... В таком вдохновленном состоянии я видела Таню, похоже, лишь раз и едва ли не впервые пожалела о том, что, будучи ученым секретарем, не могла в тот день присутствовать на экскурсии.

Таня была на редкость честным, принципиальным и справедливым человеком. Так, в 2005 г. Таня и А.И. Донцов буквально спасли меня от несправедного гнева руководителя диссертационного совета, который по надуманным мотивам решил избавиться от меня как ученого секретаря совета и попытался использовать при этом негодные средства... И сейчас трудно вспоминать об этом тяжелом эпизоде в моей жизни. Проверки документов совета и соискателей ученых степеней за 10 лет существования совета, на которой я сама настояла, и разговора московских коллег с председателем оказалось достаточно, чтобы я продолжила работать в совете до декабря 2013 г. А.И. Донцов, будучи в то время деканом факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующим кафедрой социальной психологии, членом Экспертного совета ВАК РФ, сказал тогда, что теперь он, наконец, понял, как именно должна вестись документация в диссертационных советах и что он будет требовать от ученых секретарей советов его факультета.

Рис. 2. Т.Г. Стефаненко (слева) и А.И. Ташчёва, Ростов-на-Дону, ноябрь 2009 г.
[Figure 2. Tatiana G. Stefanenko (left) and Anna I. Tashcheva, Rostov-on-Don, November 2009]

При всей своей сдержанности и некоторой эмоциональной закрытости Таня всегда с большой симпатией относилась к коллегам по кафедре социальной психологии, которую возглавила после А.И. Донцова, и к сотрудникам факультета.

У Танечки была колоссальная воля, абсолютная закрытость применительно к ее физическому состоянию последние годы – она долго пыталась скрывать свое тяжелейшее заболевание.

В последний раз я видела Таню в декабре 2017 г. на Всероссийской конференции, посвященной 40-летию кафедры социальной психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, пленарное заседание которой она вела. Было больно видеть, что она очень тяжело, смертельно больна. Поразительно, но и в том состоянии она успевала весьма успешно и корректно, как, к глубокому сожалению, мало кто умеет и из ученых, включая психологов, преподавателей психологии, руководить увлеченными коллегами во время заседаний... В тот вечер я позвонила Тане из номера гостиницы – мы говорили около часа о конференции, о жизни, о людях, о человечности...

25 января 2018 г., чтобы не беспокоить Татьяну звонком, я отправила ей смс: «Танюша, с Татьяниным днем тебя. Здоровья и Добра, хорошего настроения тебе, родная! Как ты? Могу как-то помочь тебе, дорогая? От Светы – поклон тебе. Любим тебя очень. Аня». Татьяна Гавриловна ответила в тот же день: «Спасибо, Анечка». Я понимала, что вижу ее текст в последний раз... До сих пор больно до слез.

Так жаль хорошего, чистого, запредельно скромного Человека, истинного Друга. И спасибо Богу, Г.М. Андреевой, судьбе, что подарили моим коллегам по диссертационным советам по психологии и педагогике при Ростовском государственном (Южном федеральном) университете, мне, моим близким возможность знать и любить Татьяну Гавриловну Стефаненко, Танечку. Светлая память – Светлому Человеку.

Список литературы

- Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2014. 352 с.
- Ташёва А.И., Гриднева С.В., Стефаненко Т.Г., Тихомандрицкая О.А. Этнически смешанные браки сквозь призму феномена удовлетворенности супружеством // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13. № 3. С. 39–49.

История статьи:

Поступила в редакцию: 24 декабря 2019 г.

Принята к печати: 25 января 2020 г.

Для цитирования:

Ташёва А.И. Светлому Человеку – светлая память // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 1. С. 183–188. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-183-188>

Сведения об авторе:

Ташёва Анна Ивановна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии личности и консультативной психологии, научный руководитель Психологической службы Академии психологии и педагогики Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: annaivta@mail.ru

Biographical article

In Loving Memory of Unique Person

Anna I. Tashcheva

Southern Federal University
13 Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russian Federation

Abstract. This publication contains memories of Tatiana G. Stefanenko, a unique person, professor of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University, one of the leading Russian ethnopsychologists.

Key words: T.G. Stefanenko, personality, scientist, ethnopsychology

References

- Stefanenko, T.G. (2014). *Ethnopsychology*. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russ.)
Tashcheva, A.I., Gridneva, S.V., Stefanenko, T.G., & Tikhomandritskaya, O.A. (2016). Ethnically Mixed Marriages through the Phenomenon of Marriage Satisfaction. *Russian Psychological Journal*, 13(3), 39–49. <https://doi.org/10.21702/rpj.2016.3.3>

Article history:

Received: 24 December 2019

Revised: 09 January 2020

Accepted: 25 January 2020

For citation:

Tashcheva, A.I. (2020). In Loving Memory of Unique Person. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(1), 183–188. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-183-188>

Bio note:

Anna I. Tashcheva, Ph.D. in Psychology, Associate Professor, is Associate Professor of the Department of Personality and Counseling Psychology, Scientific Director of the Psychological Service of the Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia). E-mail: annaivta@mail.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-1-189-195
УДК 159.99

Биографическая статья

Учитель и научная мама: памяти Татьяны Гавриловны Стефаненко

А.С. Купавская

Clever Psychology
Великобритания, Лондон, Квинсвей, 36

Аннотация. Статья посвящена памяти Татьяны Гавриловны Стефаненко, профессора факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, учителя и друга, и рассказывает том, как она растила и какое оказывала влияние на следующие поколения этнопсихологов – их карьеры и личную жизнь.

Ключевые слова: Т.Г. Стефаненко, личность педагога, этнопсихолога и человека

Так случилось, что о подготовке журнала, посвященного памяти Татьяны Гавриловны, я узнала накануне сдачи номера. Оказалось, в рассылке, вот уже полгода оповещавшей авторов о его подготовке, был указан старый адрес моей электронной почты. Я взволновалась, написала двум другим аспиранткам Татьяны Гавриловны – Ане Арбитайло и Ире Антоновой, – готовы ли их тексты? Оказалось, что Ира сейчас в Японии, Аня – в Австралии, а сама я – в Сингапуре. Мы представили улыбку Татьяны Гавриловны, которая узнала, как мы разлетелись по миру, как жадно изучаем новые культуры и себя, как бы ей понравились наши рассказы. Погрустили, как каждая из нас по-своему ждет встречи с ней, чтобы разделить увиденное так, как можно было разделить только с Татьяной Гавриловной.

Татьяна Гавриловна Стефаненко – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной психологии МГУ имени М.В. Ломоносова – была моей научной мамой. Это звучит очень лично, почти интимно, но именно так она себя называла, так ощущали и мы – ее аспиранты и «дети». Кажется, Татьяна Гавриловна провела с нами на кафедре за научными обсуждениями не меньше времени, чем на ее уютной кухне за долгими интенсивными и теплыми беседами о личном, об искусстве, путешествиях, о том, что огорчает, радуется, наполняет.

Наша первая встреча состоялась в 2002 году, когда Татьяна Гавриловна была заместителем декана. Повод для меня был неприятным – я провела 3 учебных месяца в больнице, по-прежнему болела и, конечно, значимо отстала. Пред-

© Купавская А.С., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

стоящая беседа об академическом отпуске меня не радовала. Было ощущение, что нужно будет защищаться, оправдываться, что-то отстаивать. Татьяна Гавриловна приняла меня в кабинете с большими светлыми окнами приветливо и тепло. К моему удивлению, заместитель декана слушала меня крайне внимательно, очень поддерживающе, мы долго беседовали, она искренне и ресурсно предлагала разные варианты и настаивала, чтобы я выбрала лучший для себя. Нужно ли говорить, что вышла я в бодром и решительном состоянии. Академический отпуск брать не стала, все экзамены и зачеты сдавала, Татьяна Гавриловна поучаствовала в переносе защиты курсовой на осень, что помогло наверстать упущенное время. Это маленький пример того, как Татьяна Гавриловна умела слушать и поддерживать. Всегда сосредоточенно, включенно, всегда максимально искренне, с уважением и теплом.

В следующем учебном году у нас начался курс “Этнопсихология”. Татьяна Гавриловна предлагала студентам интереснейшие письменные задания. Например, для понимания того, относится ли Россия к низкоконтекстным или высококонтекстным культурам, студентам предлагалось написать список всех имен и их производных, с которыми к ним обращаются в жизни. От списка из 42 моих собственных имен я долго ходила под впечатлением, что позволило мне совершенно по-новому ощутить разнообразные оттенки смыслов и подтекстов обращений. На лекциях и в последующих заданиях мы анализировали, как в нас запускается и развивается процесс стереотипизации, как формируются предубеждения. Размышляли о своей этнической идентичности, препарировали особенности национального характера через пословицы и поговорки культур, искали опоры для диалога с представителями других народов с помощью культурного ассимилятора и других методов. Письменные задания Татьяны Гавриловны, размышления о содержании курса и переживание собственной мультикультурности приводили меня в восторг. Когда пришло время определяться с темой курсовой на учебный год, я затеяла социологический опрос коллег-студентов: «Как оно, писать работу у Татьяны Гавриловны?» Ответы на удивление были единогласными: она отличный научный руководитель, очень теплый, интересный и интеллигентный преподаватель, расставались с ней, только если интересовала какая-то принципиально иная тема, лежавшая за пределами научных appetites самой Татьяны Гавриловны. Все твердили: занимайся она и этой темой, они бы у нее остались. Мое собеседование с Татьяной Гавриловной снова прошло тепло, уважительно и диалогично, и, к моей радости, я написала под ее руководством курсовую работу, потом дипломную, за ней – кандидатскую диссертацию. Мне посчастливилось также совместно с ней написать несколько научных работ на русском и английском языках (Купавская, 2005; Stefanenko, Kupavskaya, 2010; Stefanenko, Kupavskaya, 2012a; Stefanenko, Kupavskaya, 2012b), работать под ее началом на факультете психологии МГУ (Стефаненко, Купавская, 2006) и в Федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» (Стефаненко, Татарко, Купавская, 2004). Вместе с коллегами Надеждой Михайловной Лебедевой, Ольгой Викторовной Луновой и другими мы работали в Беслане, Владикавказе, Нальчике, Краснодаре и других

городах России (2001–2005 гг.). Это был непростой, очень эмоциональный и невероятно глубокий опыт, осмысление которого продолжается во мне и сегодня. Мне очень повезло, что со времен четвертого курса тема этнопсихологии меня не отпустила, а я не отпустила Татьяну Гавриловну.

Татьяна Гавриловна обожала свой предмет. Она преподавала этнопсихологию десятки лет, при этом готовилась к каждой лекции, существенно обновляла свой легендарный учебник «Этнопсихология» для каждого переиздания. А с каким чувством и глубиной она рассказывала о каждом новом шедевре мировой живописи, выбранном для новой обложки учебника! Помню, коллега на кафедре как-то посочувствовал: «Татьяна Гавриловна, увидел в расписании, что Вам поставили сдвоенную пару по этнопсихологии в субботу в 9 утра для людей, получающих второе высшее образование. Вы не боитесь, что в сонной аудитории будет немногочленно?» Татьяна Гавриловна без тени сомнения и не без гордости ответила: «Я уже много лет веду этот курс для второго высшего именно в это время – по субботам в 9 утра. И у меня всегда полная аудитория». Она была уверена в том, что ее курс по-настоящему интересен, что диалог со студентами обязательно состоится, вне зависимости от дня и времени проведения лекции. Так и было. А еще она любила не спеша добираться до факультета по пустынной субботней Москве.

Однажды Татьяна Гавриловна попала в больницу на несколько месяцев. Курс этнопсихологии был разделен между нами, ее аспирантами. И, знаете, это правда, всегда были полные аудитории студентов, всегда много живых вопросов, всегда интересные диалоги в коридоре после завершения лекции. И «Этнопсихология», и «Психология межгрупповых отношений» Татьяны Гавриловны были живыми актуальными курсами, побуждающими думать и помогающими лучше понять себя и социальную реальность вокруг.

Татьяна Гавриловна была исключительно интеллигентна и диалогична. Она умела искренне и безоценочно удивляться, даже когда слышала странные, мягко говоря, вещи. Умела по-сократовски неутомимо и точно задавать нейтральные вопросы о фактах, пока ты сам не поймешь о себе что-то новое. Никакого сарказма или скрытой агрессии – открытый диалог и, если считала нужным, открытая конфронтация. У самой Татьяны Гавриловны всегда была собственная позиция, которую она твердо, но с уважением отстаивала. А если уж она о чем-то понравившемся рассказывала – о новой постановке, выставке, прогулке по Москве, Парижу или Лондону, книге, фильме, – то всегда с придыханием, с горящими глазами. Она заражала своим интересом и сложно было не следовать за ней.

С нами, аспирантами, она щедро делилась своими увлечениями, хобби, вовлекала в свой поток коллекционера. А коллекционером она была страстным. В ее коллекциях отражалась она сама – организованная, последовательная, ее неутомимый ум и внимательность к деталям, ее готовность посвятить себя предмету и служить ему. Чем бы она ни увлеклась, она становилась в этом экспертом, но при этом как-то легко, играючи она наполняла предмет своего увлечения невероятной витальностью. Открытки с шедеврами живописи, коллекция книг, богатейшая фильмотека, невообразимая коллекция кошек... Благодаря последней Татьяну Гавриловну было легко пора-

довать: в каждом путешествии встречалась хорошенькая фигурка, которая так и просилась в ее коллекцию, а все новинки так радовали хозяйку! И до сих пор так – в каждой поездке сами собой находятся чудесные кошки, которые хотят, чтобы для них любовно нашли место, с теплом и придыханием рассказывали, откуда они, как попали к Татьяне Гавриловне. Прохожу мимо них, глубоко вздыхая.

Когда в конце 2008 года я уезжала в Лондон, Татьяна Гавриловна собрала для меня видеотеку – около 30 тематических и поддерживающих фильмов. Каждый из них был глубоким, трогательным, в чем-то для меня актуальным, каждый согревал ее теплом и заботой, помогал в первые месяцы непростого процесса адаптации. Каждый раз, когда я приезжала в Москву, меня ждали в подарок 2 книги: литературная художественная новинка, которую, Татьяна Гавриловна была убеждена, мне нельзя пропустить, и тематическая книга об Англии, ее традициях и особенностях. Сегодня я много работаю с русскоязычной общиной Англии, помогаю людям адаптироваться к новой культурной среде. Тем, как и чем я работаю, я во многом обязана Татьяне Гавриловне. Помимо прочных знаний по этнопсихологии и психологии межкультурной адаптации, у меня самая завидная русскоязычная библиотека об особенностях жизни в Англии – ко всему этому она приложила руку и сердце.

Татьяна Гавриловна была крайне последовательна и внимательна. Она неравнодушно читала каждый новый текст своих студентов, каждую новую его редакцию. Мои возвращала, к моему стыду, всегда с правками: запятые, опечатки, содержательные неточности, шероховатости в оформлении списка литературы – мало что укрывалось от ее внимательного взгляда.

Татьяна Гавриловна на свадьбе автора (Аптекарский огород МГУ, июнь 2008 года)
Tatiana Stefanenko at the author's wedding
(The Botanic Gardens of Lomonosov Moscow State University, June 2008)

Столь же внимательной Татьяна Гавриловна была и в личных отношениях: она знала всех членов моей семьи, всегда интересовалась жизнью мужа, родителей, брата и его семьи. С ней можно было поделиться сложностями и в отношениях с коллегами, и в написании статьи, и глубоко личными переживаниями. Она во всем была готова принять участие.

С нами, своими научными детьми, Татьяна Гавриловна была настоящей. Всегда журила и хвалила искренне, никаких общих слов – всегда персонально и конкретно. Как с друзьями, она была с нами ранима. Могла обидеться и отдалиться. Однажды я долго не выходила на связь: обещала Татьяне Гавриловне сделать большой исследовательский обзор на английском для ее будущего потенциального проекта, но, к сожалению, задача оказалась сложнее, чем я изначально предполагала, да и две основные работы мешали сосредоточиться, а потому чувство вины и стыда держало меня «в засаде». Когда я все-таки позвонила, Татьяна Гавриловна, хотя и очень мне обрадовалась, была предельно строга. Да я и сама понимала – со своей стороны я безответственно отнеслась к нашей договоренности. Но Татьяна Гавриловна яростно, хотя и с любовью, говорила совершенно о другом: «Саша, никакие потенциальные проекты, никакая работа не стоят отношений. Пожалуйста, не пропадите так больше». Татьяна Гавриловна была предельно увлечена и включена в свою работу, но куда больше она была другом и ценила отношения.

На защите моей диссертации в 2008 году, когда уже было известно, что через несколько месяцев я уеду жить в Англию, Татьяна Гавриловна обратилась к моим родителям: «Вы, родители, растите детей, зная, что они уйдут от вас, а я, научная мама, ну никак на это не рассчитывала». Это было и грустно, и очень поддерживающе. Англия предлагала мне проверить теорию этнокультурной адаптации на практике, что я и сделала. И Татьяна Гавриловна была мной довольна. Нет, я не устроилась работать ни в Оксфорд, ни в Кэмбридж. Нет, не продолжила научную карьеру. Сначала работала в маленьком колледже, потом – в корпорации, помогая европейским профессионалам адаптироваться и работать в странах СНГ, затем совместно с коллегами – тоже выпускницами 2004 года факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова – открыла свою консультативную практику *Clever Psychology*. И я знаю, несмотря на то, что я не реализовала ее научных ожиданий, Татьяна Гавриловна искренне за меня радовалась. Она принимала мой путь. По-прежнему внимательно выслушивала, по-прежнему ценила и поддерживала. Это уникальное сильное чувство: она всегда была на моей стороне. Даже когда она была недовольна или обижена, я всегда ощущала – она рядом. Ее уважительная поддержка была огромной силой. Только мама так может.

Список литературы

- Купавская А.С. Тренинг развития этнокультурной компетентности // Вестник МГУ. Серия 14: Психология. 2005. № 1. С. 81–82.
- Стефаненко Т.Г., Купавская А.С. Тренинг как метод развития этнокультурной компетентности // Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: практикум. М.: Аспект Пресс, 2006. С. 88–153.

- Стефаненко Т.Г., Татарко А.С., Кунавская А.С. Оценка эффективности межкультурного тренинга // Лебедева Н.М., Лунова О.В., Стефаненко Т.Г. Тренинг этнической толерантности для школьников. М.: РУДН, 2004. С. 117–124.
- Stefanenko T.G., Kupavskaya A.S. Cross-cultural training // *Encyclopaedia of the Sciences of Learning*. Heidelberg: Springer N.Y., 2012b. Vol. 1 Pp. 855–858.
- Stefanenko T.G., Kupavskaya A.S. Developing cross-cultural competence // *Encyclopaedia of the Sciences of Learning*. Heidelberg: Springer N.Y., 2012a. Vol. 1. Pp. 941–944.
- Stefanenko T.G., Kupavskaya A.S. Ethno-cultural competence as a component of competence in communication // *Psychology in Russia: State of the Art* / ed. by Yu.P. Zinchenko, V.F. Petrenko. Scientific Yearbook. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2010. Pp. 550–564.

История статьи:

Поступила в редакцию: 05 февраля 2020 г.

Принята к печати: 25 февраля 2020 г.

Для цитирования:

Кунавская А.С. Учитель и научная мама: памяти Татьяны Гавриловны Стефаненко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 1. С. 189–195. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-189-195>

Сведения об авторе:

Кунавская Александра Сергеевна, кандидат психологических наук, психолог высшей категории Британского психологического общества, бывший младший научный сотрудник кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, руководитель направления карьерного менеджмента и личностного развития, Clever Psychology (Лондон, Великобритания). E-mail: a.kupavskaya@gmail.com

Biographical article

The Teacher and Scientific Mum: Dedicated to the Memory of Tatiana G. Stefanenko

Aleksandra S. Kupavskaya

Clever Psychology
36 Queensway, London, W2 3RX, the United Kingdom

Abstract. The article is dedicated to the memory of Tatiana G. Stefanenko, Professor of the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, the teacher and the friend, and talking about the way she influenced and inspired the new generation of cross-cultural psychologists on personal and professional levels.

Key words: Tatiana G. Stefanenko, the personality of the teacher and cross-cultural psychologist

References

- Kupavskaya, A.S. (2005). Trening razvitia etnokulturnoj kompetentnosti. *Moscow University Psychology Bulletin*, (1), 81–82. (In Russ.)
- Stefanenko, T.G., & Kupavskaya, A.S. (2006). Trening kak metod razvitia etnokulturnoy kompetentnosti. In T.G. Stefanenko, *Etnopsychologia: Practicum* (pp. 88–153). Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russ.)
- Stefanenko, T.G., & Kupavskaya A.S. (2010). Ethno-cultural competence as a component of competence in communication. In Yu.P. Zinchenko, & V.F. Petrenko (Eds.), *Psychology in Russia: State of the Art. Scientific Yearbook* (pp. 550–564). Moscow: Lomonosov Moscow State University Publ.
- Stefanenko, T.G., & Kupavskaya A.S. (2012a). Developing cross-cultural competence. *Encyclopaedia of the Sciences of Learning* (vol. 1, pp. 941–944). Heidelberg: Springer N.Y.
- Stefanenko, T.G., & Kupavskaya, A.S. (2012b). Cross-cultural training. *Encyclopaedia of the Sciences of Learning* (vol. 1, pp. 855–858). Heidelberg: Springer N.Y.
- Stefanenko, T.G., Tatarko, A.S., & Kupavskaya, A.S. (2004). Otsenka effektivnoskti mezhkulturnogo treninga. In N.M. Lebedeva, O.V. Luneva, & T.G. Stefanenko, *Trening Etnicheskoy Tolerantnosti dlya Shkol'nikov* (pp. 117–124). Moscow: RUDN University Publ. (In Russ.)

Article history:

Received: 05 February 2020

Revised: 20 February 2020

Accepted: 25 February 2020

For citation:

Kupavskaya, A.S. (2020). The Teacher and Scientific Mum: Dedicated to the Memory of Tatiana G. Stefanenko. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(1), 189–195. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-189-195>

Bio note:

Aleksandra S. Kupavskaya, Ph.D., CPsychol – Chartered Psychologist of the British Psychological Society, former research staff member of the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University. Head of career management and personal development specialist at Clever Psychology (London, the United Kingdom). E-mail: a.kupavskaya@gmail.com

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-1-196-208
УДК 316.613

Научный репортаж

Влияние Т.Г. Стефаненко на становление Азербайджанской школы этнопсихологических исследований

Ю.Э. Ширков¹, А.А. Азимзаде², У.У. Гасанова³, Л.З. Новрузова⁴

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9

²Институт образования Азербайджанской Республики
Азербайджанская Республика, AZ1010, Баку, ул. З. Алиева, 96

³Бакинский государственный университет
Азербайджанская Республика, AZ1148, Баку, ул. З. Халилова, 23

⁴Школа Baku International Education Complex
Азербайджанская Республика, AZ1148, Баку, пр. Матбуат, 54

Аннотация. В статье показана краткая история возникновения азербайджанской школы этнопсихологических исследований и раскрыта роль Т.Г. Стефаненко в ее становлении. Представлены результаты, накопленные за первые годы развития традиции этнопсихологических исследований в Баку под непосредственным руководством Т.Г. Стефаненко: особенности этнической идентичности подростков из азербайджанских и азербайджанско-русских семей; межкультурные различия ценностных ориентаций студентов, проживающих в Азербайджане и России; связь временной перспективы и особенностей этнической идентичности у представителей азербайджанской и русской культур.

Ключевые слова: Т.Г. Стефаненко, азербайджанская школа этнопсихологии, межкультурные различия, этническая идентичность, ценностные ориентации, инокультурная среда, временная перспектива, Азербайджан и Россия

Введение

В Азербайджане научные квалификационные работы по социальной психологии выполняют только выпускники Бакинского филиала МГУ имени М.В. Ломоносова. В других вузах Баку, готовящих психологов, квалификационные исследования не являются обязательными.

С 2013 года на факультете психологии Бакинского филиала МГУ имени М.В. Ломоносова существует магистратура по социальной психологии. К настоящему моменту подготовлено 17 магистров. Трое из них написали магистерские диссертации под руководством Т.Г. Стефаненко и посвятили их этнопсихологии. В большинстве других выпускных работ бакалавриата и

магистратуры Бакинского филиала МГУ имени М.В. Ломоносова, так или иначе, затрагивается аспект культурной специфики эмпирических психологических данных.

Бакинские бакалавры и магистранты в своих выпускных работах часто обращаются к темам психологических особенностей азербайджанцев, адаптации психодиагностических методик к специфическим условиям азербайджанской культуры. Интерес студентов, в частности, вызывают гендерные стереотипы, особенности проявления эмоций у мужчин и женщин в азербайджанской культуре, особенности субъективного отношения к этническим музыкальным произведениям различных культур. Анализ различных психологических конструкторов часто сопровождается сравнением их проявлений у представителей русского и азербайджанского этносов. В дипломных работах можно встретить описания культурного своеобразия процессов обобщения в мыслительной деятельности, представлений об эмоциях, воспроизведения сюжетного материала, успешности идентификации лиц разной этнической принадлежности. В поле зрения местных психологов попали ценностные ориентации и эмоциональное благополучие специалистов в условиях адаптации к инокультурной среде.

Все студенты филиала проходят обязательный курс этнопсихологии, с которым их в первые годы работы филиала знакомила Татьяна Гавриловна, а потом – ее ученица Наталья Георгиевна Малышева. После ухода Татьяны Гавриловны появляются новые работы, которые неизбежно начинаются с ее учебников и продолжают ее идеи. Этнопсихологический компонент заметно присутствует также в исследованиях, продолжающихся на других специализациях Бакинского филиала МГУ имени М.В. Ломоносова. В частности, в магистратуре по психологии развития недавно появилась выпускная работа, посвященная психологической готовности к школе бакинских и московских дошкольников. Поэтому можно утверждать, что этнокультурная специфика в Баку никогда не выйдет из числа научных приоритетов во всех направлениях психологических исследований.

Но собственно этнопсихологических исследований – с соответствующим дисциплине предметом и инструментарием – пока не много. Как уже говорилось, в магистратуре по социальной психологии защищены три магистерские диссертации по этнопсихологической тематике, и во всех научным руководителем выступала Т.Г. Стефаненко. Как всегда, она принимала самое активное участие в разработке программ исследований и осмыслении данных. Ранее эти результаты публиковались только фрагментами и разрозненно. В данной публикации представлены основные направления этнопсихологических исследований и их основные выводы, отражающие коллективный опыт учеников Т.Г. Стефаненко в Баку, state-of-the-art азербайджанской этнопсихологии.

Основные направления этнопсихологических исследований в Бакинском филиале МГУ имени М.В. Ломоносова

Задачей исследования *этнической идентичности*, проведенного Лейлой Новрузовой (Шириновой), было определение выраженности аффектив-

ного и когнитивного компонентов этнической идентичности у подростков – выходцев из азербайджанских и смешанных браков (Ширинова, 2017). С помощью опросника Дж. Финни в адаптации А.М. Арбитайло (Стефаненко, 2012) сравнивалась выраженность аффективного и когнитивного компонентов этнической идентичности, по опроснику О.Л. Романовой (Стефаненко, 2012) было оценено чувство принадлежности к своей этнической группе. Методика Ж.Т. Уталиевой (Донцов, Стефаненко, Уталиева, 1997) использовалась для измерения удовлетворенности респондентов своим членством в этнической общности. Необходимо отметить, что оригинальный опросник Ж.Т. Уталиевой был составлен для казахской выборки, его адаптация в работе Л. Новрузовой ограничилась заменой слов «казахи» на слова «азербайджанцы».

В выборку вошли 75 подростков в возрасте 13–17 лет, ученики 8–11 классов русского сектора пяти школ города Баку. 39 подростков были детьми из азербайджанских браков (из них 21 девочка), 36 подростков – из русско-азербайджанских браков (из них 25 девочек). Общее соотношение мальчиков и девочек – 41 к 59 %.

Основным результатом стало то, что у подростков из русско-азербайджанских семей менее выражена этническая идентичность, как ее когнитивный, так и аффективный компоненты. При этом, как у детей из азербайджанских, так и из русско-азербайджанских семей, показатель аффективного компонента этнической идентичности превышает показатель когнитивного компонента. Судя по полученным результатам, дети из азербайджанских семей больше чувствуют принадлежность к своей этнической группе, чем подростки из русско-азербайджанских семей, для них национальность более значима, они менее позитивно воспринимают взаимоотношения между этническим большинством и меньшинством, чаще используют язык национального большинства.

Выраженность когнитивного компонента этнической идентичности у выходцев из азербайджанских браков показывает, что азербайджанцы в силу социализации в моноэтнической семье больше знают о своей этнической группе, чем подростки из русско-азербайджанских семей, у которых это знание делится на части. Выраженность аффективного компонента у подростков из азербайджанских семей говорит о том, что более сильные чувства появляются тогда, когда нет выбора. Если подростки из русско-азербайджанских семей «делят» свои чувства между двумя этническими группами, то дети из азербайджанских браков с этим не сталкиваются. К тому же, у подростков из моноэтнической среды нет необходимости осознанно собирать информацию о своей этнической группе. А эмоциональный компонент формируется без особых умственных усилий.

Шкала, отражающая отношение к взаимосвязи этнического большинства и меньшинства показывает, что подростки из русско-азербайджанских браков больше поддерживают этнически смешанные отношения, чем азербайджанцы. Объяснение этого лежит на поверхности: для русско-азербайджанских детей полиэтническое окружение является более привычным. Азербайджанцы же могут примешивать к своим оценкам межэтнических отношений всеобщее и естественное стремление различения «своих» и «чужих».

Любопытные результаты дало «вынужденное» (согласно инструкции) указание своей принадлежности к одной из этнических групп. 7 из 36 детей

от смешанных браков отнесли себя к русским (у четверых из них русскими являются отцы, а у троих – матери), а 29 подростков назвали себя азербайджанцами. И в русской, и в азербайджанской культуре чаще принято выбирать отцовскую национальность. Примечательно выглядят случаи, когда подросток из семьи, где мать азербайджанка, а отец русский, относят себя к азербайджанцам. Причина этого лежит в особенностях социального окружения, так как все респонденты проживают в Азербайджане, где слово *азербайджанцы* означает не только этнос, но и гражданство. Более неожиданными являлись случаи, когда по отцовской линии подростки были азербайджанцами и проживали в Азербайджане, но относили себя к русскому этносу, то есть к группе матери. Причины этого могут быть разными, но важно, что они успешно конкурируют со стереотипами традиции.

Также в данном исследовании была выявлена связь между значимостью национальности и возрастом подростков: чем старше подросток, тем менее для него значима национальность. Это может быть связано со стремлением подростков выделиться из толпы посредством индивидуальных отличий, а не специфических признаков группы.

В исследовании *ценностных ориентаций*, проведенном Айдан Азимзаде, была поставлена цель – оценить влияние инокультурной среды на иерархию ценностных ориентаций азербайджанских и русских студентов, проживающих в Азербайджане и России (Азимзаде, 2016). В исследовании решался простой вопрос: где встречается больше сходства – между азербайджанскими и русскими студентами, живущими в одной и той же стране, или между представителями одного и того же этноса, где бы они ни жили? Для ответа на этот вопрос были опрошены четыре категории респондентов: азербайджанцы и русские, проживающие в Азербайджане и России.

Из 200 опрошенных (121 девушка и 79 юношей) половина были студентами русскоязычных азербайджанских вузов (Бакинский государственный университет, Бакинский филиал МГУ имени М.В. Ломоносова, Азербайджанский архитектурно-строительный университет, Азербайджанский государственный экономический университет), вторая половина – студенты российских вузов (МГУ имени М.В. Ломоносова, НИУ ВШЭ, РЭА имени Г.В. Плеханова, СПбГУ).

Для измерения ценностных ориентаций личности была использована последняя версия методики «Ценностный опросник» Ш. Шварца, адаптированная в НИУ ВШЭ с участием автора исследования. Данная методика является наиболее распространенной в кросс-культурных исследованиях ценностных ориентаций личности (Schwartz, 2012). Также была использована методика Г. Триандиса «ИндКол» (Triandis, 1996) в адаптации А.Е. Бушминой.

Согласно результатам исследования, в *Азербайджане различия между русскими и азербайджанцами* наблюдаются по трем ценностям. Ценность *власть, доминирование* более значима для русских, ценности *гедонизм* и *универсализм, забота* более значимы для азербайджанцев. Отсутствие других различий в ценностных ориентациях азербайджанцев и русских, проживающих в Азербайджане, можно в широком смысле рассматривать как результат гибридизации культур, а более конкретно – тем, что они прошли школьное

обучение в русском секторе и в вузе обучаются на русском языке. Студенты русского сектора преимущественно читают русскую литературу, их преподавателями часто являются русские. Русский язык не только является официальным языком обучения, но и часто используется в повседневной жизни. То есть не только русские в процессе адаптации перенимают ценности азербайджанцев, но и азербайджанцы гибридизированы с русской культурой.

Различия между ценностями *русских, проживающих в Азербайджане и России*, выявлены не были. Специфика самой выборки оказала большее влияние, чем фактор проживания в чужой культуре.

В ценностной системе *азербайджанцев, проживающих в России*, наблюдается больше различий с *русскими, проживающими в России*. По половине изучаемых ценностей зафиксированы статистически значимые различия. Ценности *самостоятельность мысли, гедонизм, власть, доминирование* более значимы для русских, ценности *репутация, социальная безопасность, традиционализм, благожелательность, надежность, универсализм, забота* более значимы для азербайджанцев.

В этом проявляется бóльшая закрытость азербайджанцев к изменениям, стремление сохранить свою самобытность. Проживание в полиэтнической России включает отношения с представителями многих этнических групп. В восприятии азербайджанцев представители других национальностей образуют менее дифференцированное множество «Они», чем отчетливая разница между «Они» и «Мы». Противопоставление себя окружению способствует тому, что азербайджанцы в России больше пытаются сохранить «свое», нежели адаптироваться. Даже обучение на русском языке меньше приближает их к русским, так как в России это не вопрос выбора, как в Азербайджане. Восприятие себя иностранцами в чужой культуре подкрепляется позицией семьи и стратегией культурной политики страны, проявляющейся в активности национальных представительств, организации культурных мероприятий для сплочения диаспоры (эти программы активно организуются для студентов). Поэтому азербайджанцы, проживающие в России, проявляют меньшую открытость к изменениям, традиционализм.

Сравнение ценностных ориентаций *азербайджанцев, проживающих в Азербайджане и России* показало, что ценности *самостоятельность мысли и гедонизм* более значимы для азербайджанских студентов, проживающих в Азербайджане, а *традиционализм и универсализм, толерантность* более значимы для азербайджанских студентов, проживающих в России. Азербайджанцы в России, не только по сравнению русскими, проживающими в двух странах, но и по сравнению с азербайджанцами в Азербайджане оказываются «еще большими азербайджанцами» – стремятся сохранить традиционную для азербайджанцев коллективистскую направленность.

Результаты методики Г. Триандиса «ИндКол» выявили не различия, но особенности, общие для всей выборки – студентов, обучающихся в окружении представителей как своего, так и другого этносов. Так, во всех четырех группах яркую выраженность имеет горизонтальный индивидуализм – культурный образец, где постулируется автономия личности, но личность более или менее равна по статусу с другими (Gozma, 2011). Для азербайджанцев и

русских, вне зависимости от страны проживания, характерно желание быть самостоятельными, независимыми, сохранить свою уникальность. Но в то же время для них не характерно стремление к власти, высокому статусу, иерархии в межличностных отношениях. Они видят себя равными с другими и менее склонны к сравнению себя с другими. По показателю индивидуализм – коллективизм у большинства студентов была выявлена наибольшая выраженность индивидуализма. Только у азербайджанцев, проживающих в России, коллективизм был выражен значительно больше, чем в трех других подвыборках.

В целом отсутствие различий в ценностной системе среди русских, проживающих в Азербайджане и России, выдвигает предположение об их высокой закрытости к изменениям. В подтверждение этого предположения азербайджанцы, живущие в другой стране, тоже более закрыты к изменениям. Но на фоне этого интересна большая открытость русскому культурному влиянию азербайджанцев, остающихся в своем родном окружении.

Исследование Улькер Гасановой о связи особенностей *этнической идентичности и временной перспективы* азербайджанских и русских студентов представляет собой классический пример кросс-культурного подхода (Гасанова, 2016). В данном исследовании в качестве фактора этнической идентичности изучена временная перспектива (Zimbardo, Boyd, 1999). Для этого были использованы методика Дж. Финни в адаптации А.М. Арбитайло, включающей дополнительный пункт, который наряду с констатируемой идентичностью позволяет оценить собственное переживание этнической идентичности респондентом (Стефаненко, 2012), а также адаптированный опросник временной перспективы ZPTI Ф. Зимбардо (Сырцова, Соколова, Митина, 2008).

В исследовании приняли участие 220 студентов: половина – из Баку (студенты Бакинского государственного университета, Азербайджанской государственной нефтяной академии, Бакинского филиала МГУ имени М.В. Ломоносова); половина – из Москвы (студенты МГУ имени М.В. Ломоносова). Все респонденты этнически относят себя либо к азербайджанцам, либо к русским, и оба их родителя являются азербайджанцами (в Баку) либо русскими (в Москве).

Сравнение средних значений по показателям выраженности этнической идентичности и ее компонентов для азербайджанской и русской выборок показало, что для обеих групп характерно преобладание эмоционального компонента над когнитивным (как и в исследовании Л. Шириновой подгрупповой выборки), то есть отношение к своей этнической группе в первую очередь задействует переживание и только во вторую – размышление.

Как и в исследовании А. Азимзаде, у азербайджанских студентов выраженность этнической идентичности и ее компонентов значимо превышает выраженность таковых у русских студентов. Выраженность когнитивного компонента этнической идентичности азербайджанской молодежи проявляется сильнее, то есть у них больше стремления к знаниям по теме этнической принадлежности, чем у русских студентов. Возможно, это связано с тем, что до сих пор в азербайджанском обществе нет единогласия по поводу этнонима. Споры о самоназвании возбуждают эмоции и побуждают к рефлексии.

Анализ *временной перспективы* показал, что для *азербайджанцев* на первом месте находится ориентация на *будущее*, за которым следуют *позитивное прошлое*, *гедонистическое настоящее*, *негативное прошлое* и *фаталистическое настоящее*. У Ф. Зимбардо имеется предположение о том, что образование является одним из предикторов такой направленности, поскольку люди, получающие образование, ориентированы на построение жизненных планов, карьеры, постановку долгосрочных целей (Aspinwall, 2005). Следует подчеркнуть, что для азербайджанской выборки направленность на *гедонистическое настоящее*, выражающееся в стремлении получать удовольствие от настоящего, предаваться увлечениям сегодняшнего дня, уступает их направленности на *будущее* и *позитивное прошлое*. Ориентированность на цели, планы является большим приоритетом, чем развлечения настоящего. Возможно, особенности культуры, в которой система воспитания направлена на идею построения будущего на основе образцов из прошлого, влияет на подобную тенденцию (Мацумото, 2003).

Временная перспектива русских студентов, в отличие от азербайджанских, оказалась неоднородна по половому признаку. У девушек на первом месте стоит направленность на *позитивное прошлое*, далее следуют *будущее* и *гедонистическое настоящее*. У юношей последовательность временных ориентаций такова: *гедонистическое настоящее*, *будущее*, *позитивное прошлое*. Правда, конец этих списков одинаков: *негативное прошлое* и *фаталистическое настоящее*.

Сравнение временной перспективы азербайджанской и русской выборок показало, что азербайджанская молодежь значимо больше направлена на ожидаемые события *будущего*, на постановку целей, связанных с будущими планами на жизнь. Перед азербайджанцами на каждом этапе жизни и ступени образования ставятся определенные цели, связанные с перспективой будущего, что обусловлено особенностями культуры азербайджанского общества, для которого характерны специфические представления о «расписании жизни». Требования, предъявляемые как к поведению, действиям, так и к когнициям, характеризуют то, что необходимо «успеть» к тому или иному этапу жизненного пути. Как показывает корреляция между ориентацией на *будущее* и *позитивное прошлое*, будущее у азербайджанцев подпитано перспективой прошлого, которая задает беспроблемный, проверенный временем алгоритм действий, модель поведения. Эти данные согласуются с утверждениями о том, что люди строят некий мост между прошлым и будущим: «чем глубже прошлое, тем дальше они идут в будущее» (Gary, James, 1991). Юность в этом плане – время реализации возможностей, где удовольствиям и развлечениям в структуре временной перспективы придается второстепенное значение.

Полученные различия по направленности на *фаталистическое настоящее* показали, что, несмотря на его расположение на последнем месте у представителей обеих культур, для азербайджанских девушек вера в неконтролируемость событий настоящего характерна больше, чем для русских девушек. Если обратить внимание на корреляцию *фаталистического настоящего* с другими временными ориентациями у девушек азербайджанской и

русской культур, общим для них является его положительная связь с *негативным прошлым* и отрицательная связь с *будущим*. То есть у женщин азербайджанской и русской культур представления о настоящем как о неподвластном человеку жизненном пути, в котором нет смысла строить планы на будущее, детерминировано отрицательными событиями и мыслями прошлого. Причем у азербайджанок чем больше выражена направленность на неприятные воспоминания прошлого, тем меньше задействована перспектива *позитивного прошлого*, прошедшие негативные события оставляют приятные воспоминания в тени; девушкам тяжело оставить «прошлое в прошлом», что усложняет переход на перспективу будущего.

У русской молодежи такой связи нет, то есть приятные мысли и воспоминания прошлого не уменьшаются с ростом негативных мыслей. У русских студентов, в отличие от азербайджанских, представления о непредсказуемости и неконтролируемости событий связаны с мыслями о настоящем как о времени, в котором нужно руководствоваться принципом «здесь и сейчас», получать удовольствие от сегодняшнего дня, ведь неизвестно, что будет завтра. Для русских характерна связь когнитивного компонента этнической идентичности с направленностью на *позитивное прошлое*. Если вспомнить определение *позитивного прошлого* Ф. Зимбардо как перспективы, которая обеспечивает связь с наследием культуры, то полученная связь не выглядит случайной.

В целом для обеих культур характерны высокие результаты по показателям ориентации на *будущее* и *позитивное прошлое* и низкие – по показателям *негативное прошлое*, *фаталистическое настоящее*. Подобную направленность, наряду с концепцией Ф. Зимбардо объясняет и теория временной адаптации оценки ситуаций, согласно которой, людям свойственны радужные представления о своем прошлом (*rosy retrospection*) и будущем (*rosy propection*) (Terence, Leigh, 1994).

Заключение

Итак, краткий анализ исследований, выполненных в зарождающейся азербайджанской школе этнопсихологических исследований, позволяет говорить не столько об уже наработанном опыте кросс-культурных и этно-специфических исследований, сколько о складывающемся интересе к направлениям научной работы в этой области. Молодые психологи уделяют повышенное внимание наиболее наглядным отличительным признакам своего окружения. Первыми в поле зрения попадают демографические признаки – возраст, пол и этническая принадлежность, а эмпирическим объектом становятся сверстники – подростки и студенты, различающиеся полом и основным языком общения. И хотя все методики направлены на выявление различий между отдельными когортами населения, в сумме они очерчивают особенности одной категории – азербайджанской молодежи.

Историческая связь с Россией и российской психологией делает этническое своеобразие наиболее привлекательным предметом исследований в вузе, где российские преподаватели учат азербайджанских студентов, а богатство проявлений национальных культур гарантируют неисчерпаемость этой

темы. Татьяна Гавриловна Стефаненко определила направления и теоретические основы новых этнопсихологических разработок уже в своих учебниках (Стефаненко, 2012, 2014), а в личном руководстве магистерскими диссертациями придала им конкретное тематическое направление.

Тема *этнической идентичности подростков* из смешанных браков создает яркую модель переплетения корней больших этнических групп внутри малой группы – семьи. В масштабе личности и малой группы эта модель доступна эмпирическому психологическому наблюдению и помогает понять аналогичные процессы, происходящие на уровне общества. Перемены, связанные с обретением Азербайджаном государственной независимости, внесли новое заметное измерение в переживание населением страны принадлежности к этносу. Вместе с традиционным смыслом лингвокультурной общности, этнос приобрел отчетливые гражданские границы. В новых условиях национального самосознания азербайджанцам, как и другим этносам, попавшим в аналогичную историческую ситуацию, нужно формировать новую, синтетическую идентичность, но старые методы ее оценки не учитывают эту особую реальность. Перспектива этого направления – разработка методов, чувствительных к различению корней идентичности в историческом прошлом и сложносоставном настоящем.

У подростков переживание идентичности – это именно яркое переживание, а не холодное знание. Психологическое состояние детей из смешанных браков диктуется внутренним конфликтом. Они смущены нечеткостью своей этнической принадлежности. Как выясняется, выбор этнонима для себя – только поверхностная часть комплекса переживаний ребенка из смешанной семьи. Внутренний мир усложняется вдвое и требует умножения когнитивных и эмоциональных усилий для конструирования непротиворечивой картины окружающего мира. Следовательно, следующими в очереди для изучения являются дети, воспитанные в моноэтнических азербайджанских браках, но погруженные в русскоязычную среду не меньше, чем в азербайджанскую. Так называемый русский сектор национальной системы образования охватывает 7 % детей Азербайджанской Республики, чья идентичность предопределена не только этническим составом семьи, но и включенностью в русскоязычную среду, меняющую маршрут контакта с общеевропейской и мировой культурой.

Рассмотрение *этнической специфики ценностных ориентаций* – практический путь интеграции с мировым опытом кросс-культурных исследований. На азербайджанской выборке собраны первые результаты с помощью широко распространенных в мире методик, что позволяет включать эти данные в проекты с широкой географией и временной перспективой. Ценностные ориентации – «барометр общественных настроений». Стандартизированные методики их измерения освоены азербайджанскими психологами и продолжают приносить плоды в отслеживании происходящих и грядущих перемен. Следующий шаг в развитии этой темы – привлечение качественных методов для более обоснованной интерпретации оценочных показателей.

Психологическое отношение ко времени и временные изменения в психологии – сквозной аспект большинства тем научных и общественных дис-

куссий. Временная перспектива по определению не ограничена темпоральным вектором, в ней также присутствует ценностное измерение, которое задано самой лексикой темы: время – «гедонистическое», «позитивное-негативное», «фаталистическое». Конструкт этнической идентичности не упрощает, а наоборот – представляет модель связи человека со временем ближе к реальности, сложнее. Личность в отношении к своей изменчивости является результатом изменений больших групп, а в период общественной трансформации больше всего зависит от изменений этноса.

Азербайджанская действительность демонстрирует быстрые внешние изменения и устойчивость внутренних традиций. Как показывают проведенные исследования, будущее у азербайджанцев выстраивается из прошлого – консервативной традиции социума, сценарных предписаний семьи, переменчивых влияний окружающего мира. Пока это привело к настоящему, в котором не одномерные работы по этнопсихологии связывают сложные феномены неявными отношениями. Практика показывает, что, начавшись с инициативы Т.Г. Стефаненко, научные исследования в этой области успешно продолжаются, а значит, у азербайджанской школы этнопсихологических исследований есть будущее.

Список литературы

- Азимзаде А.А.* Кросс-культурный анализ ценностных ориентаций азербайджанских и русских студентов // Материалы XXIII Международной молодежной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2016». М.: Изд-во Московского университета, 2016.
- Гасанова У.У.* Временная перспектива и факторы, влияющие на ее сбалансированность // Материалы XXIII Международной молодежной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2016». М.: Изд-во Московского университета, 2016.
- Донцов А.И., Стефаненко Т.Г., Уталиева Ж.Т.* Язык как фактор этнической идентичности // Вопросы психологии. 1997. № 4. С. 75–86.
- Мацумото Д.* Психология и культура. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003.
- Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2014.
- Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология: практикум. М.: Аспект Пресс, 2012.
- Сырцова А., Соколова Е.Т., Митина О.В.* Адаптация опросника по временной перспективе Ф. Зимбардо на русскоязычной выборке // Психологический журнал. 2008. № 3. С. 101–109.
- Ширинова Л.З.* Особенности этнической идентичности студентов из азербайджанских и русско-азербайджанских браков // Материалы XXIV Международной молодежной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2017». М.: Изд-во Московского университета, 2017.
- Aspinwall L.G.* The psychology of future-oriented thinking: From achievement to pro-active coping, adaptation, and aging // Motivation and Emotion. 2005. Vol. 29. Pp. 203–235.
- Gary K., James W.* The Development of Time Orientation Measures For Use in Cross-Cultural Research // Advances in Consumer Research. 1991. Vol. 18. Pp. 135–142.
- Gozma I.* How are individualism and collectivism measured? // Romanian Journal of Applied Psychology. 2011. No. 1. Pp. 11–17.
- Schwartz S.H.* An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values // Online Readings in Psychology and Culture. 2012. No. 1. <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1116>
- Tizard B., Phoenix A.* Black identity and transracial adoption // New Community. 1989. No. 15(3). Pp. 427–438.

Triandis H.C. The psychological measurement of cultural syndromes // *American Psychologist*. 1996. No. 4. Pp. 407–415.

Zimbardo P.G., Boyd J.N. Putting time in perspective: A valid, reliable individual-difference metric // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. Vol. 77. P. 1271–1288.

История статьи:

Поступила в редакцию: 16 декабря 2019 г.

Принята к печати: 25 января 2020 г.

Для цитирования:

Ширков Ю.Э., Азимзаде А.А., Гасанова У.У., Новрузова Л.З. Влияние Т.Г. Стефаненко на становление Азербайджанской школы этнопсихологических исследований // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2020. Т. 17. № 1. С. 196–208. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-196-208>

Сведения об авторах:

Ширков Юрий Эдуардович, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). ORCID iD: 0000-0003-3040-659X, eLIBRARY SPIN-код: 7257-5883. E-mail: shirkov@mail.ru

Азимзаде Айдан Алтай гызы, специалист отдела психологической службы Института образования Азербайджанской Республики (Баку, Азербайджан). E-mail: aydaska_1495@mail.ru

Гасанова Улькер Узеир гызы, преподаватель кафедры социальной и педагогической психологии, факультет психологии и социальных наук, Бакинский государственный университет (Баку, Азербайджан). E-mail: ulkar.h.u@gmail.com

Новрузова (Ширинова) Лейла Закир гызы, психолог школы Baku International Education Complex (BIEC) (Баку, Азербайджан). E-mail: leylashirinova@yahoo.com

Scientific report

Tatiana G. Stefanenko's Impact to the Development of Ethnopsychological Research in Azerbaijan

**Yuri E. Shirkov¹, Aydan A. Azimzade²,
Ulkar U. Hasanova³, Leyla Z. Novruzova⁴**

¹Lomonosov Moscow State University

11 Mokhovaya St., bldg. 9, Moscow, 125009, Russian Federation

²Institute of Education of the Republic of Azerbaijan

96 Zarifa Aliyeva St., Baku, AZ1010, Republic of Azerbaijan

³Baku State University

23 Academic Zahid Khalilov St., Baku, AZ1148, Republic of Azerbaijan

⁴Baku International Education Complex

54 Matbuat Ave., Baku, AZ 1148, Republic of Azerbaijan

Abstract. The article provides a brief historical survey of the Azerbaijani school of ethnopsychological research, revealing the role of T.G. Stefanenko in its development. The authors present the results accumulated during the first years of ethnopsychological stu-

dies in Baku under the direct supervision of T.G. Stefanenko: (1) features of the ethnic identity of adolescents from Azerbaijani and Azerbaijani-Russian families; (2) cross-cultural differences in the value orientations of students living in Azerbaijan and Russia; and (3) the relationship of the time perspective and characteristics of ethnic identity among representatives of Azerbaijani and Russian cultures.

Key words: Tatiana G. Stefanenko, Azerbaijani school of ethnopsychology, cross-cultural differences, ethnic identity, value orientations, cultural environment, time perspective, Azerbaijan and Russia

References

- Aspinwall, L.G. (2005.) The psychology of future-oriented thinking: From achievement to pro-active coping, adaptation, and aging. *Motivation and Emotion*, 29, 203–235.
- Azimzade, A.A. (2016). Kross-kul'turnyy analiz tsennostnykh oriyentatsiy azerbaydzhanskikh i russkikh studentov. *Lomonosov-2016: Conference Proceedings*. Moscow: Lomonosov Moscow State University Publ. (In Russ.)
- Dontsov, A.I., Stefanenko, T.G., & Utaliyeva, Zh.T. (1997). Yazyk kak faktor etnicheskoy identichnosti. *Voprosy Psikhologii*, (4), 75–86. (In Russ.)
- Gary, K., & James, W. (1991). The Development of Time Orientation Measures For Use in Cross-Cultural Research. *Advances in Consumer Research*, 18, 135–142.
- Gozma, I. (2011). How are individualism and collectivism measured? *Romanian Journal of Applied Psychology*, (1), 11–17.
- Hasanova, U.U. (2016). Vremennaya perspektiva i faktory, vliyayushchiye na yeye sbalansirovannost'. *Lomonosov-2016: Conference Proceedings*. Moscow: Lomonosov Moscow State University Publ. (In Russ.)
- Matsumoto, D. (2003). *Psikhologiya i Kul'tura*. Saint Petersburg: Praym-Yevroznak Publ. (In Russ.)
- Schwartz, S.H. (2012). An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2(1). <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1116>
- Shirnova, L.Z. (2017). Osobennosti etnicheskoy identichnosti studentov iz azerbaydzhanskikh i russko-azerbaydzhanskikh brakov. *Lomonosov-2017: Conference Proceedings*. Moscow: Lomonosov Moscow State University Publ. (In Russ.)
- Sircova, A., Sokolova, E.T., & Mitina O.V. (2008). Adaptation of Zimbardo Time Perspective Inventory. *Psikhologicheskiy Zhurnal*, (3), 101–109. (In Russ.)
- Stefanenko, T.G. (2014). *Etnopsikhologiya*. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russ.)
- Stefanenko, T.G. (2012). *Etnopsikhologiya: Praktikum*. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russ.)
- Tizard, B., & Phoenix, A. (1989). Black identity and transracial adoption. *New Community*, 15(3), 427–438.
- Triandis, H.C. (1996). The psychological measurement of cultural syndromes. *American Psychologist*, (4), 407–415.
- Zimbardo, P.G., & Boyd, J.N. (1999). Putting time in perspective: A valid, reliable individual-difference metric. *Journal of Personality and Social Psychology*, 77, 1271–1288.

Article history:

Received: 16 December 2019

Revised: 20 January 2020

Accepted: 25 January 2020

For citation:

Shirkov, Y.E., Azimzade, A.A., Hasanova, U.U., & Novruzova, L.Z. (2020). Tatiana G. Stefanenko's Impact to the Development of Ethnopsychological Research in Azerbaijan. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(1), 196–208. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-196-208>

Bio notes:

Yuri E. Shirkov, Ph.D. in Psychology, is senior researcher at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia). ORCID iD: 0000-0003-3040-659X, eLIBRARY SPIN-code: 7257-5883. E-mail: shirkov@mail.ru

Aydan A. Azimzade, MA in Psychology, is a specialist of the Psychological Service Department in the Institute of Education of the Republic of Azerbaijan (Baku, Azerbaijan). E-mail: aydaska_1495@mail.ru

Ulkar U. Hasanova, MA in Psychology, is a lecturer at the Department of Social and Pedagogical Psychology, Faculty of Psychology and Social Sciences, Baku State University (Baku, Azerbaijan). E-mail: ulkar.h.u@gmail.com

Leyla Z. Novruzova (Shirinova), MA in Psychology, is a psychologist in Baku International Education Complex (Baku, Azerbaijan). E-mail: leylashirinova@yahoo.com

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-1-209-213
UDC 159.99

Scientific report

Psychological Science at the United Nations: Historical Trends

Harold Takooshian

Fordham University
113 W. 60th St., New York, 10023, NY, United States of America

Abstract. Since the United Nations was formed by 51 nations on June 26, 1945, psychology organizations were slow to register with the UN as nongovernmental organizations (NGOs) in the past 75 years. This essay briefly describes the four-stage history of psychology NGOs at the United Nations, which have grown far more active and coordinated since 2004.

Key words: international psychology, United Nations, NGOs, Psychology Coalition (PCUN)

Since the United Nations formed in 1945, it has reached out to “civil society” for experts to help in its global work. How have psychological scientists become involved in the work of the United Nations over 75 years? This historical analysis identifies a 4-stage evolution: moving from individual scientists like Otto Klineberg in UNESCO in the 1950s, to the new Psychology Coalition (PCUN) in 2010.

1. **Prehistory.** Starting in 1945, distinguished individuals were involved with agencies – such as Otto Klineberg (Figure 1) with UNESCO (Hollander, 2005). But unlike other fields such as economics and social work, psychology organizations were slow to affiliate with the UN for almost half a century.

2. **NGOs.** In 1976, the Association of Women in Psychology (AWP) became the first of a few psychology NGOs (nongovernmental organizations) to affiliate with the U.N. DPI (Department of Public Information) or EcoSoc (Economic and Social Council) (Takooshian, & Shahinian, 2008). This was closely followed by the International Council of Psychologists in 1981 (Sapir, Sandis, & Gell, 2000). Over half of the 19 current psychology NGOs affiliated with the UN after 1997 (see Table).

3. **Coordination.** Starting on 1 April 2004 at Pace University, some of these psychology NGOs began to coordinate their activities, involving about 60 psychologists in 8 groups at the U.N. (Figure 2).

With a generous mini-grant from Merry Bullock, the incoming Director of the APA Office of International Affairs (OIA), the New York group of the APA

Division of International Psychology published a roster of UN psychologists (Takooshian, 2005). From 2004 till 2010, Fordham hosted 7 gatherings each September with the annual UN – NGO conference. Since 2007, the UN building also hosted an annual “Psychology Day at the UN.”

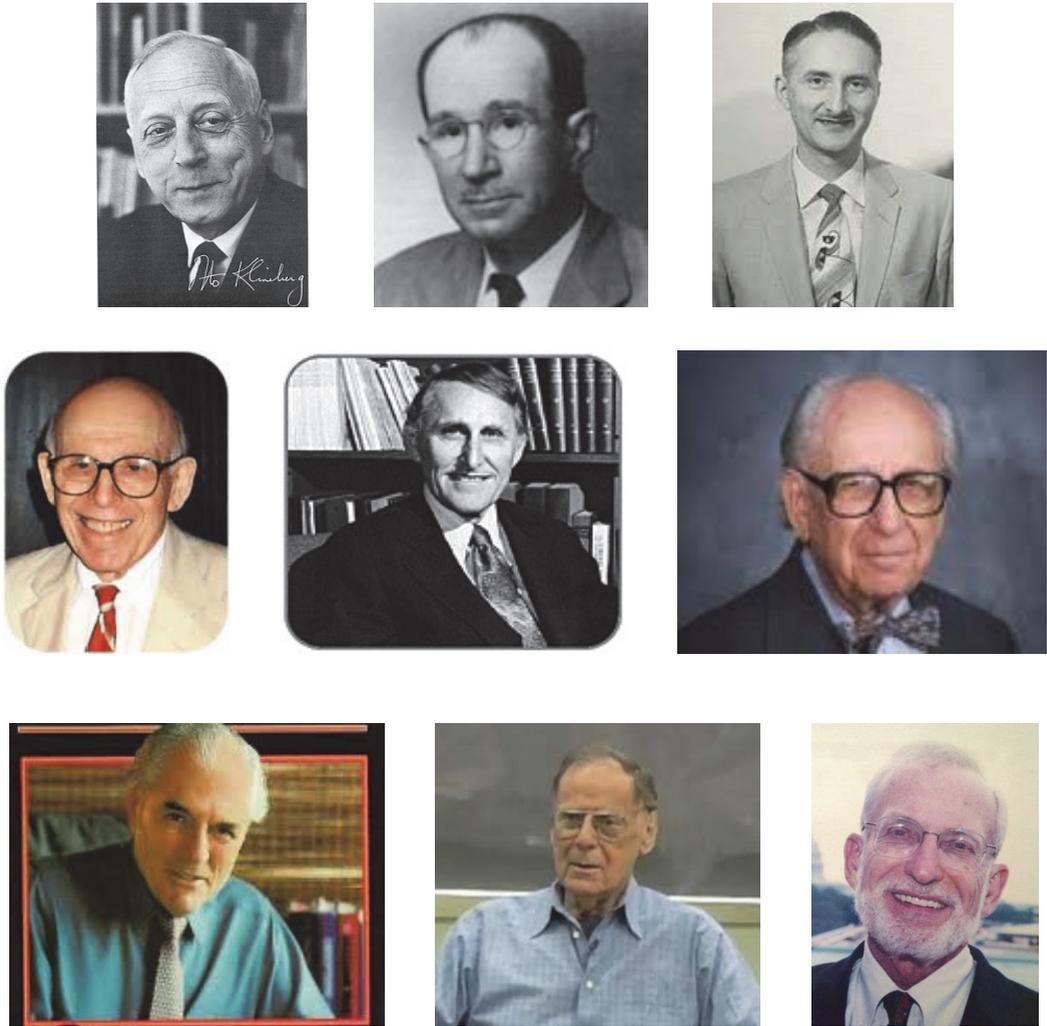

Figure 1. Prehistory, 1945–1976: Individual psychologists at the UN: first line (from left to right): Otto Klineberg, MD, PhD; Harry Stack Sullivan, MD; Charles E. Osgood, PhD; second line (from left to right): Edwin P. Hollander, PhD; Roger W. Russell, PhD; Herbert C. Kelman, PhD; third line (from left to right): Irving L. Janis, PhD; Morton Deutsch, PhD; Raymond D. Fowler, PhD

Table

Organization	Formed	NGO	Website
* APA: American Psychological Association	1892	1999	www.apa.org
IPA: International Psychoanalytic Association Trust	1910	1998	www.ipa.org.uk
* IAAP: International Association of Applied Psychology	1920	2003	www.iaapsy.org
IAQ: International Orthopsychiatric Association	1924	1999	www.amerortho.org
* SPSSI: Society for Psychological Study of Social Issues	1936	1991	www.spssi.org
* ICP: International Council of Psychologists	1941	1981	www.icpweb.org
* SIOP: Society for Industrial-Organizational Psychology	1945	2011	www.siop.org
WAWI: William Alanson White Institute	1946		www.wawhite.org
WFMH: World Federation for Mental Health	1948	1963	www.wfmh.org

Table, ending

Organization	Formed	NGO	Website
*IUPsyS: International Union of Psychological Sciences	1951	1998	www.iupsys.org
AWP: Association for Women in Psychology	1969	1976	www.awpsych.org
IOA: International Ontopsychology Association	1978	1999	www.ontopsicologia.org
ISPA: International School Psychology Association	1982	2004	www.ispaweb.org
ISTSS: International Society for Traumatic Stress Studies	1985	1993	www.istss.org
*EHPS: European Health Psychology Society	1986	2015	www.ehps.net
IFTA: International Family Therapy Association	1987	1999	www.ifta-familytherapy.org
*IMCES: Institute for Multicultural Counseling & Education Services	1989	2010	www.imces.org
*ATOP: Association for Trauma Outreach & Prevention	1990	2009	www.meaningfulworld.com
WCP: World Council for Psychotherapy	1995	2003	www.worldpsyche.org

Note. * – 9 of 19 UN Psychology NGOs in PCUN in 2019.

Figure 2. On 1 April 2004, the first gathering of psychology NGOs at Pace University

Figure 3. In 2018, a monthly meeting of PCUN, the Psychology Coalition of NGOs Accredited at the United Nations

4. **Coalition.** Starting in 2010, the Psychology Coalition at the UN (PCUN) formed as an umbrella group with formal bylaws and membership, which now numbers over 100 psychologists and student interns representing nine of 19 psychology NGOs (Figure 3). The mission of psychology is commonly divided into five parts: science, practice, education, consultation, and advocacy. Clearly, psychological *science* must be basic to the other four parts. Though all five parts are now represented at the United Nations, the trend has shifted from advocacy to more a diverse range of activities, including evidence-based research addressing the United Nations' 8 Millennium Development Goals (MDGs) for 2015, and 17 Sustainable Development Goals (SDGs) for 2030.

References

- Hollander, E.P. (2005, Summer). APA committee activity at the UN in the early 1960s. *International Psychology Reporter*, 9 (2), 22–23.
- Sapir, S.G., Sandis, E.E., & Gell, L.T. (2000). *A history of NGOs' work at the United Nations*. New York: International Council of Psychologists. [38-minute DVD].
- Takooshian, H. (Ed.). (2005). *Roster of psychologists at the United Nations, first edition*. New York: FIRST, Fordham Institute for Research, Service, Teaching.
- Takooshian, H., & Shinian, S.P. (2008, October). Psychology at the United Nations: A brief history. *Psychology International*, 13–14. Retrieved: <https://www.apa.org/international/pi/2008/10/un>

Notes

EcoSoc: <http://csonet.org/content/documents/e2013inf6.pdf>

DPI: <http://esango.un.org/civilsociety/login.do>

PCUN: <https://psychologycoalitionun.org/>

Article history:

Received: 09 December 2019

Revised: 15 January 2020

Accepted: 25 January 2020

For citation:

Takooshian, H., (2020). Psychological Science at the United Nations: Historical Trends. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(1), 209–213. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-209-213>

Bio note:

Harold Takooshian, PhD, is Professor of Psychology, Urban Studies, and Organizational Leadership at Fordham University (USA, New York). He is a psychology representative to the United Nations since 2003. E-mail: takoosh@aol.com

Научный репортаж

Психологическая наука в Организации Объединенных Наций: четыре исторических этапа

Г. Такушьян

Университет Фордхэм

Соединенные Штаты Америки, 10023, Нью-Йорк, 60-я ул., 113

Аннотация. С тех пор как 75 лет назад, 26 июня 1945 года, представители 51 страны образовали Организацию Объединенных Наций, психологические организации не спешили регистрироваться в ООН в качестве неправительственных организаций (НПО). В этом репортаже кратко описывается четырехэтапная история возникновения и развития психологических неправительственных организаций в ООН, которые стали более активными и скоординированными с 2004 года.

Ключевые слова: международная психология, Организация Объединенных Наций, неправительственные организации, психологическая коалиция в ООН

История статьи:

Поступила в редакцию: 09 декабря 2019 г.

Принята к печати: 25 января 2020 г.

Для цитирования:

Takooshian H. Psychological Science at the United Nations: Historical Trends // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 1. С. 209–213. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-209-213>

Сведения об авторе:

Такушьян Гарольд, Ph.D., профессор психологии, урбанистики и организационного лидерства в Университете Фордхэм (США, Нью-Йорк). Он представляет психологию в ООН с 2003 года. E-mail: takoosh@aol.com

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-1-214-218
UDC 159.99

Book review

Appreciating CB Therapy Across Cultures

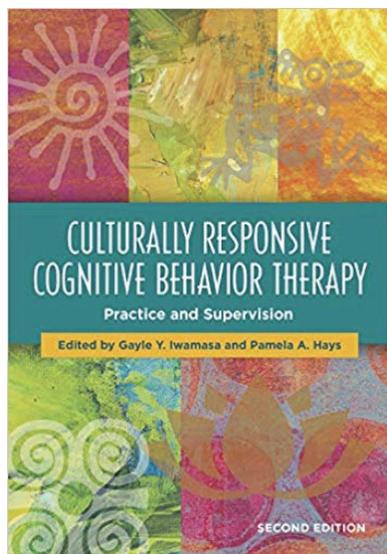
Book Review of:

Iwamasa, G.Y., & Hays, P.A. (Eds.). (2019).
Culturally Responsive Cognitive Behavior Therapy. 2nd Edition.
Washington DC: American Psychological Association. 348 p.

Debbie Joffe Ellis

Columbia University
525 West 120th St., New York, 10027, NY, USA

In this day and age, the importance of understanding and accepting differences in people and cultures cannot be overstated. In the USA, and in many other countries around the globe, the divisiveness between groups of people is enormous. On the surface, the divisiveness may simply appear to be fueled by differences in political, religious and/or social view. But it is highly likely that behind those views are the maladies of intolerance, damnation and disdain in the minds of individuals about aspects of the behaviors and beliefs of people and cultures that differ from their own.

Countless people suffer painful emotional and behavioral consequences related to uncivil attitudes and/or actions. Individuals who are not able to receive enough help and healing from family, friends or wise members of their community may be fortunate enough to reach out for, and receive, effective therapy. Responsible therapists will have done

their homework before working with a client whose cultural background differs from their own. This will enable them to provide greater understanding and empathy, and in-so-doing, provide more effective treatment.

The second edition of *Culturally Responsive Cognitive Behavior Therapy* has just been published by the American Psychological Association. Edited by Gayle Y. Iwamasa & Pamela A. Hays, it includes contributions by 27 experts in the field.

© Ellis D.J., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Each chapter describes effective cultural perspectives and adaptations that can enhance the work of Cognitive Behavior Therapy (CBT) practitioners, and quite frankly, can enhance the work of practitioners using other therapeutic modalities. It is a remarkable gift to have this “Go-To” book that offers substantial knowledge on the topic, provided by experts. The writers have incorporated information gained from recent research on the relevant application of CBT as applied to a variety of diverse cultures. In the introductory chapter, readers are wisely encouraged to consider any biases they have, and to challenge and replace them. An exercise is included (pp. 12–13) so that readers can conduct a cultural self-assessment and consider pertinent influences on their attitudes and behaviors. They are given the opportunity to consider several categories shown in the Table provided.

Throughout the book various chapters provide evidence of the effectiveness of CBT when used with ethnic minority groups (American Indians, Alaskan Natives, Latinx people, African Americans, Asian and South Asian Americans, people of Arab heritage and Orthodox Jews) and additional groups (elderly, disabled, sexual and gender minorities). Readers are given considerations to make therapy more effective with the respective groups. It is useful to read about the limitations of CBT with individuals of the group being described, which are referred to in some of the chapters. The case studies that are included give further insights about specific issues, challenges and considerations. These enable practitioners to be mindful when practicing CBT with members of these communities or cultures.

The final chapter, ‘Culturally Responsive Cognitive Behavior Therapy Clinical Supervision,’ provides important guidelines that will be helpful for CBT supervisors. It may also be helpful for supervisors of students of other modalities to consider and incorporate these guidelines.

In her introductory chapter, Dr. Hays indicates that while she and Dr. Iwamasa have included a diverse selection of cultural and minority groups in the book, more research is needed that will involve a greater number of diverse groups. After becoming aware of the valuable insights provided by current research, I am sure readers will whole-heartedly agree with that suggestion.

As I complete this review, I wish to add the following sobering observation, which also applies to a majority of contemporary books about cognitive approaches to psychotherapy that have been read by this reviewer. In recent years, when referring to the history and development of CBT, a number of practitioners and writers appear to be overlooking, or may simply be choosing to omit, the contributions of Rational Emotive Behavior Therapy (REBT). This is the pioneering cognitive approach in psychotherapy that was created by the late and great Albert Ellis. History shows that CBT and other approaches stand on the shoulders of REBT. Practitioners of CBT and other modalities are deprived of valuable knowledge when they fail to learn about REBT and those unique aspects that can enhance the application of their modality.

A musician, the late Roy Hargrove, once said: “It is important to understand history so that you can create something that stands on some kind of integrity.” Indeed, the work of Aaron T. Beck, often considered the founder of CBT, was first published in the 1960’s, over a decade after the early Ellis works were pub-

lished and taught. Dr. Beck often credited the contributions of Ellis to the field and Ellis's influence on his early work.

On page 11 of this book, in the section on 'Cognitive Behavior Therapy: An Overview,' Dr. Hays writes: "*In the 1950's and early 1960's, the field known as behavior therapy called attention to how environments could be manipulated to elicit, shape, and reinforce desired behaviors. A number of behavioral researchers subsequently became interested in the influence of cognition on behavior and it was out of this interest that the field of CBT developed.*"

The omission of even brief mention of REBT in the development of CBT can give a skewed view of its actual history and development. This is particularly true of students and younger practitioners who may not have had the opportunity to hear Ellis, who died in 2007.

I teach semester courses in both 'Comparative Psychotherapies' and 'Rational Emotive Behavior Therapy' at Columbia University, and give seminars and lectures about REBT at other universities. At times I am floored by a few of the attendees and students who approach me and say that they had had very little, if any, knowledge about REBT prior to hearing my presentations despite having been taught CBT. In this reviewed book, *Culturally Responsive Cognitive Behavior Therapy*, there is only one reference (p. 122) to RET (RET – Rational Emotive Therapy – the name given to REBT prior to 1993), and Ellis is not mentioned at all.

Articles by Ellis, Beck and Padesky were published in the *Journal of Cognitive Therapy* (2003, 2005) describing the respective views of each of these authors on the similarities and differences between REBT and CBT. They all agreed that REBT includes more of a philosophical element, in addition to its no-nonsense cognitive and behavioral methodology. One of the philosophical elements in REBT, which is not emphasized in CBT, is its emphasis on the importance of working towards experiencing greater unconditional acceptance. This component has 3 forms: unconditional self-acceptance, unconditional other acceptance, and unconditional life acceptance. These attitudes create and fortify tolerance, and are highly relevant and beneficial when working with clients from diverse cultures, backgrounds and lifestyles. REBT offers the 'how-to's' for achieving this goal, and may add to the effectiveness of CBT therapy with clients from any and all of the groups considered in this book.

I highly recommend *Culturally Responsive Cognitive Behavior Therapy* to therapists using CBT and any other therapeutic modality. It is an enriching, articulate and important addition to the library of any responsible and effective therapist who has the desire to better understand their clients. It can assist therapists to communicate with their clients more effectively and in ways to which clients can best understand and relate, creating more impactful rapport, healing and hope throughout the therapeutic process. And isn't that an essential goal of many therapeutic approaches? Their implicit or explicit goal is to provide the understanding and techniques that offer healing and hope, along with the psycho-education that encourages and enables clients of all creeds, cultures, beliefs and life styles, to maintain their therapeutic gains post-therapy.

Congratulations to Drs. Iwamasa and Hays, and to all the contributors in this book. I have no doubt that many of us look forward to a third edition in the years ahead!

References

- Ellis, A. (2003). Similarities and differences between rational emotive behavior therapy and cognitive therapy. *Journal of Cognitive Therapy, 17*, 225–240.
- Ellis, A. (2004). *The Road to Tolerance: The Philosophy of Rational Emotive Behavior Therapy*. Amherst, NY: Prometheus Books.
- Ellis, A. (2005a). Discussion of Christine A. Padesky and Aaron T. Beck, “Science and Philosophy: Comparison of Cognitive Therapy and Rational Emotive Behavior Therapy.” *Journal of Cognitive Therapy, 19*, 181–185.
- Ellis, A. (2005b). *The Myth of Self-Esteem*. Amherst, NY: Prometheus Books.
- Ellis, A., & Ellis, D.J. (2019). *Rational Emotive Behavior Therapy*. Washington, DC: American Psychological Association.
- Padesky, C.A., & Beck, A.T. (2003). Science and philosophy: Comparison of cognitive therapy and rational emotive behavior therapy. *Journal of Cognitive Therapy, 17*, 211–229.

Article history:

Received: 09 December 2019

Revised: 20 January 2020

Accepted: 25 January 2020

For citation:

Ellis, D.J. (2020). Appreciating CB Therapy Across Cultures: Book Review of: Iwamasa G.Y., & Hays, P.A. (Eds.). (2019). *Culturally Responsive Cognitive Behavior Therapy*. 2nd Edition. Washington DC: American Psychological Association. 348 p. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics, 17*(1), 214–218. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-214-218>

Bio note:

Debbie Joffe Ellis, Ph.D., is an international author, speaker, and Adjunct Professor at Teachers College, Columbia University (New York, USA), where she teaches rational emotive behavior therapy and comparative psychotherapies. She is a licensed psychologist (Australia) and licensed mental health counselor (New York). For years she worked with her husband and co-author, the brilliant Dr Albert Ellis (1913–2007), the founder of Rational Emotive Behavior Therapy (REBT). In 2014 she was named “Legend in Counseling” by the American Counseling Association. Website: www.debbiejoffeellis.com. Email: debbiejoffeellis@gmail.com

Рецензия на книгу

**Принимающая когнитивно-бихевиоральная терапия
в разных культурах**

Рецензия на книгу:

Culturally Responsive Cognitive Behavior Therapy /
ed. by G.Y. Iwamasa, P.A. Hays. 2nd Edition.
Washington DC: American Psychological Association, 2019. 348 p.

Дебби Джофф Эллис

Колумбийский университет
Соединенные Штаты Америки, 10027, Нью-Йорк, 120-я ул., 525

История статьи:

Поступила в редакцию: 09 декабря 2019 г.

Принята к печати: 25 января 2020 г.

Для цитирования:

Ellis D.J. Appreciating CB Therapy Across Cultures: Book Review of: Iwamasa, G.Y., & Hays, P.A. (Eds.). (2019). *Culturally Responsive Cognitive Behavior Therapy*. 2nd Edition. Washington DC: American Psychological Association. 348 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 1. С. 214–218. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-214-218>

Сведения об авторе:

Эллис Дебби Джофф, Ph.D., доцент Педагогического колледжа Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), где она преподает рационально-эмотивную поведенческую терапию и сравнительную психотерапию. Она является лицензированным психологом (Австралия) и лицензированным консультантом по психическому здоровью (Нью-Йорк). В течение многих лет работала со своим мужем и соавтором, доктором Альбертом Эллисом (1913–2007), основателем рационально-эмотивной поведенческой терапии (Rational Emotive Behavior Therapy, REBT). В 2014 году Американская консультативная ассоциация (American Counseling Association, ACA) назвала ее «Легендой в консультировании». Website: www.debbiejoffeellis.com. E-mail: debbiejoffeellis@gmail.com

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ в научном журнале «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика»

Прием и подготовка рукописей к печати

1. Автор представляет в редколлегию серии электронный вариант статьи и сведений об авторе, оформленные согласно приведенным ниже требованиям, по электронному адресу psyj@rudn.ru

2. После поступления статьи в редколлегию главный редактор или ответственный секретарь серии оценивают соответствие содержания статьи научному уровню и профилю журнала, а также проверяют на наличие заимствований в системе «Антиплагиат». Если статья не соответствует научному уровню и профилю журнала и/или процент оригинальности при автоматической проверке составляет менее 80 %, статья возвращается автору.

3. Статьи, успешно прошедшие предварительную проверку (см. п. 2), направляются на рецензирование специалистам, докторам или кандидатам наук, имеющим публикации по проблематике, близкой к теме статьи (не менее 2–3 публикаций за последние 3 года). Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются в зависимости от занятости рецензента, с учетом создания условий для оперативной публикации статьи.

В рецензии освещаются следующие вопросы: 1) соответствие статьи профилю журнала; 2) соответствие содержания статьи названию; 3) актуальность, новизна, теоретическая и/или практическая значимость проблемы; 4) полнота и научная грамотность описания основных положений теоретического и/или эмпирического исследования; 5) структура, стиль, язык статьи, наглядность иллюстративного материала (при наличии); 6) недостатки статьи с указанием рекомендаций по их исправлению, дополнениям или сокращениям, которые должны быть внесены автором (при наличии); 7) заключение рецензента (статья рекомендуется к публикации, рекомендуется с учетом исправления указанных недостатков, не рекомендуется к публикации в данном журнале).

4. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный секретарь серии направляет их автору с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументировано (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией серии.

5. После принятия редколлегией серии решения о публикации статьи ответственный секретарь серии информирует автора о том, в содержание какого номера включена статья, и указывает планируемые сроки публикации.

Требования к оформлению рукописей

Компьютерный набор: файл MS Word с расширением *.doc или *.docx; шрифт Times New Roman; кегль 12; межстрочный интервал 1,5; нумерация страниц внизу по центру; поля все 3,5 см; абзацный отступ 1 см.

Структура текста на русском языке:

- в левом верхнем углу УДК (определить с помощью сайта: <http://teacode.com/online/udc/>);
- название (форматирование по центру);
- инициалы и фамилия автора/авторов (строчные буквы, полужирный шрифт);
- место работы автора (для каждого автора: полное название вуза, организации и др.);
- рабочий адрес автора (последовательность: страна, почтовый индекс, название населенного пункта, название улицы, номер дома, курсив);

– аннотация содержания статьи (150–250 слов);

– список ключевых слов (5–10);

– текст статьи (рекомендуемый объем 15 000–25 000 знаков с пробелами); текст должен быть структурирован и иметь подзаголовки (например, для эмпирической статьи: Введение, Материалы и методы, Результаты, Обсуждение результатов, Заключение/Выводы); названия рубрик должны соответствовать содержанию статьи;

– таблицы и рисунки должны быть подписаны (все подписи и надписи должны быть продублированы на английском языке) и включены непосредственно в текст статьи; рисунки должны быть четкими, контрастными и только черно-белыми;

– при необходимости примечания или комментарии к тексту относятся в конец рукописи в раздел «Примечания». При этом в самом тексте номер примечания указывается цифрой в круглых скобках, например (1), (2) и т.д.;

– раздел «Список литературы», в котором по алфавиту указываются выходные данные источников (обязательно указание doi для тех источников, которые его имеют, наличие проверяется на сайте: <http://search.crossref.org/>), на которые есть ссылки в тексте статьи (сначала на русском, затем – на иностранных языках).

В самом тексте в круглых скобках указываются фамилия автора и год издания, подробнее см. http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines_APA;

– сведения об авторе/авторах: ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, должность (+ полное название кафедры, вуза/организации), e-mail (будет опубликован).

После всех указанных материалов на русском языке помещаются:

- перевод на английский язык названия статьи;
- транслитерация фамилии, имени, отчества автора/авторов;
- официальный перевод наименования организации;
- транслитерация адреса организации;
- перевод на английский язык аннотации и ключевых слов;

– раздел “References”, в котором содержится список литературы в романском алфавите (транслитерация + перевод), оформленный по правилам Американской психологической ассоциации (APA): http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines_APA. Порядок источников в этом списке может отличаться от библиографического списка, т.к. он составляется согласно английскому алфавиту. Обратите внимание, что оформление источников в этом списке (даже источников на иностранных языках) отличается от оформления в библиографическом списке (см. http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines_APA);

– перевод на английский язык сведений об авторах.

В случае публикации статьи на английском языке после списка литературы (References) помещаются название; фамилия, имя, отчество автора/авторов; наименование и адрес организации; краткая аннотация; ключевые слова и сведения об авторах на русском языке. Если в списке есть источники на русском языке, то в разделе “References” они помещаются в романском алфавите (транслитерация + перевод).

Вопросы, связанные с требованиями к оформлению и сдаче рукописей, принимаются по адресу psyj@rudn.ru